

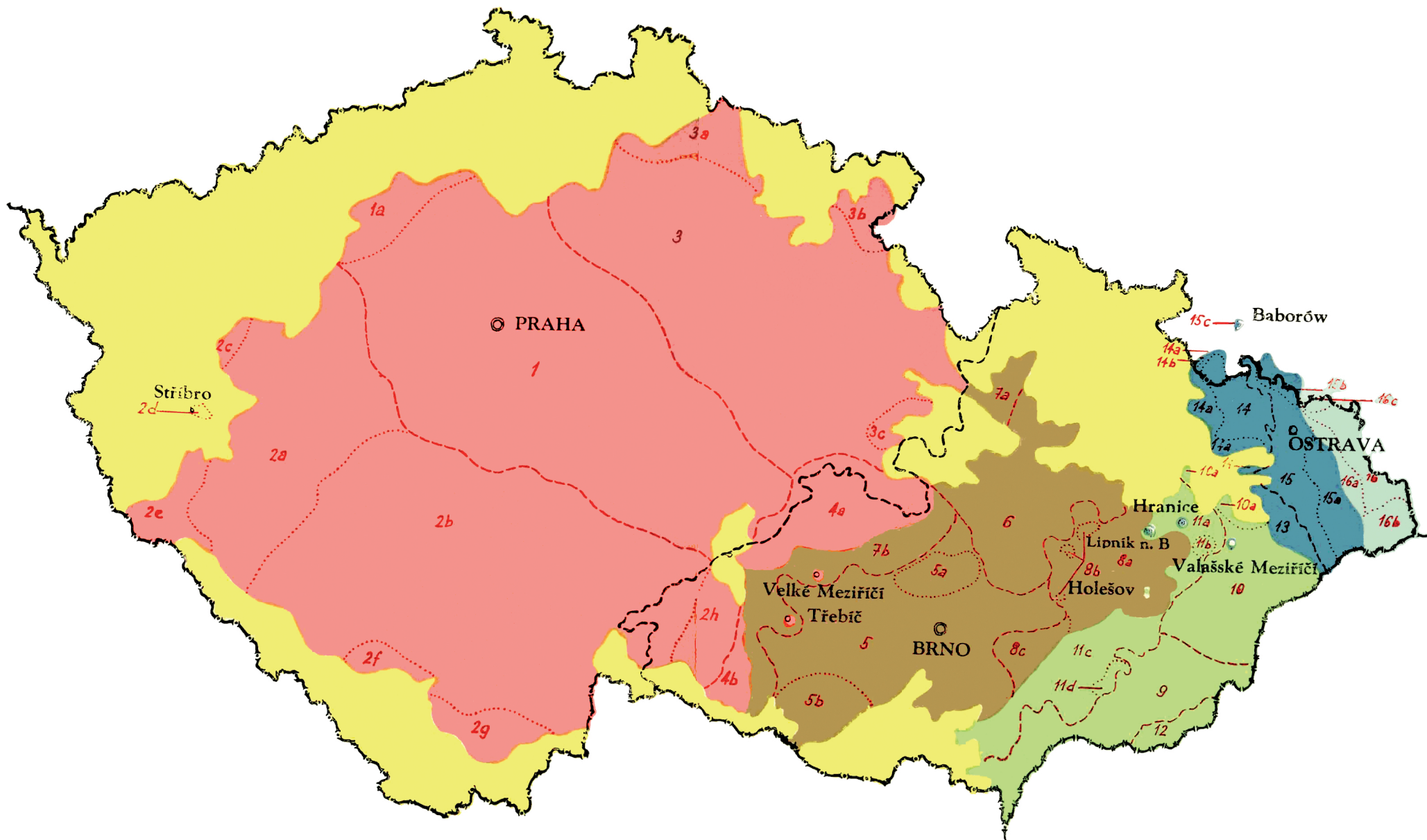
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

Филологический факультет

А.И. Изотов

ЧЕШСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Москва
МАКС ПРЕСС
2022

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА
Филологический факультет

А.И. Изотов

**ЧЕШСКАЯ
ДИАЛЕКТОЛОГИЯ**

Учебное пособие

МОСКВА – 2022

УДК 811.162.3'271 (075.8)
ББК 81.2Чеш-67я73
ИЗ8

<https://elibrary.ru/mgwrws>

*Печатается по решению Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Рецензенты:

- Е.Н. Бекасова*, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и МПРЯ Оренбургского государственного педагогического университета;
К.В. Лифанов, доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
Е.И. Якушкина, доктор филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Изотов, Андрей Иванович.

ИЗ8 **Чешская диалектология** : учебное пособие / А.И. Изотов. –
Москва : МАКС Пресс, 2022. – 184 с.
ISBN 978-5-317-06858-5
<https://doi.org/10.29003/m3011.978-5-317-06858-5>

Входящий в общий курс истории чешского языка курс чешской диалектологии, как его для многих поколений славистов Московского государственного университета читала основательница отечественной школы ботаники профессор А.Г. Широкова, учитывает чешскую традицию активного использования диалектизмов и особенно элементов сформировавшегося на основе собственно-чешских диалектов так называемого обиходно-разговорного чешского языка не только в неформальном повседневном общении, но и в драматургии, художественной литературе и кинематографе.

Предназначается для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Ключевые слова: чешская диалектология, обиходно-разговорный чешский язык, идиом, диалект, интердиалект, койне.

УДК 811.162.3'271 (075.8)
ББК 81.2Чеш-67я73

ISBN 978-5-317-06858-5

© А.И. Изотов, 2022
© Оформление. МАКС Пресс, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Языковая ситуация в Чехии.....	7
2. Обиходно-разговорное чешское койне.....	21
2.1. Основные особенности чешского обиходно-разговорного койне	22
2.1.1. Фонетические особенности	22
2.1.2. Морфологические особенности.....	23
2.1.3. Синтаксические особенности	25
2.1.4. Лексические особенности	26
2.2. Примеры использования элементов чешского обиходно-разговорного койне в художественной литературе и кинематографе.....	44
2.2.1. Элементы чешского обиходно-разговорного койне в художественном тексте	44
2.2.2. Элементы чешского обиходно-разговорного койне в мультипликационном сериале.....	46
2.2.3. Элементы чешского обиходно-разговорного койне в художественном фильме.....	47
3. Собственно-чешские говоры.....	50
3.1. Территория распространения собственно-чешских говоров	50
3.2. Собственно-чешские говоры в их отношении к иным чешским говорам.....	52
3.2.1. Фонетические особенности собственно-чешских говоров	52
3.2.2. Морфологические особенности собственно-чешских говоров.....	54
3.3. Центральная группа собственно-чешских говоров	56
3.3.1. Территория распространения центральных собственно-чешских говоров	56
3.3.2. Наиболее характерные особенности центральных собственно-чешских говоров	56
3.3.3. Образцы центральных собственно-чешских говоров	59
3.4. Юго-западная группа собственно-чешских говоров.....	61
3.4.1. Территория распространения юго-западных собственно-чешских говоров	61
3.4.2. Наиболее характерные особенности юго-западных собственно-чешских говоров	61
3.4.3. Образцы юго-западных собственно-чешских говоров	65
3.5. Северо-восточная группа собственно-чешских говоров	70

3.5.1. Территория распространения северо-восточных собственно-чешских говоров	70
3.5.2. Наиболее характерные особенности северо- восточных собственно-чешских говоров	71
3.5.3. Образцы северо-восточных собственно-чешских говоров	74
3.6. Юго-восточная группа собственно-чешских говоров.....	79
3.6.1. Территория распространения юго-восточных собственно-чешских говоров	79
3.6.2. Наиболее характерные особенности юго- восточных собственно-чешских говоров	80
3.6.3. Образцы юго-восточных собственно-чешских говоров	83
4. Центральноморавские (ганацкие) говоры.....	86
4.1. Территория распространения центрально-моравских (ганацких) говоров	86
4.2. Центральноморавские (ганацкие) говоры в их отношении к иным чешским говорам	87
4.3. Южная группа центрально-моравских (ганацких) говоров	92
4.3.1. Территория распространения южных центрально- моравских (ганацких) говоров	92
4.3.2. Наиболее характерные особенности южных центрально-моравских (ганацких) говоров.....	92
4.3.3. Образцы южных центрально-моравских (ганацких) говоров	95
4.4. Северная группа центрально-моравских (ганацких) говоров	99
4.4.1. Территория распространения северных центрально-моравских (ганацких) говоров.....	99
4.4.2. Наиболее характерные особенности северных центрально-моравских (ганацких) говоров.....	99
4.4.3. Образцы северных центрально-моравских (ганацких) говоров	102
4.5. Западные периферийные центрально-моравские (ганацкие) говоры.....	103
4.5.1. Территория распространения западных периферийных центрально-моравских (ганацких) говоров	103
4.5.2. Наиболее характерные особенности западных периферийных центрально-моравских (ганацких) говоров	104
4.5.3. Образцы западных периферийных центрально- моравских (ганацких) говоров	106
4.6. Восточные центрально-моравские (ганацкие) говоры.....	107
4.6.1. Территория распространения восточных центрально-моравских (ганацких) говоров.....	107

4.6.2. Наиболее характерные особенности восточных центрально-моравских (ганацких) говоров	107
4.6.3. Образцы восточных центрально-моравских (ганацких) говоров	110
5. Восточно-моравские (моравско-словацкие) говоры	115
5.1. Территория распространения восточно-моравских (моравско-словацких) говоров	115
5.2. Восточно-моравские (моравско-словацкие) говоры в их отношении к иным чешским говорам	116
5.3. Южная подгруппа восточно-моравских (моравско- словацких) говоров	122
5.3.1. Территория распространения южных восточно- моравских (моравско-словацких) говоров	122
5.3.2. Наиболее характерные особенности южных восточно-моравских (моравско-словацких) говоров.....	122
5.3.3. Образцы южных восточно-моравских (моравско-словацких) говоров	124
5.4. Северная подгруппа восточно-моравских (моравско- словацких) говоров	126
5.4.1. Территория распространения северных восточно-моравских (моравско-словацких) говоров.....	126
5.4.2. Наиболее характерные особенности северных восточно-моравских (моравско-словацких) говоров.....	126
5.4.3. Образцы северных восточно-моравских (моравско-словацких) говоров	128
5.5. Западные периферийные восточно-моравские (моравско-словацкие) говоры	131
5.5.1. Территория распространения западных периферийных восточно-моравских (моравско-словацких) говоров	131
5.5.2. Наиболее характерные особенности западных периферийных восточно-моравских (моравско-словацких) говоров	132
5.5.3. Образцы западных периферийных восточно- моравских (моравско-словацких) говоров	134
5.6. Копаничарские восточно-моравские (моравско- словацкие) говоры.....	137
5.6.1. Территория распространения копаничарских восточно-моравских (моравско-словацких) говоров.....	137
5.6.2. Наиболее характерные особенности копаничарских восточно-моравских (моравско-словацких) говоров	137
5.6.3. Образцы копаничарских восточно-моравских (моравско-словацких) говоров	139
6. Чешские силезские (ляшские) говоры.....	142

6.1. Территория распространения чешских силезских (ляшских) говоров.....	142
6.2. Чешские силезские (ляшские) говоры в их отношении к иным чешским говорам	143
6.3. Южная (моравская) подгруппа чешских силезских (ляшских) говоров.....	149
6.3.1. Территория распространения южных (моравских) силезских (ляшских) говоров.....	149
6.3.2. Наиболее характерные особенности южных (моравских) силезских (ляшских) говоров.....	149
6.3.3. Образцы южных (моравских) силезских (ляшских) говоров	150
6.4. Западная (опавская) подгруппа чешских силезских (ляшских) говоров.....	151
6.4.1. Территория распространения западных (опавских) силезских (ляшских) говоров.....	151
6.4.2. Наиболее характерные особенности западных (опавских) силезских (ляшских) говоров.....	151
6.4.3. Образцы западных (опавских) силезских (ляшских) говоров	153
6.5. Восточная (остравская) подгруппа чешских силезских (ляшских) говоров.....	158
6.5.1. Территория распространения восточных (остравских) силезских (ляшских) говоров.....	158
6.5.2. Наиболее характерные особенности восточных (остравских) силезских (ляшских) говоров.....	158
6.5.3. Образцы восточных (остравских) силезских (ляшских) говоров	159
7. Смешанные чешско-польские говоры.....	164
7.1. Территория распространения смешанных чешско-польских говоров.....	164
7.2. Смешанные чешско-польские говоры в их отношении к иным чешским говорам	164
7.3. Образцы смешанных чешско-польских говоров	168
Литература / References	173

1. ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ЧЕХИИ

Характерной особенностью современной чешской языковой ситуации является её близость к классической ситуации диглоссии как особого варианта двуязычия, при котором на одной и той же территории в одном и том же социуме сосуществуют два идиома («высокий» и «низкий»), применяемые их носителями в различных функциональных сферах. На большей части территории современной Чешской республики (западные две трети её территории) мы обнаруживаем, с теми или иными оговорками, все основные признаки классической диглоссии в понимании Ч. Фергюсона [Ferguson 1972], а именно:

1. Различаются «высокий» (*spisovná čeština*) и «низкий» (*obecná čeština*) идиом, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции: в ситуациях, когда употребляется один из них, неуместно, а часто и невозможно употребление другого.

2. Социальный престиж первого идиома (*spisovná čeština* ‘литературный чешский язык’) высок, социальный престиж второго идиома (*obecná čeština* ‘обиходно-разговорное чешское койне’) низок.

3. Литературный чешский язык соотносится с многовековой литературной традицией: так называемая «Пражская Библия» на чешском языке была напечатана в 1488 году – за 93 года до Острожской Библии Ивана Фёдорова.

4. Обиходно-разговорный чешский усваивается «естественным» путем, то есть через живое общение, литературный чешский усваивается в школе посредством формального обучения.

5. Литературный чешский кодифицирован, обиходно-разговорный чешский не кодифицирован, хотя и характеризуется общепринятой в социуме имплицитной нормой.

6. Сложившаяся чешская диглоссная ситуация достаточно стабильна, во всяком случае, она существует в течение целого ряда поколений.

7. Грамматический строй обиходно-разговорного чешского на синхронном уровне выглядит как упрощённый вариант грамматического строя литературного чешского.

8. Хотя основная часть лексики является общей для обоих идиомов, существует немалое количество лексических вариантов, выбор одного из которых однозначно относит высказывание к литературному чешскому или же к обиходно-разговорному чешскому.

9. Система фонем обоих идиомов идентична или практически идентична (возможны неоднозначные интерпретации фонологического статуса некоторых единиц или их сочетаний).

Истоки данного положения вещей следует искать, по нашему мнению, в особенностях исторического развития Чехии и всего региона за последние несколько столетий. В результате ряда исторических событий, приведших в итоге к трансформации Священной Римской империи как наднационального образования в империю наследственных земель габсбургской династии, Чехия из региональной сверхдержавы к XVIII веку фактически превратилась в австрийскую провинцию, а чешский язык оказался вытесненным (полностью или почти полностью) из большинства сфер функционирования естественного языка – сфер науки, литературы, повседневного общения – значительной части населения Чехии и Моравии, оказавшейся к тому времени немецкой или германизированной. Вспомним, что в 1918 году Масарику и Бенешу, чтобы сформировать Чехословакию как мононациональное государство (с национальными меньшинствами – немцами, венграми, украинцами), пришлось сделать основой государственной доктрины концепцию «чехословакизма», постулирующую существование «чехословацкого» этноса и «чехословацкого» языка, иначе немцы не укладывались в традиционное национальное меньшинство.

Даже в сельской местности на рубеже XVIII-XIX веков целые регионы были немецкоязычными, в городах же чешский язык воспринимался зачастую как «язык служанок» (Dienerinnensprache). Видимо, чехов ждала участь полабских славян, без остатка растворившихся в немецком массиве, или лужицких сербов, растворяющихся сейчас.

Весьма показательна ситуация, описанная в романе Б. Немцовой «Бабушка», когда зять главной героини (носящий не просто славянскую фамилию, но славянскую фамилию в её исконной, пока еще не германизированной огласовке не умеет говорить по-чешски, ср:

С первой же встречи бабушка всецело завладела сердцами своих внучат и сама отдала им свое сердце. Пан Прошек, бабушкин зять, – с ним до сих пор она не была знакома – завоевал её расположение своей добротой и сердечностью, которыми дышало его красивое лицо. Одно только огорчало ее: зять не говорил по-чешски. Сама же она если и знала что по-немецки, то давно забыла. А ей так хотелось поговорить с Яном! Однако зять утешил ее, уверив, что понимает чешскую речь. И в самом деле, бабушка сразу заметила – в доме говорят на двух языках. Дети и работницы обращались к пану Прошеку по-чешски, а он отвечал им по-немецки, и все хорошо понимали друг друга.

Персонаж чешского фильма 2000 года с двойным чешско-немецким названием *Musíme si pomáhat / Wir müssen zusammenhalten* Хорст Прохазка (Horst Prohazka) воспринимает себя сам чистокровным немцем, хотя о его чешских корнях свидетельствует его фамилия, представляю-

шая собой поковерканную (отсутствие знака долготы над буквой *á* + замена диграфа «ch» на букву «h») очень распространенную чешскую фамилия Procházka (так в средние века называли беглых крепостных).

Тем не менее явно наметившаяся тенденция была преодолена. «Патриарх славистики» Йозеф Добровский пишет «Подробное научное описание богемского языка немцам для обстоятельного изучения оного, богемцам же для совершенного понимания» [Ausführliches... 1809], Йозеф Юнгманн составляет многотомный чешско-немецкий словарь [Slownjk... 1835-1839], в который смело включает, богемизировав их огласовку, слова иных славянских языков, прежде всего польского и русского.

Однако Й. Добровский, составляя своё «Подробное научное описание...», ориентировался прежде всего на чешские художественные тексты так называемого добелогорского периода – периода расцвета чешской литературы в XVI-начале XVII столетия. В результате в этой грамматике оказались не отраженными вообще либо отраженными в недостаточной степени многие существенные изменения в фонетике, морфологии, синтаксисе, произошедшие в собственно-чешских говорах более чем за два столетия. Отметим, что отсутствие в чешском языке редукции безударных гласных делает противопоставление литературных и обиходно-разговорных/диалектных огласовок особенно выразительным, не позволяя воспринимать нелитературную форму просто как результат небрежного выговора.

Среди ответов на извечные вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» можно услышать и весьма радикальные. Во всем виноват Й. Добровский, который вместо того, чтобы кодифицировать живой чешский язык, почему-то взял за образец язык средневековых манускриптов и инкунабул. Давайте же хоть сейчас (лучше поздно, чем никогда) кодифицируем этот живой язык.

К сожалению, призывы подобного рода нельзя принимать всерьез. Во-первых, «живой чешский язык» – абстракция. Собственно-чешское обиходно-разговорное койне (obecná čeština), которое под «живым чешским языком» обычно понимается, не покрывает всей территории распространения чешского языка. Сделать обиходно-разговорный чешский язык (так переводила термин obecná čeština ведущий отечественный богемист минувшего столетия профессор А.Г. Широкова) языком литературным значило бы нарушить естественные права тех чехов, у которых другой «живой чешский язык» (например, obecná moravština – обиходно-разговорное моравское койне или obecná laština – обиходно-разговорное силезское койне).

Если и сейчас, после масштабных унификационных процессов XX века (мировые войны; преобладание городского населения над сель-

ским; массовая коммуникация) нет единого «живого чешского языка», которым можно было бы заменить литературный чешский язык (успешно функционирующий), справедливо ли упрекать Й. Добровского, что он не нашел подходящего для кодификации «живого чешского языка» двести лет назад, когда чешские диалекты были практически законсервированы (тогдашний крестьянин, выбиравшийся пару раз в году в город или на ярмарку, всю свою жизнь слышал своих же соседей)? Кроме того, Й. Добровский, в общем-то, и не собирался ничего кодифицировать, так как «не считал, что чешский язык нужно развивать для тонкого языка искусства и научного стиля» [Petr 1989: 35]. Он блестяще выполнил грандиозную задачу помочь современному ему читателю (читателю немецкоязычному, ведь написана его грамматика на немецком языке и в первую очередь для немцев – вчитаемся в само название его грамматики) познакомиться с чешской литературой добелогорского периода. Лишь так называемое «второе поколение чешского национального возрождения» (середина XIX века) вознамерилось «сделать из чешского языка развитый национальный язык, который мог бы <...> во всех областях жизни заменить немецкий язык» [Petr 1989: 37]. Мы полагаем, что такое полувекое «запаздывание» связано с особенностями земского патриотизма многих тогдашних обитателей Чехии, которые очень долго предпочитали считать себя в первую очередь не чехами или немцами, а «богемцами», см. [Веверкова 2012].

В результате, по образному выражению известных чешских лингвистов Петра Сгалла и Иржи Гронека, «у литературного чешского языка нет естественных носителей» (*spisovná čeština nemá své rodilé mluvčí* [Sgall, Hronek 1992: 26]). Различия между кодифицированным литературным чешским языком (*spisovná čeština*) и сложившимся на базе собственно-чешских говоров обиходно-разговорным койне (*obecná čeština*) затрагивают практически все уровни языковой системы и настолько значительны, что, например, иностранцу легко может показаться, что речь идет о разных, пусть и о близкородственных языках, см. [Изотов 2013с].

Чешский дошкольник знакомится естественным путем (т.е. через бытовое общение) с обиходно-разговорным койне либо диалектом, а затем идет в школу и начинает там зубрить парадигмы «родного» литературного языка (к этому процессу, естественно, могут подключаться и родственники).

Весьма характерны две сценки из фильма *Dědictví aneb kurvaseneříká* (2012), в которых взрослые, вспомнив о своих обязанностях, поправляют ребёнка (в первой сценке ему исправляют диалектную огласовку возвратной частицы *sa* → *se*, во второй – диалектную форму 1 лица ед. числа глагола «быть» *su* → *jsem*). Примечательно, что присутствующий

при первой сценке дед ребёнка (все они возвращаются с похорон его жены) воспроизводит сказанную внуком фразу в диалектной, а не литературной огласовке:

Сценка 1:

Ребёнок: *Co je to být mrtvý?*

Дедушка: *Mrtvý jsi když umřeš, když nežiješ.*

Ребёнок: *A babička už nežije?*

Мама: *Bude žít v našich vzpomínkách.*

Ребёнок: *Už sa nevrátí?*

Мама: *Se nevrátí. „Se“, ne „sa“.* *Se nevrátí.*

Дедушка: *Už sa nevrátí.*

Сценка 2:

Бабушка: *Dědeček je také smutný, viš? Musíš na něho být hodný.*

Ребёнок: *Já su na něho hodný.*

Бабушка: *[J]sem. Říká se [j]sem hodný.*

Немаловажную проблему представляет и сложившаяся терминология. В 30-е годы XX века богемистами Пражского лингвистического кружка была сформулирована «теория языковой культуры», в соответствии с которой «литературный чешский язык» (*spisovná čeština*) является высшей формой существования языка чешской нации и осваивается в процессе получения формального образования. Большинство же «обычных», то есть не получивших такого формального образования чешских обитателей исторического королевства Богемия говорят на «обиходно-разговорном [букв. ‘обычном’] чешском языке» (*obecná čeština*), сформировавшемся на базе собственно-чешских диалектов, см. [Наврәнек 1932].

Помимо «литературного чешского» и «обиходно-разговорного чешского» «теория языковой культуры» оперирует понятием «разговорный чешский» (*hovorová čeština*), который предназначен для использования в неофициальных сферах общения теми, кто привык активно употреблять «литературный чешский», см. [Bělič 1959]. Отметим, что в советской традиции термин *hovorová čeština* переводится на русский язык как «разговорный стиль чешского литературного языка». Этот «разговорный чешский» (*hovorová čeština*), будучи свободным как от чересчур книжных, так и от просторечных элементов, был призван, по замыслу его пропагандистов, выступать в роли своего рода фильтра, через который элементы «обычного чешского» должны проникать в «литературный чешский», пополняя и обогащая его, см. [Bělič 1958].

Схема *spisovná čeština* – *hovorová čeština* – *obecná čeština* продолжает использоваться до сих пор, хотя и вызывает всё больше возражений.

Самым уязвимым звеном данной схемы оказалась *hovorová čeština*. Как было показано еще полвека назад, в ситуации непринужденного общения даже весьма образованные чехи обращаются отнюдь не к некоему искусственно созданному для нужд интеллектуалов «разговорному чешскому», а к самому обыкновенному «обиходно-разговорному чешскому языку», см. [Švehlová-Dvončová 1956: 227]. Необходимо отметить и то, что внутренняя форма термина *hovorová čeština* провоцирует отождествление обозначаемого им понятия с устной речью, так что лингвистам время от времени приходится подчеркивать, что высказывание может быть устным, но не быть при этом «разговорным» и может быть «разговорным», будучи письменным, см. [Hrbáček 1995: 53]. Нечеткость и непоследовательность в употреблении термина *hovorová čeština*, связанная с неопределенностью обозначаемого им денотата, привели к тому, что один из наиболее авторитетных богемистов рубежа веков Фр. Данеш в посвященном тенденциям развития языковой ситуации в Чехии сборнике назвал «разговорный чешский язык» (*hovorová čeština*) «химерой», см. [Daneš 1988].

Термин *obecná čeština*, конечно же, гораздо более устойчив, чем термин *hovorová čeština*, в чем легко убедиться, задав соответствующий поиск в чешском секторе Интернета, однако и он подвергается критике.

Начнём с того, что в эпоху всеобщей грамотности «обычных», то есть не получивших формального образования, людей не осталось, однако «обиходно-разговорный чешский язык» отнюдь не слился ни с «разговорным чешским», ни с «литературным чешским» в единое целое и, судя по всему, не собирается это делать в ближайшее время. Отметим, что в отличие от русского просторечья, с которым «обиходно-разговорный чешский» иногда соотносится [Бельчиков 1990: 402], использование в разговоре элементов «обиходно-разговорного чешского» свидетельствует не о «низком культурном и цивилизационном уровне» говорящего, а всего лишь о неформальной обстановке беседы [Štícha 1995: 59].

В результате во внутренней форме уже успешшего устояться термина активизировалось другое значение слова *obecný*, а именно значение «общий, совместный» (отметим, что сходным спектром значений обладает и английское прилагательное *common*, употребляемое в английском варианте данного термина – *obecná čeština/Common Czech*, ср. *obecný lid/common people*, *obecný majetek/common property*).

Но является ли *obecná čeština* «общим языком» для всех чехов? Для немалого числа чешских граждан ответ будет отрицательным. В центральной Моравии свой «общий язык» – *obecná hanáctina* («обиходно-разговорный [букв. ‘обычный’] обычный ганацкий», он же *obecná středomoravština* – «обиходно-разговорный [букв. ‘обычный’] центрально-

моравский»), на востоке и севере Моравии, а также в чешской Силезии позиции, которые могла бы занять обесná čeština, прочно заняты местными диалектами.

Это одна из причин, по которой «обиходно-разговорный чешский» нельзя просто кодифицировать, к чему призывают энтузиасты так называемой «концепции минимальной интервенции». Ведь такой «литературный чешский язык», возникший в результате механического переименования «обиходно-разговорного чешского», перестанет объединять всех представителей чешской нации, будучи чуждым для многих чешских жителей Моравии и Силезии.

Вторая не менее серьезная причина состоит в недостаточной определенности самого содержания термина обесná čeština. Для многих обесná čeština – это то, что противопоставлено «литературному чешскому», то есть своего рода набор собственно-чешских интердиалектных элементов, не совпадающих с соответствующими элементами литературного языка, причем речь идет об элементах разной степени употребительности, см. [Изотов 2014b]. Мы можем встретиться и с мнением, что помимо «обиходно-разговорного чешского языка», сформировавшегося на базе собственно-чешских диалектов, можно говорить и о другом «обиходно-разговорном чешском» – своего рода койне, вышедшем как за географические, так и за социальные рамки собственно-чешского интердиалекта, см. [Mluvená... 2011]. Тем самым мы приближаемся к ситуации в германистике, где выделение нескольких вариантов «обиходно-разговорного немецкого языка» – привычное дело [Меркурьева 2007]. Подобные неоднозначные истолкования «обиходно-разговорного чешского» приводят к тому, что уже и о нем также говорят, как о химере, см. [Uličný 1994].

Свою роль в происходящем сыграла и произошедшая в последнее десятилетие так называемая «корпусная революция» [Изотов 2013b]. Создание крупных (миллиарды словоупотреблений) электронных корпусов и связанное с этим беспрецедентное расширение эмпирической базы исследований привело к необходимости пересмотра многих традиционных взглядов на то или иное языковое явление, которые ранее базировались во многом на интуиции исследователя (речь идет прежде всего о недостаточно документированных явлениях языковой периферии). Но дело не только в возможности надежно установить особенности функционирования малоупотребительных и маргинальных явлений, ср., например, [Изотов 2007; 2012а; 2014с]. Обращение к корпусу позволяет придать двумерному грамматическому описанию объем за счет введения третьего измерения – статистической характеристики описываемого, см. [Изотов 2008а]. Однако поскольку исследователи обращаются к тем корпусам, которые имеются в наличии, то есть к корпусам

письменных и устных чешских текстов (а отнюдь не к несуществующим корпусам «литературного чешского» и «обиходно-разговорного чешского»), то и на выходе получают описания «письменного чешского» (*чеш.* psaná čeština, *англ.* written Czech) или «устного чешского» (*чеш.* mluvená čeština, *англ.* spoken Czech), ср. [Mluvená... 2011]. Следует отметить и то, что термин spisovná čeština, обязанный своим возникновением господствовавшей некогда франкофонной ориентации чешской лингвистической терминологии, всё чаще заменяется калькой с соответствующего английского термина «стандартный чешский» (*чеш.* standardní čeština, *англ.* standard Czech).

Определённая тенденция к отказу от классической дихотомии «литературный чешский» – «обиходно-разговорный чешский» в пользу дихотомии «письменный чешский» – «устный чешский» прослеживается и в учебной литературе, ср., например, [Svejnová 2012: 55-56].

Положительной стороной сложившейся ситуации являются богатейшие возможности использования оппозиции «литературный чешский язык» – «обиходно-разговорное койне» в качестве яркого стилистического средства. Обиходно-разговорные и диалектные (интердиалектные) элементы используются в художественной литературе и кинематографе в качестве одного из важных средств создания речевых портретов персонажей именно в силу их «неправильности». Как много это значит, видно на примере популярного чехословацкого сериала 70-х годов о следователе Земане. Поскольку большинство персонажей тридцати фильмов шпионско-криминального сериала не особенно искусственны в изящной словесности, обиходно-разговорные и сленговые выражения зритель слышит с экрана вполне регулярно. Однако в «чешских титрах для людей с дефектами слуха», которыми сериал снабдила фирма PRAGUE PROMOTION s.r.o, выпустившая в 2008 году на пятнадцати DVD 30-серийный сериал в качестве «памятника тоталитарной эпохи», идет литературный чешский язык (spisovná čeština). Как много теряет фильм при «переводе» на литературный чешский язык, в данном случае буквально видно невооруженным глазом, ср. некоторые фразы из первой же сцены первой же серии (нелитературные слова и огласовки выделены полужирным):

Звук: *Hergot, chlapi, vy jste vopravdu jako nemluvnata, fakt!*
Титры: *Chlapi, vy jste jako nemluvnata!*

Звук: *Snad tam budou potřebovat felčara.*
Титры: *Snad tam budou potřebovat doktora.*

Звук: *Už v Český Třebový. Pak to nemám daleko.*
Титры: *V České Třebové přestoupím.*

Как нам представляется, значительную, если не основную долю комического в «Приключениях бравого солдата Швейка» Я. Гашека составляет именно макаронизм текста (чешский литературный язык + обиходно-разговорное койне, обильно сдобренное вульгаризмами, + германизмы + немецкий язык).

В русском переводе П. Богатырева (наиболее удачном из существующих, по мнению крупнейшего чешского специалиста по Я. Гашеку Р. Пытлика [Radko Pytlík] – в личной беседе с автором настоящих строк) «степень макароничности» понижается за счет неизбежного исчезновения противопоставления «литературный чешский язык» – «обиходно-разговорное койне» (кое-где сохранены немецкие вкрапления, однако в оригинальном чешском тексте этих вкраплений все равно было намного больше, они приводится там не только в немецкой орфографии, но и «по-чешски» – в разной степени исковерканности типа *kvér* < *das Gewehr*, *frajtr* < *der Gefreite* и т.д.), ср. следующий фрагмент из романа Гашека, в котором мы находим, во-первых, приведенные по-немецки команды *Ruht!* и *Abtreten!*, во-вторых, освоенные чешским языком германизмы *lump(ové)* (нем. *der Lump*) и *držet hubu* (нем. *das Maul halten*), в-третьих, слова *obršt*, *regiment*, *drek*, *kumpačka*, *defilírovat*, которые по-немецки должны были бы выглядеть как *der Oberst*, *das Regiment*, *der Dreck*, *die Kompanie*, *defilieren*, а по-чешски, соответственно, как *plukovník*, *pluk*, *lejno*, *rota*, *slavnostně pochodovat*, при этом лексема *drek* ‘дерьмо’ и фразеологизм *držet hubu* ‘≈ заткнуть [себе] пасть’ относятся также и к вульгаризмам, а нелитературная лексема *herka* ‘кляча’ и нелитературные огласовки *vodjela*, *celej* – к обиходно-разговорному койне:

Potom, když komise vodjela, dal si nás pan obršt všechny seřadit, celej regiment, a povídá, že voják je voják, že musí držet hubu a sloužit, jestli se mu něco nelíbí, tak že je to porušení subordinace. ,Tak jste si, lumpové, myslili, že vám ta komise pomůže,‘ povídá pan obršt, ,drek vám pomohla. A teď bude každá kumpačka kolem mne defilírovat a opakovat hlasitě, co jsem řekl‘. <...>, Ruht!‘ povídá pan obršt a chodí po dvoře, seká si bičíkem přes holinky, plívá, pak najednou se zastaví a zařve ,Abtreten!‘, sedne si na svou herku a už je z brány venku.

При переводе данного фрагмента П. Богатыреву удалось сохранить лишь две упомянутые немецкие команды, хотя он и пытался компенсировать исчезнувший макаронизм текста стилистическим контрастом сниженной и возвышенной лексики (*ни хрена* × *пусть громогласно повторит*):

Когда комиссия уехала, полковник выстроил всех нас, весь полк, и заявил, что солдат есть солдат, должен держать язык за зубами и

служить, а если кому не нравится, то это нарушение дисциплины. «А вы, мерзавцы, думали, что вам комиссия поможет? – сказал полковник. – Ни хрена она вам не помогла! Ну, а теперь пусть каждая рота промарширует передо мною и пусть громозласно повторит то, что я сказал». <...> «Ruht!» – командует полковник, а сам мечется по двору, хлещет себя хлыстом по сапогу, плюется, а потом вдруг остановился да как заорет: «Abtreten!» Сел на свою клячу и вон.

При переводе книги на немецкий язык исчезают последние остатки макароничности и остается один лишь авторский юмор, не всегда понятный нашему современнику (смешно то, что в иных условиях могло бы быть страшно, поэтому изменившиеся исторические и социокультурные условия могут привести к совершенно иному восприятию одного того же текста). Поэтому, наверное, не случайно многие русские и почти все немцы из круга знакомых автора статьи воспринимают данную книгу Я. Гашека как скучноватую.

Поскольку в диглоссную оппозицию с литературным чешским языком может вступать не только чешское обиходно-разговорное койне, но и тот или иной диалект, то и он может фиксироваться в художественном тексте, ср. три примера из чешской «школьной классики», а именно (1) из романа А. Ирасека Psohlavci, (2) из комедии Л. Струупежницкого Naši furianti, (3) из драмы А. Мрштика и В. Мрштика Maryša (нелитературные лексемы, формы и огласовки выделены полужирным).

(1)

»Co **novýho** v městě?« ptal se hospodář.

»Ne moc. Povidali si **tám** v krčmě dva **súsedé**, **ha** já by **súdil**, že **buli** od **městskyho** práva, že se páni po nás **ptáli**. **Šak** **tám** **strejček** **draženovskej** **teky** **sedíli** **ha** **všecko** **slyšili**.«

»Po kom že se **ptáli**?« zvolal kvapně hospodář.

»Po **chodovskejch** **právích**. Na **húradě** v městě. **Chtíli** ty **psaný** práva, víš, co **buly** na **našom** **zámku**.«

»Ha **hdo** je **chtíli**?«

»**Bul** tam z **Kúta** ten **správčí** **Koš** a z **Trhanova**. Nu, **súsedé** se **smíli**, že toho **popádlí**. Nevím, co se **všecko** **dílo**, **hale** ten **Koš** se **prej** **sápal** **ha** **prál**, **šak** že **von** **tranovskej** **pán** **Chodovákom** **hukáže**.« (Jirásek A. Psohlavci)

Приведенный фрагмент из разговора двух персонажей исторического романа А. Ирасека изобилует такими характерными особенностями ходских говоров, как протетическое *h* (*ha*, *na húradě*, *hale* в соответствии с литературными *a*, *na úradě*, *ale*), рефлексы продления кратких гласных перед эловым причастным суффиксом (*ptáli*, *sedíli*, *slyšili*, *chtíli*, *popádlí*, *dílo* в соответствии с литературными *ptali*, *seděli*, *slyšeli*, *chtěli*,

popadli, dělo) и, наконец, гласный *u* в формах эловых причастий глагола «быть» (*buli, buly, bul* в соответствии с литературными *byli, byly, byl*).

(2)

MARKÝTKA (*jde do popředí a pozdravuje Bláhu i Hahršperka mluví domazlickým nářečím*). **Sřastnej dobrej večer, staisodi!**

HABŠPERK, BLÁHA: *I dejž to pámbu, panno Markýtko.*

HABŠPERK (*žertovně*): *I čechmanta, panno Markýtko, vy jste letos ještě hezčí než jste byla loni. Tváře máte jako maliny. (Chce ji objati.)*

MARKÝTKA (*odstrčí jej rázně loktem*): **Hýč!** *Ty maleny pro vás nerostly! (Odskočí.)*

BLÁHA (*přiskočí k ní s druhé strany a chce ji objati*): *Ale pro mě, vidíte, panno Markýtko!*

MARKÝTKA (*odstrčí Bláhu*): *Ale dite! Pro vás, strejko, teky ne.* (Stroupežnický L. Naši furianti)

В данном эпизоде торговка Маркитка говорит, о чем предупреждает ремарка, на домажлицком диалекте, хотя в последующем действии её идиолект мало отличается от идиолектов прочих персонажей — носителей южно-чешских говоров, близких чешскому обиходно-разговорному койне, ср.:

MARKÝTKA (*pije*): *Stálé zdraví, strejčku. (Vrátí Petrovi sklenici.) Ale strejčku, vy si umíte nák divčata dobírat!*

PETR: *I jaký pak dobírání, panno Markýtko! Všecko od srdce! A třeba jsem byl už starej dědek, když vidím takovou hezkou mladici v tomhle tom pěkném staročeském kroji, tak se mi srdce v těle rozpálí a je mi tak, jako by se mi tuhle (ukáže si na srdce) skřivánek třepetal a svou jarní písničku vesele prozpěvoval.*

MARKÝTKA: *No, strejčku, vy jste musel za svýho mláďi bejvat náramně veselej chasník!*

PETR (*s humorem*): *I pardie, to jsem bejval! I bejval! Já uměl nák holký prohnět. A kdybych já byl dnes mladej – no, panno Markýtko, nevím... vy se mi saprahertsky libíte.*

MARKÝTKA: *Ale dite, pantáto. – Rač by jste mi moh řect, kde je pan přednosta... já mám od rána něco na srdci, co bych mu ráda řekla... (Stroupežnický L. Naši furianti)*

Подробный анализ языка пьесы можно найти в [Utěšný 1954].

(3)

LÍZAL (*po čas vzdalujícího se zpěvu mlčí, ohlíží se po vsi a mračí se. Teprv když hluk zalehne, obrátí se k Vávrovi*). *Tak tomu hřiběti jen dobře nohu zavaž a hodně často boláčku vlažnó vodo vyplachuj. Do tédňa bude zas skákat jako jelen. Má vranka taky to měla – šak na zadní noze a včil – viděl's*

*ju! Do Austrálie s **ňó možu** jet. A pacholkovi vyhubuj; **šak aji** dívce. Proč nedá na dobytek pozor! Jak nemá dobytek opatrnost co **chvíla** se něco stane.*

VÁVRA (drží v ruce proutek a pošvihuje jím holínky. Tvář má čistě oholenou, tvrdou, ale zdvořile vlídnou). Eh, málo **platný** je to hubování. Hubuju, peskuju, křičím, hromy svolávám, prosím **celé deň** a nic naplat. Už sem dvě děvečky vyhnal, onehda pacholkovi sem **aji** nabil a čerta je to **platný**. Koně v maštali **můžó** se zabít – ani se **teho** nevšimne. (Švihne proutkem.) **Dělé** co **dělé**, všechno jde na ruby. **Děcka roztrhaný**, špina z nich jen kape, dobytek zdechá a kde kdo ruce má, krađe jako straka. (S důrazem a povzdchem.) Statku moc a dohledu nikde. Myslím, že to **dám do pachtu** – nebo (anebo) to prodám.

LÍZAL. *To só mně řeči! Dobrý prodáš a špatný kópiš. A co s pachtem? Mlén ti rozlámó, pole nezmrví, nezvorají, vycucají až do posledního a bys čekal zas pět nebo šest let, než to přivedeš do pořádku (odmlčí se). Co je pravda – to je pravda, statku máš dost a krásnýho statku. Roli dost, čistě dobytek, krávy jako ze dvora – ale jak sem už povídal – žena ti umřít neměla. Tak zůstat nemůžeš. – Domluv se a je.* (Mrštík A., Mrštík V. Maryša)

В открывающем драму Maryša диалоге, как и в последующих сценах, персонажи говорят на смеси ганацкого (центрально-моравского) и брненского диалектов. Впрочем, в задачу обратившегося к диалектному материалу автора художественного произведения входит не лингвистически точная фиксация, а создание местного колорита, в данном случае колорита моравской деревни. Кроме того, текст должен быть понятен читателю и зрителю, а не только специалисту-диалектологу.

Названный эффект достигается использованием таких известным всем чехам фонетических моравизмов, как долгий [ē] в соответствии с собственно-чешским дифтонгом [eĭ]; краткий [e] в соответствии с чешским кратким [i], восходящим к этимологическому краткому [y]; долгий [ō] или долгий [ū] в соответствии с чешским дифтонгом [ou] после твердого или долгим [ī] после мягкого согласного; краткий [o] или краткий [u] после мягкого согласного в соответствии с чешским кратким [i], краткий [a] после мягкого в соответствии с чешским кратким [e], ср. *dělé* co *dělé*, *mlén*, *celé*, *čisté*; *to só mně řeči*, *kópiš*, *rozlámó*, *s ňó*; *ju*; *chvíla*, которые в обиходно-разговорном чешском койне могли бы выглядеть как соответственно *dělej* co *dělej*, *mlejn*, *celej*, *čistej*; *to jsou mi řeči*, *koupiš*, *rozlámou*, *s ní*, *ji*, *chvíle*, а в чешском литературном языке – как *dělej* co *dělej*, *mlýn*, *celý*, *čistý*; *to jsou mi řeči*, *koupíš*, *rozlámou*, *s ní*, *ji*, *chvíle*. Не обошлось и без лексического моравизма *včil*.

Отметим, что в видеозаписи данного спектакля, выполненной по заказу Чехословацкого телевидения в 1983 году в театре города Градец Кралове, актеры, в целом корректно воспроизводя авторский текст, могут иногда придавать моравскую огласовку также и тем словам, ко-

торы в книжном тексте выглядели «по-чешски». Например, в приведенном выше фрагменте диалога вместо *Myslím, že to dám do pachtu* звучит (причем звучит после паузы, когда зрительское внимание сосредоточено на последующих словах персонажа) *Meslím, že to dám do pachtu*; вместо *pole nezmrví, nezvorají, vycucají až do posledního* звучит *pole nezmrví, nezvorajó, vycucajó až do posledního*, а вместо *Tak zůstat nemůžeš* мы слышим *Tak zuostat nemůžeš*. Вспомним в связи с этим наблюдение в [Chloupek 1955], что зритель готов воспринять больше диалектизмов, чем читатель, хотя, казалось бы, должно быть наоборот – ведь в распоряжении читателя могут быть сноски и комментарии, тогда как зритель этого лишен.

В большинстве случаев использования диалекта в художественном произведении диалектные элементы (вернее, их художественная имитация) группируются в реплики персонажей, сам же собственно авторский текст не отклоняется или отклоняется весьма незначительно от правил литературного языка.

Тем не менее бывают случаи, когда диалект проникает и в собственно авторский текст, как, например, в сборнике рассказов З. Галушки *Slovácko sa súdí aj nesúdí*, по которому в 1974 году был снят 12-серийный телевизионный сериал *Slovácko sa nesúdí* (актеры играют также на диалекте). Ср. начало рассказа *Poslední súd*:

Abych pravdu řekl, nebyl sem ve své koži. Vrátil sem sa do své rodné dědiny po nekolika rokoch a moja první cesta védla k súdu. Kdysi sem tam chodil každý týdeň a furt bylo o čem psat. Tož sem byl zvědavý, co sa za tú dobu přihodilo...

Ve starém zámku, kam si lidé chodili pro spravedlnost', sem sa dověděl, že si ani nepamatují, kdy naposledy tam od nás nekeho súdili. Z toho sem byl tak udivený, že sem sa hnedkaj vypravil za stařečkem Pagáčem, lebo to byla jediná "informační kancelář". Co sa kde v dědině šústlo, o tem hnedkaj věděli a enom tam bych sa mohl něco dovědět.

Přivítali ňa jak ztratěného syna a zvědavo nahlédali do kufra, kerý sem donésl. Dyž tam našli nekolik paklí tabáku z všelijakýma malovanýma obrázkama a dvě fajky – jednu z tú dlúhú tréskú – nebyli k udržání. Hnedkaj ju zmontovali, nacpali "tým voňavým, kerý myslím kúřijú enom pán farár", a posvátno bafali. Pochodovali po izbě z vyvaleným břuchem a pochvalovali si: "Takú faju nemajú ani lékárník a nadlesní už teprú neé! Chlapče, toto ti nikdá nezapomenu – z téj budu kúřit enom v nedělu po požehnání a chlapom ju ukážu enom přes okno!"

В только что приведенных, равно как и в последующих, строках цитируемого сборника представлен диалект так называемой Моравской

Словакии (по-чешски Slovácko), граничащей, но отнюдь не совпадающей с самим государством Словакия (по-чешски Slovensko).

Проникновение диалекта в область функционирования литературного языка (в данном случае в собственно авторскую речь) способствует разрушению рассмотренной выше диглоссии «литературный чешский язык – обиходно-разговорное койне/диалект». Этому же способствует и экспансия диалектного текста в средства массовой информации, ср., например, статьи Л. Ветвички (Ladislav Větvíčka) на одном из ляхских диалектов, которые он регулярно размещает не только в своем блоге <http://vetvicka.blog.idnes.cz/>, но и на популярном электронном ресурсе <http://protiproud.parlamentnilisty.cz/autor/ladislav-vetvicka.htm>.

Наконец, нельзя не сказать и о сохранении диалектов чехами диаспоры, см., например, великолепные образцы описания чешской речи потомков чешских переселенцев XIX века на Балканах в [Jančák 1971] или же в селе Кирилловка под Новороссийском в [Скорвид, Третьякова 2009].

2. ОБИХОДНО-РАЗГОВОРНОЕ ЧЕШСКОЕ КОЙНЕ

Одной из причин, по которой идиом, обозначаемый как *obecná čeština*, нельзя просто кодифицировать, объявив его литературным чешским языком (*spisovná čeština*), состоит в том, что для большинства чехов речь идет о наборе не совпадающих с литературным языком элементов, то есть не о полноценном языке как организованной на соответствующих уровнях и самодостаточной системе.

Наш изучающий в школе английский язык соотечественник на вопрос, к какому языку принадлежит слово «четыре», ответит, что к русскому, а вот слово *four* – к английскому, так же корректно он ответит и на вопросы о словах «пять», «шесть» или «five», «six».

А вот образованный коренной житель Праги, владеющий и литературным языком, и тем, что он называет *obecná čeština*, скорее всего, отнесет к последнему только *štyry*, а вот к литературному языку – не только *čtyři*, но также и *pět*, и *šest*.

А как же тогда будет *pět* и *šest* *obecně*?

Получается, что лексическая система идиома *obecná čeština* «дырявая», раз она не включает в себя те лексемы, которые есть в литературном языке? Аналогично и с грамматическими единицами. Тогда встает вопрос об оправданности отнесения данного идиома к «комплексным языковым образованиям» (*komplexní jazykové útvary*), ведь получается, что он лишь «надстраивается» над литературным чешским языком, замещая отдельные элементы его (литературного языка) системы.

П. Сгалл и Й. Гронек (взгляды которых, по их собственному признанию, не совпадают с чешским мейнстримом) решают эту проблему тем, что декларируют общность большого количества элементов. Как, например, огромное число общих элементов имеют современные турецкий и азербайджанский языки (например, *ev* означает ‘дом’ и на турецком, и на азербайджанском языках, а вот ‘столовая’ уже будет звучать по-разному: *yemekhane* и *yeməkhana* соответственно). И это не мешает им быть разными языками.

Однако проблема еще и в том, что различные не совпадающие с литературными элементы характеризуются разной частотностью.

Например, обиходно-разговорная огласовка формы *bysme* встречается в текстах 4,5-миллиардного корпуса SYNv8 в 190 раз реже, чем с ней соотносительная литературная огласовка *bychom*, а обиходно-разговорная огласовка *bysem* в тех же текстах – в 4534 раз реже:

$$\text{bychom} / \text{bysme} = 1134211 / 5967 \approx 190$$

$$\text{bych} / \text{bysem} = 2049375 / 452 \approx 4534$$

Так какую из этих нелитературных форм мы будем кодифицировать? Или обе? И не получится ли так, что кодифицированными будут в том числе и формы, которые не употребляет почти никто?

Тем не менее независимо от того, будем ли мы исходить из «народного» представления об «обычном» чешском языке (*obecná čeština* = «обиходно-разговорный чешский язык» = собственно чешское обиходно-разговорное койне) или из концепции П. Сгалла и И. Гронека, а также независимо от перспектив его кодификации, мы можем перечислить его основные особенности, отличающие его от литературного/стандартного чешского языка.

2.1. Основные особенности чешского обиходно-разговорного койне

Прежде всего можно говорить о следующих особенностях собственно-чешского обиходно-разговорного койне, отличающих его от литературного/стандартного чешского языка.

2.1.1. Фонетические особенности

2.1.1.1. Употребление [ɪ] (графически *ý*) в соответствии с литературным [ē] (графически *é*):

<i>ob.</i>	<i>sp.</i>
Je to jasný?	Je to jasné?
bezvadný sluchátko	bezvadné sluchátko

2.1.1.2. Употребление дифтонга [ei] (графически *ej*) в соответствии с литературным [ī]¹ (графически *ý* и *í*):

<i>ob.</i>	<i>sp.</i>
bejt	být
malej	malý
novejch	nových
cejtit	cítit

2.1.1.3. Употребление протетического [v] перед начальным [o]:

<i>ob.</i>	<i>sp.</i>
von, vona, voni	on, ona, oni
vodkdy	odkdy
vobyčejnej	obyčejný

¹ Речь идет прежде всего об [ī], возходящем к др.-чеш. [ȳ].

2.1.1.4. Упрощение групп согласных, результаты ассимилятивных и диссимилятивных процессов, изменения количества гласных, произносительные особенности некоторых слов (прежде всего заимствованных):

<i>ob.</i>	<i>sp.</i>
dyt'	vždyt'
štyry	čtyři
puđu	půjdu
po m oc	po m oc
helig o n	helik o n

2.1.2. Морфологические особенности

2.1.2.1. Целый ряд морфологических особенностей обиходно-разговорного чешского языка является прямым следствием особенностей фонетических (вспомним литературные словоизменительные парадигмы, содержащие долгие гласные [ē] и [ī]):

	<i>ob.</i>	<i>sp.</i>
N. sg.	male j	malý
G. sg.	malý ho	malé ho
D. sg.	malý mu	malé mu
...

2.1.2.2. Унифицированное окончание –**ý** в форме Им. пад. мн.ч. прилагательных в соответствии с тремя дифференцированными по роду и одушевленности окончаниями в литературном языке:

	<i>ob.</i>	<i>sp.</i>
malý, dobrý	}	muži
		ženy, stromy
		okna
		malí, dobří muži
		malé, dobré ženy, stromy
		malá, dobrá okna

2.1.2.3. Унифицированное окончание –**ma** (–**ema**, –**ama**) в Тв. пад. мн.ч. существительных и местоимений:

<i>ob.</i>	<i>sp.</i>
nama	nami
žena ma	ženami
zajíc ema	zajíci

2.1.2.4. Использование формы именительного падежа в положении звательного падежа:

<i>ob.</i>	<i>sp.</i>
pane Huml!	pane Humle!

2.1.2.5. Унифицированное окончание **-aj (-ej)** в презентно-футуральных формах 3 л. мн. числа индикатива глаголов типа *dělat, muset, prosit*:

<i>ob.</i>	<i>sp.</i>
dělaj	dělají
musěj	musějí
prosej¹	prosí

2.1.2.6. Усеченное окончание презентно-футуральной формы 1 л. мн. числа индикатива глаголов, у которых не возникает омонимии с формой 1 л. ед. числа:

<i>ob.</i>	<i>sp.</i>
půjdem	půjdeme
nebudem	nebudeme

2.1.2.7. Опущение конечного **-l** в положении после согласного в l-формах²:

<i>ob.</i>	<i>sp.</i>
utek	utekl
neřek	neřekl
proved	provedl

2.1.2.8. Употребление форм **bysme (abybysme, kdybysme)** в соответствии с литературными **bychom (abychom, kdybychom)**:

<i>ob.</i>	<i>sp.</i>
my bysme potřebovali	potřebovali bychom

¹ Или же в них можно видеть закономерную фонетическую мену [ɪ] – [ej]

² В соответствии с чешской школьной традицией эти формы обозначаются как «причастия прошедшего времени» (*příčestí minulá*), хотя они имеют совершенно иной категориальный статус, чем то, что принято называть «причастиями прошедшего времени» в традиции отечественной.

2.1.2.9. Употребление формы **seš** (**jseš**) в соответствии с литературной формой **jsi**:

ob.

Seš zdráv jako ryba!
Takže ty **jseš** vlastně pravý policejní pes

sp.

Jsi zdráv jako ryba!
Takže ty **jsi** vlastně pravý policejní pes

2.1.2.10. Тенденция к унифицированию окончания **-i** в формах Им. пад. мн. числа существительных:

ob.

muži, lidi, turisté, Češi

sp.

muži
lidé, turisté
Čechové

2.1.3. Синтаксические особенности

2.1.3.1. Образование 1 л. ед. числа прошедшего времени индикатива по модели *já + l-форма* в соответствии с литературной моделью *l-форма + jsem*:

ob.

Já myslela, že utekl za váma.
Já kvůli němu **dostal** pětku.
Já to **slyš**el na vlastní uši.

sp.

Myslela **jsem**, že utekl za vámi.
Dostal jsem kvůli němu pětku.
Slyšel **jsem** to na vlastní uši.

2.1.3.2. Дублирование подлежащего личным местоимением:

ob.

On tady není **Jonatán**?
On to je náš kamarád **Jonatán**.

sp.

Неní tady **Jonatán**?
To je náš kamarád **Jonatán**.

2.1.3.3. Употребление указательных местоимений **ten**, **ta**, **to** в экспрессивной функции:

Chudinka malej! **Ta** Kadrnožková ho už zase zamkla.
Ta soudružka učitelka se s **tím** zkoušením moc nemazlí.

2.1.3.4. Значительно более активное, чем в литературном языке, употребление личных местоимений:

Šebestová, **já** mám nápad!

Já říkám: Poslouchej, co to má znamenat?
Já mám takovej pocit, že to dopadne všelijak.
 Šebestová, ty seš přece trdlo!
 Machu, **ty** seš určitě praštěnej!
 Prosím vás, **my** bysme potřebovali, aby z nás byli tři zajíci.
 Děti, **vy** máte zlaté srdce, to je o vás známo.

2.1.3.5. Не характерное для литературного чешского языка употребление некоторых союзов и союзных слов:

Naštěstí Mach brejle měl, a **tak** ty brejle našel.
 Pluli kolem mě ti lidé, **co** lítají s tou postelí.

A **jak tak** vybírali ten nejhodnější automobil, ani si nevšimli spolužáků.

2.1.4. Лексические особенности

Авторы написанной ещё в «докорпусную эпоху» монографии [Sgall 1992] предложили лингвистической общественности пробный вариант словаря наиболее важной, по их мнению, чешской обиходно-разговорной лексики (около 1000 единиц), снабдив каждую подобную лексическую единицу литературным эквивалентом (либо толкованием), а также пометой: *běž* – лексическая единица, общая и для обиходно-разговорного, и для литературного чешского языка, *ob* – лексическая единица обиходно-разговорного чешского языка, не маркированная в качестве стилистически сниженной, *n* – лексическая единица обиходно-разговорного чешского языка, маркированная как стилистически сниженная, *n.sl.* – лексическая единица, характерная для нелитературной речи солдат, ремесленников и т.д., *v.sl.* – лексическая единица, характерная для нелитературной речи врачей, инженеров, студентов и т.д., *expr* экспрессивная лексическая единица, *pejor* пейоративная лексическая единица, *zast* устаревающая лексическая единица, *zhrub* грубая лексическая единица, ср. начало данного словаря (с нашим переводом на русский язык в квадратных скобках):

Слово	Эквивалент	Идиом	Стиль
áčko	písmeno A [‘буква А’]	běž	
ahoj	nazdar [‘привет!’]	běž	
ajnclík	jednolůžkový pokoj [‘одноместный номер’]	n.sl.	
ajznbňák	železničář [‘железнодорожник’]	ob	zast

Мы попытались выявить употребительность представленных в данном словаре лексем, а также их литературных эквивалентов в текстах входящего в состав Чешского национального корпуса набора подкорпусов современных письменных текстов SYN2000 + SYN2005 +

SYN2010 + SYN2006pub + SYN2009pub общим объемом 1,3 миллиарда токенов.

Поиск однословных лексических единиц осуществлялся с помощью простых запросов типа [lemma="ajznbŏňák"], находящего контексты употребления заданной лексемы (в данном случае лексемы ajznbŏňák ‘железнодорожник’) во всех её словоформах, ср. некоторые из найденных контекстов:

Jsem <ajznbŏňák> od dvou let.

Na dvorku se objeví "<ajznbŏňáci>" v uniformách z počátku století.

Tmavomodrý svět je kusem světa <ajznbŏňáků>.

Поиск не по лексеме, а по словоформе, который в неизмеримо меньшей степени зависит от надежности стохастического анализа и основанной на нём автоматической разметки текстов корпуса, был бы более точен, однако он же и неизмеримо более трудоѐмок, так как предполагает поиск всех теоретически возможных словоформ заданной лексемы ([word="[Aa]jznbŏňák" + [word="[Aa]jznbŏňáka" + [word="[Aa]jznbŏňákoví" + ...)] с последующим суммированием результатов либо поиск типа [word="[Aa]jznbŏňá.*"] с последующим визуальным анализом обнаруженных контекстов и удалением многочисленных дериватов и омографов, не относящихся к данной словоформе.

Для поиска не однословных лексических эквивалентов или же толкований приходилось использовать более сложные запросы, представляющие собой поиск по той или иной комбинации лексемы (lemma), словоформы (word) и грамматической матрицы (tag) в пределах одного предложения (within <s id=".*"/>). Например, для поиска контекстов употребления лексического толкования *být potrestán za něco* ‘быть наказанным за что-либо’ использовался запрос ([lemma="být" [(lemma="potrestat") & (tag="Vs.*")] [word="za")] | ([lemma="být" [word="za"] []]{0,3} [(lemma="potrestat") & (tag="Vs.*")]) within <s id=".*"/>, ср. некоторые из найденных контекстов:

<Byl za to vzápětí potrestán> a všichni se o potrestání mají dovědět možná jen proto, aby se také začali bát o život.

Spravedlnost vyžaduje, aby seňora <nebyla potrestána za> něco, co neudělala.

Kluci chtěli vědět, jestli <budou za svoje minulé hříchy potrestáni>, jestli na ně jejich holka počká.

Тем самым определение частотности употребления входящих в однословные соответствия «лексема обиходно-разговорного чешского языка» – «лексема литературного чешского языка с той же семантикой» было наиболее простым и в то же время наиболее полезным для целей практического преподавания чешского языка как иностранного, так как оно позволяет установить иерархию приоритетов при знакомстве обу-

чаемого с лексикой обиходно-разговорного чешского языка. О том, почему обучение обиходно-разговорному чешскому языку следует начинать с фонетики и лексики, а не с морфологии, см. [Hrdlička 2010: 82].

Впрочем, и в случае с однословными соответствиями могли возникнуть определенные трудности.

Во-первых, задавая поиск по лексеме (поисковый запрос типа [lemma="šéf"]), мы вынуждены доверять основанной на стохастическом анализе автоматической разметке корпусного материала, которая может ошибаться. Поэтому у нас нет статистических данных по тем приведенным в [Sgall 1992: 139-169] словам, которые были идентифицированы программой автоматической разметки не в качестве самостоятельных лексем, а в качестве фонетических (графических) вариантов соответствующих слов литературного чешского языка: *dybu* (*лит.* *kdyby*) 'если бы', *dýl* (*лит.* *déle*) 'дольше', *dyž* (*лит.* *když*) 'когда', *esli* (*лит.* *jestliže*) 'если', *eště* (*лит.* *ještě*) 'еще', *chleba* (*лит.* *chléb*) 'хлеб', *líp* (*лит.* *lípe*) 'лучше', *madrace* (*лит.* *matrace*) 'матрас', *pámbu* (*лит.* *pánbůh*) 'Господь Бог', *zejtra* (*лит.* *zítra*) 'завтра'. Впрочем, подобных слов было не так уж много.

Во-вторых, проблему представляют омонимы, для различения которых требуется визуальный контроль контекстов их употребления, особенно тех из них, которые отличаются высокой частотностью употребления. Например, внимательно просмотреть на экране 104 контекста, обнаруженных с помощью запроса [lemma="frnknout"], чтобы убедиться, что в 102 случаях из них речь идет именно о значении *utěct* 'убежать, ускользнуть', можно достаточно быстро, благо все найденные контексты достаточно однозначны. А вот на то, чтобы определить, в каком из 4271 контексте, обнаруженном по запросу [lemma="flek"], речь идет о значении *místo* '[рабочее] место', а в каком – о значении *skvrna* 'пятно' (оба значения отмечены в [Sgall 1992: 146]), может не хватить целого вечера.

В аналогичной ситуации мы оказываемся во всех тех случаях, когда в Sgall 1992: 139-169 приводятся стоящие рядом омонимы, ср. некоторые примеры, снабженные нашим переводом на русский язык:

foch	obor ['специальность']	ob	
foch	příhrádka ['полка']	ob	
...
lágr	ložisko ['месторождение']	n.sl.	
lágr	tábor ['лагерь']	ob	
...
pingl	číšník ['официант']	ob	expr
pingl	panec ['панец']	ob	

К рассмотренным выше примерам примыкают и, к сожалению, несравненно более многочисленные случаи, когда в качестве литературного эквивалента обиходно-разговорной лексемы в [Sgall 1992: 139-169] приводятся (через запятую либо точку с запятой) два или более слова, например:

akorát	zrovna [‘как раз’], přesně [‘точно’]; jen ob [‘только’]		
...
brajgl	hluk [‘шум’], nepořádek [‘беспорядок’]	ob	pejor
...
fofr	shon [‘суматоха’], spěch [‘спешка’]	ob	expr
...
pusa	ústa [‘рот’], polibek [‘поцелуй’]	běž	...

Допуская, что в чешской языковой картине *суматоха* (shon) может восприниматься как нечто тождественное или по крайней мере весьма близкое *спешке* (spěch), а *шум* (hluk) – *беспорядку* (nepořádek), мы тем не менее подозреваем, что по крайней мере в части случаев (например, в последнем из приведенных выше), речь идет всё же отнюдь не о синонимах. Однако в любом случае статистическая обработка подобных примеров невозможна без предварительной визуального контроля каждого контекста их употребления.

Наконец, следует отметить случаи, когда в [Sgall 1992: 139-169] речь идет не об обиходно-разговорной лексеме, а о лексеме литературной, однако имеющей в обиходно-разговорном языке дополнительное (нелитературное) значение, например:

balík [‘пакет’]	hlupák [‘глупец’]	běž	pejor
...
bažant [‘фазан’]	nováček [‘новичок’]	n.sl.	
...
beran [‘баран’]	tvrdohlavec [‘упрямец’]	ob	expr

Мы дополнили таблицу из [Sgall 1992: 139-169] столбцами с полученными данными о числе обнаруженных нами контекстов употребления соответствующих лексических единиц, столбцы «Идиом» и «Стиль» разместили непосредственно после столбца «Слово» и добавили столбец «Лексическое соответствие в русском».

Временно удалив из полученной таблицы строки с дву- и многословными эквивалентами (такими как приведенные выше *áčko* – *písmeno A* [‘буква А’] или *ajnclík* – *jednolůžkový pokoj* [‘одноместный номер’]), а также строки, требующие дополнительного визуального контроля контекстов (случаи с различного рода омонимией или, наоборот,

синонимией), и переформатировав её в порядке убывания документированной частотности обиходно-разговорных лексических единиц, мы получили следующий эскиз частотного словаря однословных соответствий «лексическая единица обиходно-разговорного чешского языка» – «лексическая единица литературного чешского языка»:

Слово	Идиом	Стиль	Число найденных контекстов	Эквивалент	Число найденных контекстов	Лексическое соответствие в русском
gól	<i>běž</i>		400702	branka	450042	гол
šéf	<i>běž</i>		359917	vedoucí	372890	заведующий
jes(t)li	<i>běž</i>		289763	jestliže	109327	если
taky	<i>běž</i>		189554	také	2278504	тоже
pořád	<i>ob</i>		181478	stále	697389	постоянно
fanoušek	<i>běž</i>		155431	přivrženec	8207	сторонник
kluk	<i>běž</i>		151781	chlapec	138205	мальчик
konto	<i>běž</i>		82695	účet	124996	счёт
muzika	<i>běž</i>		57737	hudba	291000	музыка
holka	<i>běž</i>		52764	děvče	55809	девушка
jo / jó	<i>ob</i>		48807	ano	214221	да
dneska	<i>běž</i>		45686	dnes	11646010	сегодня
muzikant	<i>běž</i>		45577	hudebník	46140	музыкант
chlap	<i>běž</i>		45246	muž	1013293	мужчина
táta	<i>běž</i>		43707	otec	238950	отец
koukat (se)	<i>běž</i>		31831	dívat se	61268	смотреть
máma	<i>běž</i>		31231	matka	219242	мать
kanonýr	<i>n.sl.</i>		30217	dělostřelec	1304	артиллерист
legrace	<i>běž</i>		27223	zábava	90742	развлечение
radši	<i>běž</i>		26115	raději	127801	лучше
fotka	<i>běž</i>		22765	fotografie	271923	фотография
kasa	<i>ob</i>		20266	pokladna	66250	касса
fandit	<i>běž</i>		20100	stranit	2673	симпатизировать
teda	<i>běž</i>		17187	tedy	806817	следовательно
policajt	<i>ob</i>		13771	policista	512709	полицейский
bál	<i>běž</i>		13354	ples	46454	бал
barák	<i>běž</i>	<i>expr</i>	12804	dům	953081	дом
bankrot	<i>běž</i>		12758	úpadek	13060	крах
kantor	<i>běž</i>	<i>expr</i>	11907	učitel	153553	учитель
cedule	<i>běž</i>		11554	vývěska	2836	вывеска
fotit	<i>běž</i>		11407	fotografovat	13968	фотографировать
Pražák	<i>běž</i>		10925	Pražan	29374	пражанин
kafe	<i>běž</i>		9990	káva	47713	кофе

štvát	<i>běž</i>		9412	rozčilovat	14593	раздражать
huba	<i>ob</i>	<i>zhrub</i>	9194	ústa	60866	рот
naštvát	<i>běž</i>		9118	rozčítit	6310	разозлить
fábrica	<i>ob</i>		9069	továrna	60304	фабрика
sranda	<i>ob</i>		8975	zábava	90742	развлечение
krám	<i>běž</i>		8917	obchod	325185	магазин
děcko	<i>běž</i>		8861	dítě	1415924	ребёнок
praštit	<i>běž</i>		8743	uhodit	7864	ударить
prachy	<i>ob</i>	<i>expr</i>	8685	peníze	815548	деньги
brácha	<i>ob</i>	<i>expr</i>	8444	bratr	150313	брат
průšvih	<i>běž</i>		8108	nepříjem- nost	9031	неприятность
brečet	<i>běž</i>		7963	plakat	23406	плакать
fáma	<i>běž</i>		7779	pověst	61008	молва
pasovat někam	<i>ob</i>		7757	hodit se	20390	подходить [для чего]
facka	<i>ob</i>		7741	pohlavek	1377	оплеуха
kriminál	<i>ob</i>		7657	vězení	134751	заключение
lump	<i>běž</i>		7285	darebák	5557	бездельник
špitál	<i>běž</i>		7224	nemocnice	485266	больница
blbec	<i>běž</i>	<i>pejor</i>	7050	pitomec	3280	дурак
šéfovat	<i>běž</i>		7001	řídít	140698	управлять
ahoj	<i>běž</i>		6842	nazdar	2201	привет!
túra	<i>n.sl.</i>		6415	cesta	741732	путешествие
šuplík	<i>ob</i>		6374	zásuvka	10940	выдвижной ящик
kytka	<i>běž</i>		6109	kytice	14641	букет
beztak	<i>běž</i>		6089	beztoho	450	и без того
švec	<i>běž</i>		5462	obuvník	1047	сапожник
pitomý	<i>běž</i>	<i>pejor</i>	5434	hloupý	25526	глупый
metrák	<i>běž</i>		4788	cent	10993	центнер
kámoš	<i>ob</i>	<i>expr</i>	4769	kamarád	116395	приятель
halt / holt	<i>ob</i>		4680	zkrátka	52273	просто- напросто
marod	<i>běž</i>		4507	nemocný	118011	больной
kurva	<i>ob</i>	<i>zhrub</i>	4137	prostitutka	17759	проститутка
polda	<i>běž</i>	<i>expr</i>	4001	policista	512709	полицейский
furt	<i>ob</i>		3867	stále	697389	постоянно
chmaták	<i>ob</i>	<i>expr</i>	3848	zloděj	191928	вор
hajzl	<i>n</i>		3543	záchod	17747	туалет
rande	<i>běž</i>		3541	schůzka	88940	встреча
hovno	<i>ob</i>	<i>zhrub</i>	3388	lejno	846	дёрмо
flaška	<i>ob</i>		3307	láhev	78241	бутылка
buřt	<i>ob</i>		3299	vuřt	1462	сарделька
pitomec	<i>běž</i>	<i>pejor</i>	3280	hloupý	25526	дурак
kecat	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	3279	žvanit	1696	болтать
potvora	<i>běž</i>	<i>pejor</i>	3239	mizera	2958	негодяй

strejda	<i>běž</i>	<i>expr</i>	3226	strýc	16011	дядя
hecovat	<i>běž</i>		3183	dráždit	6942	дразнить
čpát co kam	<i>běž</i>		3147	mačkat	4133	давить
marodit	<i>běž</i>		3114	nemocen být	920	болеть
pošťák / počták	<i>ob</i>		3068	listonoš	1287	почтальон
mrázák	<i>běž</i>		3019	mraznička	1540	морозилка
kvartál	<i>běž</i>		2968	čtvrtletí	57041	квартал
gauner	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	2924	darebák	5557	бездельник
drb	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	2907	pomluva	10014	сплетня
děvka	<i>běž</i>	<i>pejor</i>	2888	prostitutka	17759	проститутка
šenkýř	<i>ob</i>	<i>zast</i>	2879	hostinský	10602	трактирщик
šokovat	<i>běž</i>		2834	pohoršovat	2081	возмущать
kumšt	<i>běž</i>	<i>expr</i>	2785	umění	265715	искусство
lamentovat	<i>běž</i>		2784	naříkat	7133	сетовать
profik	<i>běž</i>		2735	profesionál	33662	профессионал
šikanovat	<i>běž</i>		2709	pronásledovat	18940	преследовать
garsonka / garzonka	<i>běž</i>		2705	garsoniéra	1341	студио
vepředu	<i>běž</i>		2658	vpředu	12347	вперед
plichta	<i>ob</i>		2588	remíza	79372	ничья
šidit	<i>běž</i>		2534	ubližovat	5590	обманывать
špunt	<i>ob</i>		2492	zátka	3023	затычка
fešák	<i>běž</i>		2457	elegán	1451	франт
kuráž	<i>ob</i>		2445	odvaha	39671	отвага
nátura	<i>ob</i>		2399	povaha	45938	характер
figl	<i>ob</i>		2340	trik	17687	уловка
špek	<i>běž</i>		2330	slanina	6382	шпик
míň	<i>běž</i>		2325	méně	67430	меньше
šichta	<i>ob</i>		2276	směna	25162	смена
rachejtle	<i>ob</i>	<i>expr</i>	2213	raketa	37727	ракета
teďka	<i>ob</i>		2208	teď	604771	сейчас
flinta	<i>běž</i>		2205	puška	16124	ружье
perón	<i>běž</i>		2138	nástupišťe	7433	перрон
parchant	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	2120	darebák	5557	бездельник
kýbl	<i>ob</i>		2036	kbelík	4318	ведро
bachař	<i>n.sl.</i>		2013	dozorce	9942	охранник
šlapka	<i>běž</i>	<i>zast</i>	1958	prostitutka	17759	проститутка
ksicht	<i>n</i>		1957	obličej	74850	лицо
pech	<i>ob</i>	<i>expr</i>	1936	smůla	41199	невезение
plac	<i>ob</i>		1929	místo	1783165	место
polívka	<i>běž</i>		1867	polévka	23494	суп
grázl	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	1860	darebák	5557	бездельник
svčák	<i>běž</i>	<i>pejor</i>	1792	ničema	2019	негодяй

kumštýř	<i>běž</i>	<i>expr</i>	1748	umělec	121726	деятель искусства
basta	<i>ob</i>		1708	dost!	1985	хватит!
mrcha	<i>běž</i>	<i>zhrub</i>	1678	mizera	2958	негодяй
šesták / šesták	<i>ob</i>	<i>zast</i>	1672	dvacetihaléf	194	монета в 20 геллеров
fotr	<i>n</i>		1631	otec	238950	отец
lejstro	<i>běž</i>	<i>pejor</i>	1614	listina	50297	документ
kravál	<i>běž</i>	<i>pejor</i>	1590	rámus	3593	гам
placatý	<i>ob</i>		1550	plochý	17348	плоский
čumák	<i>běž</i>		1546	čenich	1259	морда
šenk	<i>ob</i>		1528	výčep	4280	распивочная
pysk	<i>běž</i>		1501	ret	29104	губа
mrňavý	<i>běž</i>	<i>expr</i>	1489	malý	1018346	щуплый
fuška	<i>běž</i>	<i>expr</i>	1479	dfina	11298	тяжёлый труд
fořt	<i>ob</i>		1471	lesník	8803	лесник
šiml	<i>běž</i>		1456	bělouš	1495	лошадь светлой масти
strejček	<i>běž</i>		1434	strýc	16011	дядя
čuník	<i>běž</i>	<i>expr</i>	1427	prase	22445	свинья
čumět	<i>ob</i>	<i>zhrub</i>	1422	zírat	13351	смотреть
gympl	<i>v.sl.</i>		1398	gymnázium	99946	гимназия
mukl	<i>n.sl.</i>		1371	vězeň	60594	заключенный
mus	<i>ob</i>		1370	nutnost	48316	необходимость
pendrek	<i>běž</i>		1343	obušek	4198	дубинка
veselka	<i>běž</i>	<i>zast</i>	1337	svatba	55860	свадьба
putyka	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	1314	hospoda	71437	пивная
biják	<i>ob</i>		1302	kino	284124	кинотеатр
paraple	<i>běž</i>	<i>zast</i>	1296	deštník	7518	зонтик
fajfka	<i>ob</i>		1290	dýmka	8115	курительная трубка
prkotina	<i>běž</i>		1289	maličkost	14209	мелочь
kšeftovat	<i>ob</i>		1286	obchodovat	25727	торговать
sesypat se	<i>ob</i>		1249	zhroutit se	6475	развалиться
piáno	<i>běž</i>		1244	klavír	24517	рояль
prekérní	<i>běž</i>		1240	povážlivý	1293	опасный
srab	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	1227	zbabělec	3296	трус
mlíko	<i>běž</i>		1209	mléko	56717	молоко
čouhat	<i>běž</i>		1203	vyčínvat	4917	выступать
mord	<i>n</i>		1183	vražda	115236	убийство
šmejd	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	1176	brak	1899	дешёвка
hastman	<i>ob</i>		1174	vodník	6820	водяной
ruksak	<i>ob</i>		1144	batoh	15306	рюкзак
culit se	<i>běž</i>	<i>expr</i>	1136	usmívat se	36077	улыбаться
Moravák	<i>běž</i>		1135	Moravan	12332	мораванин
vytahovat se	<i>běž</i>		1131	chlubit se	8433	хвастаться
šutr	<i>ob</i>		1101	kámen	106188	камень

rošťák	<i>běž</i>		1061	uličnik	1638	хулиган
štrůdl	<i>běž</i>		1055	závin	1398	рулет
kapku	<i>běž</i>		1028	trochu	315246	немного
penál	<i>běž</i>		1025	pouzdro	9509	футляр
ségra / segra	<i>ob</i>	<i>expr</i>	990	sestra	113240	сестра
špacír	<i>ob</i>		988	procházka	41473	прогулка
erární	<i>běž</i>		962	státní	637994	государственный
řákovat	<i>ob</i>		935	pohlavkovat	136	давать оплеухи
flastr	<i>ob</i>	<i>zast</i>	927	náplast	5363	пластырь
chňapnout	<i>běž</i>		918	chytit	67324	поймать
almara	<i>ob</i>	<i>zast</i>	910	skříň	28476	сундук
cucat	<i>běž</i>		907	sát	2222	сосать
funus	<i>n</i>		906	pohřeb	26121	похороны
lauf	<i>n.sl.</i>		904	hlaveň	5782	ствол
handl	<i>n</i>		900	obchod	325185	магазин
škatule	<i>běž</i>		845	krabice	22498	коробка
štych	<i>n.sl.</i>		837	zdvih	1480	подъем
čumil	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	831	zevloun	250	зевака
vandrák	<i>ob</i>		828	tulák	5254	бродяга
randál	<i>běž</i>	<i>expr</i>	822	rámus	3593	гам
brek	<i>běž</i>		810	pláč	14609	плач
namíchnout	<i>běž</i>		746	rozzlobit	4984	разозлить
kramflek	<i>ob</i>		738	podpatek	5126	каблук
hubovat	<i>běž</i>		702	nadávat	20366	ругать
lavór	<i>ob</i>		701	umyvadlo	4666	умывальник
deko	<i>běž</i>		695	dekagram	573	декаграмм
vykuk	<i>běž</i>	<i>expr</i>	694	vychytralec	142	хитрец
kvartýr	<i>ob</i>		691	byt	481509	квартира
baštit	<i>ob</i>	<i>expr</i>	686	jíst	51838	есть
řajnový	<i>ob</i>		682	jemný	40541	деликатный
flákač	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	669	povaleč	1030	лодырь
fortel	<i>běž</i>		666	dovednost	26573	сноровка
šlohnout	<i>ob</i>		665	ukrást	96249	украсть
bágl	<i>ob</i>		655	batoh	15306	ранец
háklivý	<i>běž</i>		648	choulostivý	5694	щекотливый
študák	<i>v.sl.</i>		642	student	295583	студент
zvorat	<i>ob</i>		629	zkazit	14936	испортить
řimol	<i>ob</i>		625	zmatek	22903	суматоха
žranice	<i>ob</i>	<i>zhrub</i>	624	hostina	8352	угощение
portmonka	<i>ob</i>	<i>zast</i>	618	peněženka	41090	кошелек
marš	<i>ob</i>		610	pochod	39258	марш
pakovat	<i>ob</i>		606	balit	8812	паковать
apatyka	<i>n</i>		601	lékárna	34683	аптека
špagát	<i>ob</i>		592	provaz	11256	веревка

nařacko- vat	<i>ob</i>		588	zpohlavko- vat	78	надавать оплеух
krápet	<i>běž</i>		584	trochu	315246	немного
kapánek	<i>běž</i>		579	trochu	315246	немного
špicl	<i>běž</i>	<i>pejor</i>	557	donašeč	497	доносчик
bůr	<i>n</i>		552	pětikoruna	1843	монета в пять крон
švindlíř	<i>ob</i>		546	podvodník	23411	мошенник
cimra	<i>n</i>		538	místnost	118372	помещение
muřtr	<i>ob</i>	<i>zast</i>	536	vzor	55106	образец
rynek	<i>ob</i>	<i>zast</i>	526	náměřtí	336501	площадь
fousy	<i>běž</i>		522	vousy	4935	борода
hochřtap- ler	<i>běž</i>		521	podvodník	23411	мошенник
řvindl	<i>ob</i>		517	podvod	58773	мошенничество
psina	<i>běž</i>		516	legrace	27223	развлечение
řuple	<i>ob</i>		516	zásuvka	10940	выдвижной ящик
futrál	<i>ob</i>		514	pouzdro		футляр
kuř	<i>ob</i>	<i>expr</i>	510	mlč!	1168	цщ!
řminka	<i>běž</i>		506	líčidlo	1176	грим
glanc	<i>ob</i>		505	lesk	10524	глянец
klímbat	<i>běž</i>		502	klímat	210	клевать носом
řlařinet	<i>běž</i>	<i>zast</i>	499	kolovrátek	1185	шарманка
oblařnout	<i>ob</i>		496	přelřtít	2361	обмануть
čundr	<i>n</i>		488	výlet	74501	экскурсия
řkicák	<i>v.sl.</i>		480	náčrtník	176	мольберт
socan	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	480	socialista	17508	социалист
třířknout	<i>běž</i>		480	uhodit	7864	ударить
otrapa	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	478	ničema	2019	негодяй
řilc	<i>běž</i>		473	plřt	0	войлок
remcat	<i>běž</i>	<i>pejor</i>	470	reptat	1333	сетовать
prořřtro- vat	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	467	promarnit	8204	растратить
komando- vat	<i>běž</i>	<i>pejor</i>	465	poroučet	4223	командовать
raubíř	<i>ob</i>		465	darebák	5557	бездельник
řmírovat	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	462	sledovat	216822	преследовать
póvl	<i>ob</i>	<i>zast</i>	457	bezcennost	94	дрянь
řvanec	<i>ob</i>	<i>expr</i>	451	jídlo	115032	еда
čahoun	<i>běž</i>	<i>expr</i>	448	dlohán	2279	дылда
krchov	<i>n</i>		441	hřbitov	63862	кладбище
řunt	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	436	brak	1899	брак
majlant	<i>ob</i>	<i>expr</i>	432	hojnost	3338	изобилие
řvindlovat	<i>ob</i>		430	podvádět	6079	обманывать
mičuda	<i>ob</i>	<i>expr</i>	420	mič	151029	мяч
řáro	<i>n</i>	<i>expr</i>	414	auto	513708	автомобиль
gríř	<i>n</i>		414	hmat	3498	хватка

šlak	<i>n</i>	<i>zast</i>	406	mrtvice	5311	апоплексия
kvádro	<i>ob</i>	<i>expr</i>	393	oblek	20765	костюм
luft	<i>ob</i>	<i>zast</i>	386	vzduch	107359	воздух
handlíř	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	383	čachrář	57	нечестный торговец
čuchat	<i>ob</i>		381	čichat	1974	нюхать
pakáž	<i>běž</i>	<i>pejor</i>	378	sebranka	830	сброд
pošuk	<i>ob</i>	<i>expr</i>	371	potřeštěnec	37	псих
herda	<i>ob</i>		363	úder	44271	удар
recht (mít)	<i>ob</i>		363	pravda [mít]	40465	правда
kantoirina	<i>běž</i>	<i>expr</i>	358	učitelství	1296	учительство
kurýrovat	<i>běž</i>	<i>zast</i>	355	léčit	44142	лечить
posera	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	351	zbabělec	3296	трус
jináč	<i>ob</i>		349	jinak	339921	иначе
šmak	<i>ob</i>	<i>zast</i>	348	chut'	100469	вкус
všimný,-é	<i>běž</i>		336	úplatek	22657	взятка
špajz	<i>ob</i>		322	špižirna	0	чулан
řald	<i>ob</i>		315	záhyb	2531	складка
sulc	<i>běž</i>		305	rosol	937	студень
prosík	<i>běž</i>	<i>expr</i>	303	prosba	10692	просьба
ohoz	<i>ob</i>	<i>expr</i>	301	oblečení	58410	одежда
užirat se něčím	<i>běž</i>		301	trápit se	9366	мучиться чем-либо
aušus	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	300	brak	1899	брак
spískat	<i>běž</i>	<i>pejor</i>	297	způsobit	214789	причинить
brnknout někomu	<i>běž</i>		295	zatelefono- vat	2072	позвонить по телефону
čokl	<i>n</i>		287	pes	232641	собака
čina	<i>běž</i>	<i>zast</i>	286	nepohoda	2200	непогода
lampasák	<i>n.sl.</i>	<i>pejor</i>	286	důstojník	59912	
mirákl	<i>ob</i>	<i>zast</i>	286	zázrak	24044	чудо
mašinfira	<i>n.sl.</i>	<i>zast</i>	284	strojvedoucí	6326	машинист
šahat	<i>běž</i>		282	sahat	30595	трогать
šlajsna	<i>n.sl.</i>		281	propust	1520	сброс
courat se	<i>běž</i>		279	loudat se	673	плестись
švára	<i>ob</i>	<i>expr</i>	279	švagr	6057	шурин, зять, деверь
náfuka	<i>běž</i>	<i>pejor</i>	275	domýšlivec	53	гордец
trhnout se	<i>běž</i>	<i>expr</i>	275	oddělit se	1680	отделиться
narafičit	<i>ob</i>		264	nastražit	2924	устроить
ouřad	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	264	úřad	790660	учреждение
drobátko	<i>běž</i>		263	trochu	315246	немного
štangle	<i>ob</i>		262	tyč	80222	жердь
fikaný	<i>ob</i>	<i>expr</i>	258	mazaný	5610	продуктовой
Cigoš	<i>ob</i>		256	Róm	603	цыган
kripl	<i>ob</i>	<i>zhrub</i>	255	mrzák	1679	калека
ostat	<i>ob</i>		254	zůstat	495579	остаться

děvkař	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	250	sukničkář	830	бабник
štrachat (se)	<i>běž</i>	<i>expr</i>	248	hrabat (se)	5343	копаться
slad'ák	<i>běž</i>	<i>pejor</i>	246	kýč	5968	кич
vercajk	<i>ob</i>	<i>zast</i>	244	nářadí	24040	инструменты
sámoška / samoška	<i>běž</i>		243	samoobsluha	5484	магазин самообслуживания
pucovat	<i>n</i>	<i>zast</i>	241	čistit	15390	чистить
prt'avý	<i>ob</i>	<i>expr</i>	240	malý	1018346	щуплый
kunčařt	<i>ob</i>	<i>zast</i>	238	zákazník	191391	заказчик
fant	<i>ob</i>		235	zástava	12273	залог
špulka	<i>běž</i>		235	cívka	3268	катушка
nadranc	<i>ob</i>		231	napadrť	280	вдребезги
smrkáč	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	231	začátečník	12154	новичок
magnet'ák	<i>běž</i>		229	magnetofon	3831	магнитофон
fakan	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	228	dítě	1415924	ребёнок
pajzl	<i>n</i>		227	nevěstinec	3159	публичный дом
pajdat	<i>běž</i>	<i>expr</i>	226	kulhat	2842	хромать
famílie	<i>n</i>		225	rodina	434676	семья
štokr(d)le	<i>ob</i>		224	stolička	4266	табурет
fusekle	<i>n</i>		222	ponožka	8892	носок
kas(t)lík	<i>ob</i>		222	schránka	29343	ящик
šenkýřka	<i>ob</i>	<i>zast</i>	220	hostinská	1100	трактирщица
blít / blejt / blíti	<i>n</i>		218	zvracet	3906	блевать
čuba	<i>běž</i>		217	fena	5416	сука
fangle	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	214	prapor	29262	флаг
šmakovat	<i>ob</i>	<i>zast</i>	212	chutnat	18138	быть по вкусу
šumák	<i>běž</i>		212	šuměnka	36	шипучка
vinšovat	<i>ob</i>	<i>zast</i>	212	blahopřát	7556	поздравлять
grobián	<i>běž</i>	<i>expr</i>	207	hrubec	768	грубиян
špekoun	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	206	tlust'och	957	толстяк
kebule	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	202	hlava	465471	голова
prasák	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	198	nestoudník	33	бесстыдник
fotel	<i>ob</i>		197	křeslo	72429	кресло
štempl	<i>ob</i>		196	razítko	17701	печать
fachman	<i>ob</i>	<i>expr</i>	195	odborník	247167	специалист
pakárna	<i>ob</i>		192	blázinec	4489	сумасшедший дом
frňák	<i>ob</i>	<i>zhrub</i>	190	nos	42168	нос
chcát	<i>běž</i>	<i>zhrub</i>	190	močit	1313	мочиться
tuplem	<i>ob</i>	<i>zast</i>	189	dvojnásob	5160	дважды
papundekl	<i>ob</i>	<i>zast</i>	188	lepenka	3588	картон
plezír	<i>běž</i>		180	radost	174709	удовольствие
rapl	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	180	podivín	3449	чудак
koumat	<i>ob</i>		179	přemýšlet	79361	размышлять
kvalt	<i>ob</i>	<i>expr</i>	179	spěch	6967	спешка

šif	<i>ob</i>	<i>zast</i>	179	loď	129243	корабль
kór	<i>ob</i>	<i>expr</i>	178	velmi	816323	очень
oblbnout	<i>ob</i>		178	zmást	6981	запутать
olezlý	<i>ob</i>	<i>expr</i>	178	opelichaný	228	облезлый
schrastit něčo	<i>ob</i>		176	sehnat	70473	раздобыть
sejr	<i>ob</i>		170	sýr	28292	сыр
sviňárna	<i>n</i>		170	nestoudnost	502	бесстыдство
cajk	<i>n.sl.</i>		168	nářadí	24040	инструменты
hamoun	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	166	chamtivec	204	жадина
obejda	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	166	pobuda	1367	бродяга
trsat	<i>ob</i>	<i>zast</i>	165	tancovat	9069	танцевать
krkat	<i>běž</i>		164	řihat	206	рыгать
vejtaha	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	163	chlubil	139	хвастун
laborka	<i>v.sl.</i>		159	laboratoř	35951	лаборатория
načínčaný	<i>běž</i>	<i>expr</i>	158	vyparáděný	192	разодетый
šizuňk	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	158	podvodník	23411	мошенник
gyps	<i>n</i>		156	sádra	6515	гипс
dupárna	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	155	tančírna	2339	танцплощадка
cukat se	<i>ob</i>		154	zdráhat se	2871	не решаться
šťouchat do	<i>běž</i>		154	vrážet [do]	486	вбивать
prča	<i>ob</i>	<i>expr</i>	150	legrace	27223	развлечение
ajznboňák	<i>ob</i>	<i>zast</i>	148	železničář	13533	железнодорожник
polizance	<i>běž</i>		147	malér	6740	неприятности
šperhák	<i>ob</i>		146	paklič	272	отмычка
křísnout	<i>běž</i>	<i>expr</i>	145	udeřit	32637	ударить
forota	<i>ob</i>		139	zásoba	54107	запасы
čutat	<i>ob</i>	<i>expr</i>	138	kopat	25535	играть в футбол
fištrón	<i>ob</i>	<i>expr</i>	135	důvtip	1412	смекалка
ciráty	<i>ob</i>	<i>expr</i>	134	okolky	1883	церемонии
fixlovat	<i>ob</i>		132	podvádět	6079	обманывать
holport (na, do h.)	<i>ob</i>	<i>zast</i>	132	společně	194637	совместно
slejvák	<i>běž</i>	<i>expr</i>	130	liják	5353	ливень
šibovat	<i>n.sl.</i>		130	posunovat	4641	двигать
bejvák	<i>n</i>		128	byt	481509	квартира
facha	<i>ob</i>		122	obor	169613	специальность
chnět	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	121	spát	78093	спасть
pochcat se	<i>běž</i>	<i>zhруб</i>	118	pomočit se	94	обмочиться
šleha	<i>běž</i>	<i>expr</i>	118	rána	113462	удар
tripl	<i>ob</i>	<i>zast</i>	118	kapavka	813	гоноррея
klandr	<i>ob</i>	<i>zast</i>	117	zábradlí	24277	перила
štrikovat	<i>ob</i>		117	plést	18071	плести
kaput	<i>ob</i>		116	zničený	23943	уничтоженный
čupr	<i>ob</i>	<i>zast</i>	111	hezký	79859	хорошенький

típnout [cigaretu]	<i>běž</i>		110	zamáčknout (cigaretu)	118	потушить
mačkanice	<i>běž</i>		109	nával	8622	давка
šús	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	109	ztřeštěný	1817	сумасбродный
pade	<i>ob</i>		107	padesát (haléřů)	1205	пятьдесят
špiritus	<i>n</i>		107	alkohol	140929	алкоголь
zasvinit	<i>ob</i>	<i>expr</i>	106	znečistit	3380	перепачкать
brundibár	<i>běž</i>	<i>expr</i>	105	čmelák	1324	шмель
mešuge / mišuge	<i>ob</i>	<i>zast</i>	105	pomatený	1566	сумасшедший
nehovět něčemu	<i>ob</i>	<i>expr</i>	105	nerozumět	28354	не понимать
frnknout	<i>běž</i>	<i>expr</i>	104	utéct	78472	убежать
řiditel	<i>běž</i>		103	ředitel	692579	директор
šanovat	<i>ob</i>	<i>zast</i>	97	šetřit	66638	копить
čumenda	<i>ob</i>	<i>expr</i>	96	podívaná	23190	зрелище
šlauch	<i>ob</i>		96	hadice	8435	шланг
č(m)ajzno ut	<i>n</i>		95	ukrást	92249	украсть
fland'ák	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	89	kněz	36150	священник
nakrknout	<i>ob</i>		89	rozzlobit	4984	разозлить
retko	<i>n</i>	<i>zast</i>	89	cigareta	71588	сигарета
nalejvárna	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	87	rychloukurs	242	ускоренный курс
šmir-gl(papír)	<i>n</i>		86	smirek	71	наждак
čermant	<i>ob</i>	<i>zast</i>	83	čert	30312	чёрт
cukání [mít]	<i>běž</i>	<i>expr</i>	81	chut' [mít]	26661	аппетит
kiksnout	<i>ob</i>		81	selhat	21035	не удался
pabl	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	81	pitomec	3280	дурак
mazavka	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	79	opilec	15219	пьяница
raje	<i>ob</i>	<i>expr</i>	79	přitažlivost	7555	привлекательность
brekot	<i>běž</i>		78	pláč	14609	плач
lífrovat	<i>n</i>		77	dodávat	190117	доставлять
vyvrbit se	<i>ob</i>	<i>expr</i>	75	vyjasnit se	2307	выясниться
fouňa	<i>běž</i>	<i>pejor</i>	73	nadutec	102	заснайка
kvaltovat	<i>ob</i>	<i>expr</i>	73	pospíchat	7624	спешить
oprsklý	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	71	drzý	7025	дерзкий
panke(j)t	<i>ob</i>	<i>zast</i>	71	přikop	29318	ров
spakovat se	<i>ob</i>		71	sbalit se	2056	упаковать
vyblejsknout / vyblysknout	<i>ob</i>		71	vyfotografovat	5634	сфотографировать

nabeton	<i>běž</i>	<i>expr</i>	70	jistě	192520	безусловно
podagra	<i>ob</i>	<i>zast</i>	70	dna	597	подагра
debužirovat	<i>běž</i>	<i>expr</i>	69	hodovat	1724	пировать
našponovat	<i>ob</i>		68	napnout	3158	натянуть
špargl	<i>ob</i>		68	chřest	2101	спаржа
tajle	<i>ob</i>	<i>expr</i>	68	postava	145009	талия
gáblík	<i>ob</i>	<i>zast</i>	67	přesnídávka	722	второй завтрак
lajntuch	<i>n</i>	<i>zast</i>	67	prostěradlo	4477	простыня
najust	<i>ob</i>		67	naschvál	2983	нарочно
žváro	<i>n</i>	<i>zast</i>	67	cigareta	71588	сигарета
bryndák	<i>běž</i>		61	slinták	52	слонячик
trajdat	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	61	toulat se	2940	бродить
brejlit	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	60	zírat	13351	глазеть
maglajz	<i>ob</i>	<i>expr</i>	60	zmatek	22903	суматоха
medit si	<i>běž</i>	<i>expr</i>	60	libovat si	11787	довольствоваться
žhavý [do něčeho]	<i>běž</i>	<i>expr</i>	57	dychtivý	2524	
zdrbnout	<i>běž</i>	<i>pejor</i>	55	pomluvit	811	оговорить
flus	<i>n</i>		53	plivanec	517	плевок
fórový	<i>běž</i>	<i>pejor</i>	53	chatrný	3984	ветхий
šplecht	<i>ob</i>	<i>expr</i>	53	tlachání	721	болтовня
bařtipán	<i>ob</i>	<i>zast</i>	52	nadutec	102	зазнайка
frizúra	<i>n</i>		52	účes	10317	прическа
naštorc	<i>ob</i>		52	napříč	16562	поперёк
sichrovat	<i>ob</i>	<i>zast</i>	52	zajišťovat	78698	гарантировать
štopovat	<i>ob</i>		52	látat	690	штопать
vekslovat	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	52	měnit	169991	менять
filípa [mít]	<i>běž</i>	<i>expr</i>	51	důvtip [mít]	7	смекалка
šiknout se	<i>ob</i>	<i>expr</i>	50	hodit se	20390	пригодиться
šlajfka	<i>n</i>		50	kravata	9701	галстук
všivárna	<i>běž</i>		50	darebáctví	264	хулиганство
kapric	<i>ob</i>	<i>zast</i>	48	rozmar	5518	каприз
kušnit	<i>ob</i>	<i>expr</i>	47	žvanit	1696	болтать
napařit (trest)	<i>ob</i>	<i>expr</i>	47	uložit [trest]	3572	влепить
žinýrovat se	<i>běž</i>	<i>zast</i>	47	ostýchat se	869	стесняться
čuch na něco	<i>ob</i>		43	smysl pro	20928	нюх
heřilink	<i>n.sl.</i>	<i>zast</i>	42	vězeň	60594	заключённый
kramařit	<i>ob</i>	<i>expr</i>	42	přehrabovat se	473	рыться
šnuptychl	<i>n</i>		42	kapesník	6264	носовой платок
foršus / fôršus	<i>ob</i>		39	záloha	50449	задаток

ouchapek	<i>ob</i>	<i>zast</i>	39	posměšek	1208	усмешка
štajf	<i>ob</i>		39	strnulý	3421	остолбенелый
ostávat	<i>ob</i>	<i>zast</i>	38	bydlet	131310	проживать
domák-nout se	<i>běž</i>		37	zjistit	310159	выяснить
nátřesk	<i>ob</i>	<i>expr</i>	37	nával	8622	давка
prokecnout	<i>ob</i>	<i>expr</i>	36	profeknout	255	проболтаться
gábl	<i>ob</i>	<i>zast</i>	35	přesnídávka	722	второй завтрак
kušna	<i>ob</i>	<i>zhrub</i>	35	ústa	60866	рот
magič	<i>běž</i>		35	magnetofon	3831	магнитофон
krapánek	<i>běž</i>		34	trochu	315246	немного
zbaštit komu co	<i>ob</i>		34	naletět na	463	клонуть на что
trulant	<i>ob</i>	<i>expr</i>	33	hlupák	7614	глупец
junda	<i>ob</i>	<i>expr</i>	32	legrace	27223	развлечение
zblejsknout	<i>ob</i>	<i>expr</i>	31	spatřit	57702	увидеть
účtař	<i>ob</i>		30	účetní	35412	бухгалтер
kisna	<i>n</i>	<i>zast</i>	29	bedna	14582	ящик
frajle	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	28	slečna	39640	барышня
mašinkvér	<i>n.sl.</i>	<i>zast</i>	28	kulomet	5870	пулемет
vycajchnovat se	<i>ob</i>	<i>expr</i>	28	vyznamenat se	2635	отличиться
zlít se / zlejt se	<i>ob</i>	<i>expr</i>	28	opít se	2795	напиться пьяным
gebír	<i>ob</i>	<i>zast</i>	27	nárok	110011	право на
komandýr	<i>n.sl.</i>		27	velitel	80045	командир
mutr	<i>ob</i>	<i>expr</i>	27	matka	219242	мать
dáchnout si	<i>ob</i>	<i>expr</i>	25	odpočinout si	7286	отдохнуть
klempírovat	<i>ob</i>	<i>zast</i>	25	postonávat	99	болеть
štucl	<i>ob</i>		25	rukávník	158	муфта
řasuňk	<i>ob</i>		24	příděl	8404	паёк
prubovat	<i>ob</i>		23	zkoušet	68428	испытывать
camrat	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	22	tlachat	505	болтать
grejcar	<i>běž</i>	<i>zast</i>	22	krejcar	1213	крейцер
šmatat	<i>ob</i>		22	sahat	30595	прикасаться
zdrbat	<i>běž</i>	<i>pejor</i>	22	pomluvit	811	оговорить
šmajchlovat se	<i>ob</i>	<i>expr</i>	21	mazlit se	1008	ласкаться
šnytlik	<i>ob</i>		21	pažitka	2595	шнитт-лук
šraňky	<i>ob</i>		21	závory	4357	засов
lajsna	<i>ob</i>		20	lať	2076	планка
řlusat	<i>n</i>		19	přivat	2823	плевать
štráf	<i>ob</i>		19	pruh	36999	полоса
cálovat	<i>n</i>		18	platit	448546	платить

dožrat se	<i>běž</i>	<i>expr</i>	18	rozzlobit se	2684	рассердиться
luftovat	<i>n</i>		17	větrat	2668	проветривать
tumlovat se	<i>ob</i>	<i>zast</i>	17	spěchat	24657	торопиться
vimrle	<i>ob</i>		17	vřídek	248	язвочка
cemr	<i>ob</i>	<i>expr</i>	15	záda	98916	спина
cugrunt (být, přijít)	<i>ob</i>	<i>expr</i>	13	zničen [být]	15218	уничтоженный
befěl	<i>ob</i>		12	rozkaz	22042	приказ
zažrat se [do něčeho]	<i>ob</i>	<i>expr</i>	12	zabrat se [do]	88	вьестся
žůžo	<i>ob</i>	<i>expr</i>	12	výtečný	13545	замечательный
asák	<i>ob</i>		11	asistent	82255	ассистент
trhnout na něčem	<i>ob</i>	<i>expr</i>	11	vydělat [na]	5533	заработать на чем-либо
chramstnout	<i>ob</i>	<i>expr</i>	10	uchopit	11527	схватить
fendák	<i>n</i>	<i>zast</i>	9	exekutor	11064	исполнитель
špekbuřt	<i>ob</i>	<i>zast</i>	9	tlačenka	2149	зельц
šťajfovát se	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	9	kasat se	342	хвастаться
brykule	<i>běž</i>	<i>zast</i>	8	okolky	1883	церемонии
krámovat	<i>ob</i>	<i>expr</i>	8	přehrabovat se	473	копаться
oušlapek	<i>ob</i>	<i>zast</i>	8	ošlapek	11	натоптыш
šáša	<i>ob</i>	<i>expr</i>	8	šašek	4586	шут
prdelkovat	<i>ob</i>	<i>expr</i>	7	přisluhovat	148	прислужничать
tringelt	<i>ob</i>	<i>zast</i>	7	spropitně	1546	чаевые
šlajfovát	<i>ob</i>	<i>zast</i>	6	brzdit	18327	тормозить
šmarjá	<i>ob</i>	<i>expr</i>	6	ježišmarjá	99	Господи!
ocad'	<i>ob</i>		5	odsud	11761	отсюда
šalovat	<i>n.sl.</i>		5	bednit	40	обшивать
uprdelit se	<i>ob</i>	<i>zhrub</i>	5	uvelebit se	1172	расположиться поудобнее
aplégr	<i>n.sl.</i>		4	odnož	4207	отросток
kšunt	<i>ob</i>	<i>pejor</i>	4	brak	1899	брак
outerek	<i>n</i>		4	úterý	218225	вторник
semlbába	<i>běž</i>		4	žemlovka	193	шарлотка
švindlířka	<i>ob</i>		4	podvodnice	2385	мошенница
fornýr	<i>n.sl.</i>		3	dýha	953	фанера
hylzna	<i>n.sl.</i>		2	nábojnice	1526	гильза
splávnout	<i>ob</i>	<i>expr</i>	2	neuspět	46528	провалиться
štrúzok / štrožok	<i>ob</i>	<i>zast</i>	2	slamník	1266	соломенный матрас
firhank	<i>ob</i>	<i>zast</i>	1	záclona	5725	штора
heftovat	<i>n.sl.</i>		1	stehovat	36	сшивать

kanička	<i>běž</i>		1	tkanička	2086	шнурок
tám- dle(ten)	<i>běž</i>		1	tam(ten)	958951	вон тот
zesrabit	<i>n</i>		1	zkazit	14936	испортить
zežmoulat	<i>běž</i>		1	zmačkat	531	измять
vlezdop- rdelis- mus	<i>n</i>	<i>pejor</i>	0	podlézavost	230	угодливость
buklák	<i>běž</i>		0	koberec	27462	ковёр
frč	<i>n</i>		0	zastavárna	5340	ломбард
fušer	<i>běž</i>	<i>pejor</i>	0	diletant	968	дилетант
špecka	<i>ob</i>		0	prezervativ	2555	презерватив
švic	<i>ob</i>	<i>expr</i>	0	spěch	6967	спешка
zasrabit	<i>n</i>		0	znečistit	3380	запачкать

Еще раз отметим, что с помощью таких запросов, как [word=".*oprdelism.*"], [word="[Bb]uklá.*"], [word="[Ff]ušer.*"], [word="[Šš]peck.*"], [word="[Šš]vic.*"], [word="[Zz]asrab.*"] можно обнаружить контексты употребления и тех лексем, которых не обнаружил поиск по лексеме (то есть поиск по запросам [lemma="vlezdoprdelismus"], [lemma="buklák"], [lemma="fušer"], [lemma="špecka"], [lemma="švic"], [lemma="zasrabit"]). В настоящую таблицу, однако, эти данные не вошли, так как получены по другому алгоритму поиска.

Полученный эскиз частотного словаря включает 537 однословных соответствий и позволяет определить (после копирования его данных в Excel) не только абсолютную, но и относительную частоту употреблений рассматриваемых лексем. Например, если мы примем общее количество зафиксированных употреблений той или иной обиходно-разговорной лексемы (A) и её литературного коррелята (B) за 100%, то относительная частотность данной обиходно-разговорной лексемы будет равняться $A/(A + B) \times 100\%$.

В соответствии данной формулой расчета (A – сумма документированных контекстов употребления всех лексем из первой колонки; B – сумма документированных контекстов употребления всех их литературных коррелятов) средняя относительная частотность лексемы из первой колонки составляла приблизительно 5,2%. При этом средняя относительная частотность лексических единиц, характерных исключительно для обиходно-разговорного чешского языка и не маркированных в качестве стилистически сниженных (снабженных пометой *ob*) в три раза ниже (!) относительной частотности лексических единиц (снабженных пометой *běž*): речь идет о 2,5% и о 7,5% соответственно. Если же мы будем учитывать также и лексические единицы обиходно-разговорного чешского языка, маркированные как стилистически сниженные (помета *ob* + помета *n*), то эта относительная частотность будет еще ниже – 2,1%.

Что же касается стилистических помет, то весьма высокой оказалась относительная частотность лексических единиц, маркированных как *грубые* – 9,1%, тогда как у слов, маркированных как *пейоративные*, *экспрессивные* или *устаревшие*, относительная частотность оказалась существенно ниже средней – 1,79%, 0,95% и 0,84% соответственно.

Представленный выше эскиз частотного словаря однословных соответствий чешской обиходно-разговорной и литературной лексики не претендует на то, чтобы быть исчерпывающим уже в силу того, что на это не претендует список лексем, изначально предложенный в [Sgall 1992]. Тем не менее употребительность в современных чешских письменных текстах (а во многих случаях – весьма высокая употребительность) тех лексических единиц обиходно-разговорного чешского языка, которые в нем представлены, следует считать эмпирически доказанной.

2.2. Примеры использования элементов чешского обиходно-разговорного койне в художественной литературе и кинематографе

Как уже отмечалось, элементы собственно-чешского обиходно-разговорного койне активно используются в художественной литературе и кинематографе, ср. приводимые далее фрагменты, в которых подобные **фонетические** или **грамматические** отклонения от литературной нормы выделены подчеркиванием (мы воздержались от фиксации отклонений **лексических**¹ главным образом в связи со значительным несовпадением взглядов чешских коллег автора по поводу статуса целого ряда «проблемных» лексем, в том числе лексем из приведенного выше списка П. Сгалла и И. Гронека).

2.2.1. Элементы чешского обиходно-разговорного койне в художественном тексте

В приводимом далее фрагменте, открывающем известный роман Я. Гашека *Osudy dobrého vojáka Švejka*, никак не отмечено так называемое «ониканье» (грамматический германизм, состоящий в обращении к собеседнику формой третьего лица множественного числа²), которое хотя и не соответствует чешской литературной норме, но в качестве элемента «обычного» чешского языка не рассматривается.

"Tak nám zabili Ferdinanda," řekla posluhovačka panu Švejkovi, který opustiv před léty vojenskou službu, když byl definitivně prohlášen vojenskou

¹ Единственное исключение – разговорное *jo/jó* вместо литературного *ano*.

² Об «ониканье» и «онканье» см., например, [Изотов 2005: 181-199].

lékařskou komisí za blba, živil se prodejem psů, ošklivých nečistokrevných oblod, kterým padělal rodokmeny.

Kromě tohoto zaměstnání byl stížen revmatismem a mazal si právě kolena opodeldokem.

"Kterýho Ferdinanda, paní Müllerová?" otázal se Švejk, nepřestávaje si masírovat kolena, "já znám dva Ferdinandy. Jednoho, ten je sluhou u drogisty Průši a vypil mu tam jednou omylem láhev nějakého mazání na vlasy, a potom znám ještě Ferdinanda Kokošku, co sbírá ty psí hovínka. Vobou není žádná škoda."

"Ale, milostpane, pana arcivévodu Ferdinanda, toho z Konopiště, toho tlustýho, nábožnýho."

"Ježíšmarjá," vykřikl Švejk, "to je dobry. A kde se mu to, panu arcivévodovi, stalo?"

"Práskli ho v Sarajevu, milostpane, z revolveru, vědí. Jel tam s tou svou arcikněžnou v automobilu."

"Tak se podívejme, paní Müllerová, v automobilu. Jó, takovej pán si to může dovolit, a ani si nepomyslí, jak taková jízda automobilem může nešťastně skončit. A v Sarajevu k tomu, to je v Bosně, paní Müllerová. To udělali asi Turci. My holt jsme jim tu Bosnu a Hercegovinu neměli brát. Tak vida, paní Müllerová. On je tedy pan arcivévoda už na pravdě boží. Trápil se dlouho?"

"Pan arcivévoda byl hned hotovej, milostpane. To vědí, že s revolverem nejsou žádný hračky. Nedávno taky si hrál jeden pán u nás v Nuslích s revolverem a postřílel celou rodinu i domovníka, ktorej se šel podívat, kdo to tam střílí ve třetím poschodí."

"Někerej revolver, paní Müllerová, vám nedá ránu, kdybyste se zbláznila. Takovejch systémů je moc. Ale na pana arcivévodu si koupili jistě něco lepšího, a taky bych se chtěl vsadit, paní Müllerová, že ten člověk, co mu to udělal, se na to pěkně voblík. To vědí, střílet pana arcivévodu, to je moc těžká práce. To není, jako když pytlák střílí hajnýho. Tady jde vo to, jak se k němu dostat, na takovýho pána nesmíte jít v nějakých hadrech. To musíte jít v cylindru, aby vás nesebral dřív policajt."

"Vono prej jich bylo víc, milostpane."

"To se samo sebou rozumí, paní Müllerová," řekl Švejk, konče masírování kolen, "kdybyste chtěla zabít pana arcivévodu, nebo císaře pána, tak byste se jistě s někým poradila. Víc lidí má víc rozumu. Ten poradí to, ten vono, a pak se dílo podaří, jak je to v tej naší hymně. Hlavní věcí je vyčítat na ten moment, až takovej pán jede kolem. Jako, jestli se pamatuju na toho pana Lucheniho, co probod naši nebožku Alžbětu tím pilníkem. Procházel se s ní. Pak věřte někomu; vod tý doby žádná císařovna nechodí na procházky. A vono to čeká ještě moc osob. A uvidějí, paní Müllerová, že se dostanou i na toho cara a carevnu, a může být, nedej pánbůh, i na císaře pána, když už to

začli s jeho strýcem. Von má, starej pán, moc nepřátel. Ještě víc než ten Ferdinand. Jako nedávno povídal jeden pán v hospodě, že přijde čas, že ty císařové budou kapat jeden za druhým a že jim ani státní návladnictví nepomůže. Pak neměl na útratu a hostinský ho musel dát sebrat. A von mu dal facku a strážníkovi dvě. Pak ho odvezli v košatince, aby se vzpamatoval. Jó, paní Müllerová, dnes se dějou věci. To je zas ztráta pro Rakousko. Když jsem byl na vojně, tak tam jeden infanterista zastřelil hejtmana. Naládoval flintu a šel do kanceláře. Tam mu řekli, že tam nemá co dělat, ale on pořád vedl svou, že musí s panem hejtmanem mluvit. Ten hejtman vyšel ven a hned mu napařil kasárníka. Von vzal flintu a bouch ho přímo do srdce. Kulka vyletěla panu hejtmanovi ze zad a ještě udělala škodu v kanceláři. Rozbila flašku inkoustu a ten polil úřední akta."

"A co se stalo s tím vojákem?" otázala se po chvíli paní Müllerová, když Švejk se oblékal.

"Voběsil se na kšandě," řekl Švejk, čistě si tvrdý klobouk. "A ta kšanda nebyla ani jeho. Tu si vypůjčil od profousa, že prý mu padají kalhoty. Měl čekat, až ho zastřelej? To vědí, paní Müllerová, že v takový situaci jde každému hlava kolem. Profousa za to degradovali a dali mu šest měsíců. Ale von si je nevodseděl. Utek do Švejcar a dneska tam dělá kazatele ňáký církve. Dneska je málo poctivců, paní Müllerová. Já si představuju, že se pan arcivévoda Ferdinand také v tom Sarajevu zmejlil v tom člověkoví, co ho střelil. Viděl nějakého pána a myslil si: To je nějakej pořádněj člověk, když mně volá slávu. A zatím ho ten pán bouch. Dal mu jednu nebo několik?"

"Noviny píšou, milostpane, že pan arcivévoda byl jako řešeto. Vystřilel do něho všechny patrony."

"To jde náramně rychle, paní Müllerová, strašně rychle. Já bych si na takovou věc koupil brovnink. Vypadá to jako hračka, ale můžete s tím za dvě minuty postřílet dvacet arcivévodů, hubenejch nebo tlustejch. Ačkoliv, mezi námi řečeno, paní Müllerová, že do tlustýho pana arcivévodý se trefite jistěj než do hubenýho. Jestli si pamatujou, jak tenkrát v Portugalsku si postříleli toho svýho krále. Byl taky takovej tlustej. To víte, že král nebude přece hubenej. Já tedy teď jdu do hospody U kalicha, a kdyby někdo sem přišel pro toho ratlíka, na kterýho jsem vzal zálohu, tak mu řeknou, že ho mám ve svém psinci na venkově, že jsem mu nedávno kupíroval uši a že se teď nesmí převážet, dokud se mu uši nezahojí, aby mu nenastydly. Klíč dají k domovníci."

2.2.2. Элементы чешского обиходно-разговорного койне в мультипликационном сериале

Далее приводятся содержащие элементы обиходно-разговорного койне примеры из серии *Jak Mach a Šebestová vyrostli* чешского попу-

лярного мультипликационного сериала¹. Как мы видим, элементы чешского обиходно-разговорного койне представлены не только в репликах персонажей, что было бы вполне объяснимо, но и в авторском тексте.

1. A jakpak jednou do té školy jdou, povídá ta malá Machová malýmu Machovi: „Hele, brácho, řekni, jestli ty dospělí nejsou fakt praštění. Koukni, co dělá ten starý bláznivý Jonatán s těma maličkýma, to by jeden umřel.“ 2. A malý Mach povídá tý malý Machový: „No, a co má bejt? To je přece normální. Až budeš velická, budeš zrovna taková, chceš se vsadit? Kdyby dospělí v jednom kuse každýho nevychovávali, dopadlo by to s náma se všema jako tamhle s Horáčkem a Pažoutem.“ 3. To víte, Horáček dělal jako obyčejně děsně chytrýho: „Sudokopytníci, to je přece jasný. Sudokopytníci jsou docela normální sudy, jenže mají kopyta, že ano, proto se jim říká sudokopytníci.“ 4. Pažout byl o něco mazanější než Horáček, tak si řekl: „Počkej, ty jedna soudružko učitelko, já tě převezu. Vono to bude určitě naopak.“ 5. A tak povídá: „Prosím, sudokopytníci jsou takový zvláštní zvířata, kteřý mají místo kopyt čtyry sudy, takže vlastně ani nechoděj, ale spíš se tak nějak jako válej.“ 6. A cestou domů říká malej Mach malý Machový: „Člověče, ségro, s tím Horáčkem a Pažoutem by se mělo něco podniknout. Tak to není možný, vždyť jsou to otcové rodin. Jak k tomu přijdou ti chudáci děti, aby měli místo tatínků takový telata.“ 7. A malá Machová řekla: „No jo, člověče, ale co my dva s tím můžeme dělat?“ 8. A malá Machová řekla malýmu Machovi: „Člověče, brácho, tak mě napadá, že by se s tím sluchátkem dalo bezvadně pomoci Horáčkovi a Pažoutovi, co říkáš?“ 9. A malý Mach byl samozřejmě pro a řekl nahlas: „Hele, tatí, nemoh bys nám to sluchátko na chvilku půjčit?“ 10. A velký Mach řekl: „Tos teda uhád, chlapečku. My s maminkou náhodou moc dobře víme, jaký se s tím dají dělat lumpárny.“ 11. Jenže malý Mach byl chytrý po tatínkovi, a malá Machová po mamince. Oba sedli dohromady s malým Jonatánem, který byl chytrej po starým Jonatánovi, takže než bys řekl švec, bylo sluchátko jejich. 12. Prosím vás, my bysme tady se ségrou strašně moc chtěli, aby se ti starý dva repetenti místo kopaný učili, protože se na tu ostudu už vážně nemůžeme koukat. 13. No a potom se stalo něco úplně neuvěřitelnýho, na co všichni koukali jako spadlí z višně. 14. Ale malej Mach řekl že ne, že oba dostali bohužel pětku jako Brno, protože se včera odpoledne vůbec neučili.

2.2.3. Элементы чешского обиходно-разговорного койне в художественном фильме

Элементы собственно-чешского обиходно-разговорного койне активно используются в кинематографе, например, в снятой по мотивам

¹ Тексты 14 серий с упражнениями по ним см. [Изотов 2018b].

произведений К. Чапека комедии Lotrando a Zubejda, представляющей для нас интерес в том числе и потому, что звучащий с экрана текст не совпадает с текстом титров. В приводимом далее фрагменте мы давали оба варианта через слэш, при этом звук был выделен *курсивным* шрифтом, а титры – **полужирным**; текст же общий и для титров, и для озвучки был набран шрифтом обычным.

Отметим, что хотя в титрах элементов обиходно-разговорного койне закономерно меньше, чем в самой озвучке фильма, они там также представлены. Как и на предыдущих страницах, подобные элементы отмечены подчеркиванием независимо от того, идет ли речь о титрах или же об озвучке.

Lotrando senior: Dobře jsme si zaloupili.

Vincek: Dobře.

Lotrando senior: *Žádná krev*/**Krev dneska** netekla.

Vincek: *Ani kapka dneska*/**Ani kapka**.

Lotrando senior: Když to *nemusí bejt*/**nemusí být**, tak se nemá ani střílet, ani *zapichovat/zabíjet*. Když to ale *muší bejt*/**musí být**, tak se *hold střílet a zapichovat muší/střílet a zabíjet musí*. To si pamatujte, *tyhle ty zásady*/---! Víc, víc! A taky je *zajímavý/zajímavé*... že čím víc máme, tím víc... tím víc... Čím víc máme, tím víc krademe! Ty střevo!

Lotrando senior: Maceško, *a co můj synáček*/**co dělá můj syn**? Už/--- spinká?

Maceška: *Jo jo*, spinká.

Lotrando senior: To je život. *Vlastního dítěte si člověk neužije*/**Vůbec jsem si syna neužil**. Kdy *já ho viděl* naposledy? Ani nepamatuju/**Ani jsem ho moc neviděl**. Papal?

Maceška: *Jo jo*/**Ano**, papal.

Lotrando senior: Až vyroste, dám ho do školy. Co se směješ? *Copak na to nemám?*/---

Maceška: Jestli ho do *nějaký/nějaké* školy *vemou*. *Vono takový počítám neberou*/**Takové asi neberou**.

Lotrando senior: *Jaký takový, jaký* neberou? Co jste *mi to udělali s mým synáčkem?*/**to s ním udělali?** *Kde je?*/---. Pojď k tátovi, *ty moje holátko malý/holátko*... *Nejseš polulanej/počůranej?* Co to je?

Vincek: To je váš *kluk/syn, pane Lotrando*/---

Lotrando senior: *Mordies hadry, to jsou události!*/**To jsou události**. *Člověk se plahočí, tu obživu shání*... *na dítě nemá čas a najednou mu to... takhle vyroste*/**Sháním jen peníze, nemám čas na syna a on zatím vyrostl**. A

¹ Оформление *Žádná krev*/**Krev dneska** netekla означает, что с экрана звучит текст *Žádná krev netekla*, а в титрах значится **Krev dneska netekla**, оформление же *To si pamatujte, tyhle ty zásady*/--- означает, что с экрана звучит текст *To si pamatujte, tyhle ty zásady*, а в титрах мы читаем **To si pamatujte**.

- mně bylo divný, že tady nevisej pleny!* **Bylo mi divný, že tu nevisí pleny.**
- Maceška: *Takhle přerostlý dítě vám do žádný školy nevemou.* **Je velký, do školy ho nevezmou.**
- Lotrando senior: *A to bysme se na to podívali, jestli vemou nebo ne!* **To bych se na to podíval. Chceš do školy?**
- Maceška: *Vždyť ani neví, co to je! Celý dny kouká do nebe a pase kozy!* **Celé dny jen pásł kozy. Akorát v zimě si prohlíží ty vobrázkový knížky!** **Jen v zimě si prohlížel obrázkové knížky... no co jste ukrad tomu kupci z *Vimperka*!--.**
- Lotrando senior: *Vykoupat, odvěšvit, učesat, voblíct a oblíct!* **Ráno pude/půjde do školy! Tu nejlepší školu mu dám!** **Do té nejlepší.**

3. СОБСТВЕННО-ЧЕШСКИЕ ГОВОРЫ

3.1. Территория распространения собственно-чешских говоров

Общее представление о месте собственно-чешских говоров в общей массе чешских диалектов дает карта Я. Белича, в которой собственно-чешские говоры обозначены цифрами от 1 до 4:

1. Středočeská podskupina.
 - 1a. Okrajový úsek lounsko-litoměřický.
2. Jihozápadní podskupina.
 - 2a. Západní část.
 - 2b. Východní část.
 - 2c. Úsek manětínský.
 - 2d. Bývalý národnostní ostrůvek stříbrský.
 - 2e. Úsek domažlicko-horšovskotýnský (s nářečím chodským).
 - 2f. Úsek prachatický.
 - 2g. Nářečí doudlebské.
 - 2h. Úsek třešňsko-dačický.
3. Severovýchodočeská podskupina.
 - 3a. Nářečí v Podještědí a v Podkrkonoší.
 - 3b. Nářečí na Náchodsku (s přesahem na Kladsko).
 - 3c. Nářečí východolitomýšlské.

4. Jihovýchodočeská (českomoravská) podskupina.
 4a. Severní úsek (žďársko-bystřický).
 4b. Jižní úsek (jemnický) [Belič 1972].

Монументальный труд Я. Белича [Belič 1972] послужил основным источником информации об описываемых в главах 3-7 чешских говорах, равно как и источником приводимых в названных главах образцов этих говоров. Информация о соответствующих тем или иным разговорам населенных пунктах, а также карты, показывающие расположение этих пунктов на территории Чехии или Польши, взяты из открытого доступа.

При изложении материала и записи диалектных примеров/текстов мы влед за Я. Беличем использовали, с рядом оговорок и дополнений, современную чешскую графику. Речь идет о следующих оговорках и дополнениях:

Мягкость согласных *ř, ď, ň* всегда обозначается с помощью гачека над соответствующей буквой, например, *děti, koňe*, так что в случаях типа *ti, vod tí dobi, dílka, vod ženi* речь идет о твердых согласных *t, d, n*.

Буквы *y, ý* используются только тогда, когда речь идет о гласных, отличных от *i, í*, будь то самостоятельные фонемы или же выразительные варианты фонем *i, í* (как в случае с русскими *ы* и *и*).

Звуки с ослабленной артикуляцией обозначаются приподнятой буквой уменьшенного кегля, например, *kúpil seⁿ si* 'koupil jsem si', *p^ylný* 'plný'.

Дополнительные знаки

<i>w</i>	билабиальный <i>v</i>
<i>ʒ, ʒ̣</i>	звонкие корреляты согласных <i>k, ě</i>
<i>ɣ</i>	звонкий фонетический вариант согласного <i>ch</i>
<i>ṛ̌</i>	глухой фонетический вариант согласного <i>ř</i>
<i>ḷ - l'</i>	твердый и мягкий <i>l</i>
<i>p', b', m', f', v'</i>	мягкие губные
<i>s', z', c', ʒ'</i>	мягкие свистящие
<i>k', g', ch', h'</i>	мягкие фонетические варианты согласных <i>k, g, ch, h</i>
<i>ṛ - ṛ̇, ḷ - ḷ̇, ḷ̇ - ḷ̇̇</i>	краткие и долгие слогообразующие <i>r, l, l</i>
<i>ị, ụ</i>	неслоговые <i>i [j], u</i>
<i>ê, ô, û</i>	открытые гласные <i>e, o, u</i> как самостоятельные фонемы
<i>é, ó</i>	закрытые гласные <i>e, o</i> как самостоятельные фонемы
<i>ä, ä"</i>	краткий и долгий <i>a</i> передний как самостоятельные фонемы
<i>ạ, ạ́</i>	лабиализованное произношение <i>a, á</i>
<i>î - î̇, ê - ê̇, o - ô̇</i>	открытое (очень открытое) произношение как фонетический вариант соответствующих гласных фонем
<i>ĩ - ĩ̇, ē - ē̇, o - ô̇</i>	закрытое (очень закрытое) произношение как фонетический вариант соответствующих гласных фонем
<i>(î - î̇, ê - ê̇, o - ô̇)</i>	

е, о, ѓ, у ...	носовые гласные
а	гласный неопределенного качества (обычно редуцированный)
•	придыхание, например <i>tadi •u krku</i>
Г	слитное произношение, например, <i>No_a tu kobilu</i>
/	основное и дополнительное словесное ударение (отмечается при необходимости), например, <i>do kos'teta</i>
	'или', например, <i>mňesto/mjesto</i>
×	'наряду с чем', например, <i>neseme nesem</i>
<	'в противоположность чему', например, <i>s tí druhi (strani) × na tej druhej (straně)</i>
>	'произошло из', например, <i>y < i</i>
*	'изменилось в', например, <i>šč, žž > št, žď</i>
	реконструированная форма или фонема, ср. [Belič 1972: 7].

3.2. Собственно-чешские говоры в их отношении к иным чешским говорам

Собственно-чешские говоры отличаются от прочих чешских говоров прежде всего следующими своими особенностями:

3.2.1. Фонетические особенности собственно-чешских говоров

1. Инвентарь согласных фонем совпадает с инвентарем согласных фонем литературного чешского языка.

2. Инвентарь гласных фонем почти совпадает с инвентарем гласных фонем, включая

- пять кратких фонем: *i, e, a, o, u* (фонема *y* отсутствует!)

- пять долгих фонем: *í, é, á, ó, ú*

- два дифтонга: *ej, ou*.

3. Мягкие *ť, ď, ň* (противопоставленные твердым *t, d, n*) встречаются в основном перед рефлексам *i*, исторического *ě* и праславянского **e*, например *ťicho, děj, štěňe*.... Помимо этого, *ň* мы обнаруживаем, как и на почти всей территории чешских диалектов, на месте праславянского сочетания **nj* (например, *kůň, vůňe*).

4. Одно среднее *l* и вместо прежнего твердого *l* и вместо прежнего мягкого *l'*.

5. Следы прежней мягкости губных (*p', b', m', f', v'*) на большей части территории сохранились лишь перед рефлексам *ě* (в том числе и *ě* из *e*) в виде дополнительного мягкого *j* (*pj, bj, mj, fj, vj*) или *mň*, ср. *pjeknej, bježet, mňesto/mjesto*.

6. Следы мягких свистящих не сохранились, мягкие s' , z' отвердели и совпали с s , z .

7. Согласный g в качестве самостоятельной фонемы (а не позиционного варианта k) встречается только в заимствованных словах, на месте прежнего g мы находим h .

8. Рефлексом праславянского сочетания $*dj$, а также изменившейся по второй и третьей славянской палатализации g является z , а не $ž$, например. *na noze, peníze...*, *cizej, hráz*, императив *jez*. Статус $ž$ как самостоятельной фонемы сомнителен.

9. Слогообразующий $l̥$ мы находим на месте прежнего нетвердого слогообразующего $l̥$ в позиции после губных, например, *pl̥nej, vl̥k, vl̥na...*, в то время как на месте прежнего твёрдого $l̥$ и на месте нетвердого $l̥$ после других согласных мы находим сочетания *lu, lou*, например, *dluh, sloup*. Конечное $-l$ формы злого причастия единственного числа мужского рода в положении после согласного в большинстве собственно-чешских диалектов исчезло, например, *nes, ved, spod*.

10. В позиции после согласных $č, š, ž$ на месте прежнего слогообразующего r' мы находим сочетание *er*, например *čert, šterbina, žernov*. В остальных случаях мы находим твёрдый слогообразующий r_0 на месте и прежнего твёрдого r_0 и прежнего мягкого r'_0 , например *brzo, krk, trní, vrba*.

11. Исторический краткий y совпал с кратким i , например *riba, kobila*. На месте исторического долгого y (в том числе $y < i$) мы находим *ej*, например *bejk, strejček, starej*.

12. Исторический краткий u (в том числе краткий u из праславянского носового $*o$) после исконно твёрдых согласных сохранился, например *dub, duše, ruka*. Долгий же $ú$ после твёрдых согласных перешел в *ou*, например *houser, mouka*, 3-е лицо мн.числа *nesou*.

В положении после мягких согласных краткий u изменился в краткий i , а долгий $ú$ – в $í$, частично в *ej*, например, нарѣ. *břicho, kožich, libat, cizej, cejtít / čítít...*, *g dostáňt...*, *volají / volaj(i)* ‘они зовут’. Впрочем, грамматическая аналогия могла восстановить прежнюю огласовку, например, *piju, pláču; pijou, pláčou*.

13. Прежний краткий e (в том числе краткий $e < ě$) в большинстве случаев сохранился, например *ešće, třeba, ňemej, nesu* ‘я несу’. На месте прежнего долгого $é$ и прежнего долгого $ě$ мы находим i (i), например, *dílka, mlíko; míra, písek*. В результате перехода долгого $é$ в долгий i в современных собственно-чешских говорах долгий $é$ встречается редко – как результат вторичного продления, а также в заимствованных словах.

14. Прежний краткий o сохранился, например, *kopec, noha, kupovat*, прежний долгий $ó$ перешел в $ú$ (u), например, *kůň, hrůza, rúst*. В результате перехода долгого $ó$ в долгий $ú$ в собственно-чешских говорах и

долгий *ó* встречается лишь как результат вторичного продления или в заимствованных словах.

15. Прежние краткий *a* и долгий *á* (в том числе краткий *a* и долгий *á* из праславянского **e*) в положении между мягкими согласными, а также после мягкого согласного на конце слова (а в случае с рефлексом **e* еще и перед *k*) переходили в *e* и *í(i)* соответственно, например, *jesle, leknout se, mňesíc / mjesíc, kuře, spodňi sukně*. Поскольку в результате данной перегласовки могли разойтись близкие по значению формы, в ряде случаев произошло морфологическое выравнивание, ликвидирующую данную перегласовку или же, наоборот, распространяющее её на случаи, где не было для неё условий, например: *házet, házeli, házel; smál se, smát se, smáli se*.

Сочетание *aj* изменялось в *ej*, например *krejčĭ, nejdelšĭ, dej*.

В остальных случаях прежние краткий *a* и долгий *á* (в том числе краткий *a* и долгий *á* из праславянского *e*) сохранились, например *had, vobraz, blázen, dávno, jahoda, jáma, játra, žádat*.

16. Распределение долгих и кратких гласных в корнях, аффиксах и окончаниях в целом такое же, что и в литературном чешском языке, например, *práh, bláto, rána, náma, váma, bejt, dát, chřít, břeh, drozd, had*.

17. Рассматривая фонетические изменения в группах согласных, следует отметить прежде всего ассимиляцию по звонкости *sh-* > *sch-* в примерах типа *scháňet, na schledanou, schoda*, а также упрощение *šč, žž* > *š, žď* в примерах *ešte, dešť, spožděňi, ujížděť*.

3.2.2. Морфологические особенности собственно-чешских говоров

18. Распределение окончаний между твердыми и мягкими типами склонения у существительных всех трех родов в целом такое же, как в литературном чешском языке, например *sklepa, sousedá, stáda* × *biče, pekaře, srce*, дательный падеж *sklepu, stádu* × *biči, srci*, именительный, винительный, звательный, творительный падежи *žena, ženu, ženo, ženou* × *rúže, rúži, rúže, rúži / rúži / rúžej*.

19. Имена существительные с основой, оканчивающейся на *-s, -z* типа *les, vůz...*, *maso, železo, kosa, bríza*, на *-l* из твердого *-l* типа *stůl, kolo, stodola*, а также существительные типа *host, kořen, loket, kůlna, pekárna, Máňa, Láďa* склоняются по твердым типам словоизменения.

20. Формы местного и творительного падежей единственного числа существительных мужского и среднего рода твердых типов склонения, как правило, омонимичны, например *vo stárĭm – ze stárĭm*. У местоимений же различия у данных падежных форм сохраняются, например *vo tom, našom / našem* × *s ĭm / ĭm, našim*.

21. Прилагательные, а также некоторые местоимения в позиции именительного падежа множественного числа не различают, в отличие от литературного языка, род, а также одушевленность/неодушевленность, например, *ti (naše) starí*.

22. Окончание творительного падежа множественного числа большинства существительных, прилагательных и причастий выглядит как *-ma (-ama, -ema)*, например, *sousedama, ženama, pekařema, rúžema, kostma, staveňima, dobrejma, našima / našema*.

23. Форма 1-го лица ед. числа глагола *být*, независимо от того, употреблено ли оно самостоятельно или в составе форм прошедшего времени, выглядит как *sem*.

24. Если лицо уже выражено с помощью местоимения, то при образовании аналитических форм первого лица единственного и множественного числа вспомогательный глагол часто опускается, например *já to viděl, mi tam přišli*.

25. У глаголов, у которых форма императива 2 лица единственного числа заканчивается на *-i*, формы 1 лица и 2 лица множественного числа оканчиваются на *-eme, -ete*, например *pošleme, pomodlete se*.

26. При образовании так называемого славянского страдательного перфекта практически на всей территории собственно-чешских говоров используются краткие формы, например *je zametíno / zameteno, máme poděláno*.

27. От деепричастия остались лишь следы, например *fstoje, fkleče*.

Среди особенностей, характерных для всей группы собственно-чешских говоров, можно говорить и о таких, которые объединяют их с некоторыми говорами моравскими.

28. Оглушение или же отсутствие озвончения парных по глухости-звонкости гласных перед гласными, а также некоторыми согласными в конце слова, а иногда и на морфемном шве, например *chlap aňi necek; núš nechci; kupme; nemlufme; sme*.

29. Изменение согласных *s, š, z, ž > c, č, ž, ť* соответственно после *n, ň*, например *zencká, menčí, Honza, jenže*.

30. Возможное упрощение сочетания *hř- > h-* в положении перед гласным, например, *hřebík > řebík, hřibje > řibje*.

31. Протетическое *v* перед *o-* в начале слова и части сложного слова, например, *voheň, von, vod babički, zavopatřit*.

32. Сокращение долгих гласных в окончаниях (в различных говорах с разной степенью последовательности), например, *sedlákum; rúžim, rúžich; umim; dělám; umňej(i), dělaj(i)*.

33. Употребление окончания *-ove* в именительном (реже винительном) падеже множественного числа одушевленных существительных, например *lumpove, strejcové, špačkové*.

34. Использование в родительном и винительном падежах множественного числа мужского рода личного местоимения 3 лица (*vod*) *ňej* — (*na*) *ňej*.

35. Стяженные огласовки притяжательных местоимений *můj, tvůj, svůj* в косвенных падежах, например, *mího strejce, tvímu bratrovi; u mí švagrovi; z mejch peněz*.

36. Употребление суффиксов *-nou-, -nu-* в инфинитиве, в формах злого и страдательного причастий, например *začnout, začnul, začnětej*.

37. Образование у глагола *být* императивных форм *buď, buďte, buďte / bujte*.

3.3. Центральная группа собственно-чешских говоров

3.3.1. Территория распространения центральных собственно-чешских говоров

Особенности собственно-чешских говоров в наибольшей степени характерны для говоров центральной части исторической Богемии, расположенных в широкой тянущейся с северо-запада на юго-восток диалектной полосе, ограниченной с севера окрестностями городов Mělník, Nymburk, Poděbrady, Kolín, Čáslav и Chotěboř, а с юга – окрестностями городов Rakovník, Hořovice, Přeborn, Milevsko, Tábor, Pásov, Pelhřimov (в случае с последними шестью городами – исключительно). Эти говоры отличаются от других собственно-чешских говоров прежде всего отсутствием специфических черт юго-западных или северо-восточных, чем какими-то собственными специфическими особенностями. Тем не менее некоторые подобные специфические черты можно обозначить.

3.3.2. Наиболее характерные особенности центральных собственно-чешских говоров

Среди наиболее характерных черт центральных собственно-чешских говоров следует отметить следующие:

1. В отличие от юго-западных собственно-чешских говоров, в корнях и аффиксах мы встречаем дифтонг *ej* не только на месте исконного *y*, но и на месте *y* < *i* после свистящих: *cejtít, sejtko, vozejk*.

2. В начале слова или морфемы на месте исторического сочетания *str'-, sr'-, čr'-* чаще, чем в других говорах, встречается сочетание *tř-*, например *třeča, utříhnout, tříbrnej, třep, třevo*.

3. В формах родительного, дательного и местного падежей существительных и родовых местоимений твердых типов склонения используется окончание *-í / -i*, например, *s tí druhí (strani), na tí druhí (straře)*.

4. Форма второго лица единственного глагола *být* в позиции глагола-связки, как и в северо-восточных собственно-чешских, а также центрально-моравских говорах, выглядит как *seš*.

5. В формах 3 лица множественного числа глаголов преобладают окончания *-ou, -ejí, -ají (-ejí, -ají / -ej, -aj)*, например, *nesou, kupujou; prosejí, umňeji, volají*.

6. У глаголов, склонение которых колеблется между типами *mazat – maže* и *volat – volá*, чаще, чем в других говорах, используются формы типа *vorám, vorás*.

7. У глаголов типа *spadnout – spadne* при образовании эловых, а также страдательных причастий чаще, чем в других говорах, встречаются формы с *-nu-*, например *seknul, stísknul; sliknutej, vitříhnutej*.

Некоторые особенности центральных собственно-чешских говоров объединяют их с говорами юго-западными или же с говорами северо-восточными.

8. Так, с севера во многие центральные собственно-чешские говоры проникло употребление в позиции винительного падежа множественного числа формы, совпадающей с формой падежа именительного: *Voni si hrajou na páni*.

9. С другой стороны, с юга во многие центральные собственно-чешские говоры проникла диссимиляция зубных в случаях типа *zaplašte, aj cí*, а также окончание местного падежа мужского и среднего рода наречий типа *vo našom, f čom*.

10. Центральные собственно-чешские говоры объединяет с говорами юго-западными огласовка *si* глагола *být* в составе аналитической формы прошедшего времени 2 лица единственного числа, например *dal si tu to* в соответствии с формой типа *dals mu to* в говорах северо-восточных.

Немалое число подобных совпадений сосредоточено в отдельных секторах на западе или, наоборот, на востоке центральной подгруппы собственно-чешских говоров.

На западе речь идет о следующих общих с юго-западными собственно-чешскими говорами особенностях:

11. Огласовка топонимов и антропонимов типа *Horazďojce, Novákojc*.

12. Вставное *j* в закрытых слогах перед *ř, ď*, например, *ajt, tejd*.

13. Сохранившиеся старая долгота (*plouh*) или старая краткость (*nest, vest*).

На востоке же это следующие особенности:

14. Окончание *-oj* в дательном и местном падежах единственного числа существительных мужского рода в примерах типа *bratroj*.

15. Окончание *-om* в дательном падеже множественного числа существительных, обозначающих семью, например, *Dvořákom, kovářom*.

16. Проникновение из северо-восточных говоров сочетания *-je-* после согласного в соответствии с сочетанием *-vě-* в примерах типа *dje, sjetlo*.

Речь может идти даже о проникновении в данные говоры некоторых особенностей чешско-моравских говоров, таких, как следующие:

17. Краткость гласного в случаях типа *prah, blato, rana; bit, dat, chřít*.

18. Окончания *-ime, -ite* в формах множественного числа императива глаголов, имеющих окончание *-i* в форме 2 лица единственного числа императива.

19. Огласовки типа *bid, biťme* в формах императива глагола *být*.

20. Огласовка *chcou* в соответствии с общечешскими вариантами *chějí / chěj(i)*.

Ряд явлений представлен в отдельных говорах.

21. Так, в окрестностях города Humpolc мы находим результаты перехода *d > r* в словах *gro, gre*.

22. В окрестностях города Ledeč nad Sázavou можно встретить формы типа *na nim, na čim, na našim*.

23. В окрестностях города Benešov употребляются формы типа *stareho, staremu, vo starom*.

Больше всего подобных особенностей мы находим в лоунско-литомнержицком секторе, где нам могут встретиться, например, следующие особенности местных говоров:

24. Сочетания *nn, ňň* (способные упроститься до *n, ň*) на месте сочетаний *dn, dň* в примерах типа *jenna, hoňe*.

25. Результаты выравнивания форм родительного и местного падежей типа *voj pánach, do palach, pjet krávách*.

26. Огласовки инфинитива типа *píc, moc* в соответствии с общечешскими огласовками типа *píct, moci*.

27. Огласовки эловых причастий типа *přínís, svíz*.

3.3.3. Образцы центральных собственно-чешских говоров

Ze Semice, okr. Nymburk (muž, 1899)

Semice (německy *Semitz*) jsou obec ležící v Polabí pod Semickou hůrou v okrese Nymburk, asi 5 km jihovýchodně od města Lysá nad Labem. Žije zde přibližně 1 300 obyvatel.

Taji bejval pekař Marek, a ten koupil kobilu, von ji vlasně vihrál f kartách. No_a tu kobilu musel prodat, poňáč vona nechíela za živího boha tahat. No tak na to navlík mojeho souseda Čepičku. Mi smě bili f Semicich první družstevníci. Mi smě spólu dáli takoví malí družstvo. A tak mi Tonda povídá: Tu kobilu musím prodat, tomu pekařovi. No_a vijeli sme jag hrabata ze dvora •a jedeme do lesa. Nakládáme pařezi, a – vokolo jel Svačina řezník z Lisi. A ten tu kobilu mňel koupit. Von křičí: Za chvilku pojedu spátki, jedu koupit kozu. No •a taki netrvalo dlouho, a milej Svačina s kozou zahrnul do Ribníček po ti česť. A co se nestalo: milá koza spadla s ti brički dólu. Čepička na něj křičí: Dik ti si stratil kozu, dik už má viplazenej jazik!

(Zaznamenali M. Rackova a L. Bachmann)

Z Křečovic, okr. Benešov (žena, 1901)

Obec **Křečovice** se nachází v okrese Benešov ve Středočeském kraji. Žije zde 814 obyvatel.

(O dětském orchestru otce skladatele Suká.) *To bilo lidu s ceheho okresu. Ti bili známí po celom – po celí republice. Von to fšecko starej pán sám řídil. To muselo bejt fšecko – akorád zapadnout jedno do druhého. To bilo radost! Ti kluci chođili k nákemu Plachemu tadi se učid hrát. A hodně ji_hrálo¹ s tím Plachejm, to bila kapela křečovská. Ti kluki učil ten Plachej, a von jen si je dával dohromadi. Mistr, ten bil hodně ve svjete, přič, aš potom diž zjezdil celej svjet, fšude bil, tag říkal: Nejlepší je to doma f Křečovicích. Nosil*

takovou bundu jen tak návrh_hozenou, tadi •u krku to nemňel aňi zapati kolikrát običejně.

¹ jich hrálo

(Zaznamenali P. Jančák a Sl. Utěšený)

Z Myslotína, okr. Pelhřimov (žena, 1888)

Myslotín (německy **Myslotin**) je vesnice, část Pelhřimova. Je vzdálen 3 km jihozápadně od Pelhřimova a leží mezi vesnicemi Ondřejov, Libkova Voda, Vokov, Vlášence. Žije zde 152 obyvatel.

(O vánocích) To sme vod večere dávali fšecko na stranu, vode fšeho jídla, a pro dobytek, pro krávi zlášť, pro bejki •a pro koňe, i stromům tatínek nes, házel po_stromi_abi mňeli pjekni dobrí •ovoce. I do studně taki dával japko, kousek vořechu. Dij sem nesla kravám potom, tak sem jim řikala: Tak kravički, nesu vám štedriho večera, vot štedriho večera. Trošku polífkí, trošku hráchu, trošku tí kaše. I taki každímu sme ukrojili krajíček chleba, kousek tí calti. Drúbeži aňi ne, těm se nenosilo do kurňika. Ráno se jí dávalo fšecko, vode fšeho vobíli, a to se dávalo hnet ráno.

(Zaznamenali Sl. Utěšený a Ant. Rubín)

Z Tisu, okr. Havlíčkův Brod (žena, 1894)

Tis (německy *Tieß*) je obec v okrese Havlíčkův Brod v Kraji Vysočina. Žije zde 375 obyvatel.

To bil velikej zlodej_a mňel bandu. A f tom mlejňe Bártovim, řikali že se tam zdržoval. Dál krádeže fšade vokolo, v Lučici_a po tech vesňicích. No_a •asi se nepohodli ňák, a von ho ňehdo prozradil. A voni vopklíčili mlejň, a v náhoňe ho tam postřelili. A tadi ho vezli skrs Ťis, lidi ho viděli. A von to bil student, bil s kraje ze mlejň. A kradli, třeba taki krávu, řikali tam •u Pavlíkú, tu vítáhli •aš na patro, diš jí hledali.

(Zaznamenali P. Jančák a Sl. Utěšený)

Okrajové nářečí z Třebenic - Kololeč, okr. Litoměřice (žena, 1891)

Třebenice (německy *Trebnitz*) jsou město v okrese Litoměřice, asi šest kilometrů jihozápadně od Lovosic. Podle úředních informací trvale žije na území města přibližně 1 900 obyvatel.

Copa je to na vás, vokoštujte! – Voňi dělaj ti vína ze fšeho, ze šípkach, z višňach, s tech amorelach¹ víno, s tech túdlíkach² víno de, i z meruňkaj dělaj_ale to sem ešř neprubovala, no_ale de to, taki z jablek. Ale mušim vam řic, já mam nejrači revízoví,³ to mi našim dětkem každej rog děláme. V ono je to dobrí piti, vite že ju? Máme taki kousek revízárni — neňi jenna neđeje bes toho, dicki řeknu na dětka: Přines jennu revízovou, máme to tadi seňice flaškach stočení. — Děali sme mladí, vono •ešře dojde.

¹ z amarel ² patrně druh švestek ³ rybízové

(Z rukopisné práce M. Rackové)

3.4. Юго-западная группа собственно-чешских говоров

3.4.1. Территория распространения юго-западных собственно-чешских говоров

Юго-западные собственно-чешские говоры лежат к югу от центральных собственно-чешских говоров на линии Rakovník – Příbram – Pelhřimov и ограничиваются на востоке линией Třešť – Telč – Dačice.

Некоторые особенности характерны для всей юго-западной группы, некоторые для её западной или южной части, так что можно говорить также о западных собственно-чешских говорах и о южных собственно-чешских говорах. При этом следует отметить и плавные переходы к говорам соседним.

3.4.2. Наиболее характерные особенности юго-западных собственно-чешских говоров

Для всех или же почти для всех юго-западных собственно-чешских говоров характерны следующие явления:

1. Диссимиляция зубных в примерах типа *zaplajte, aj ci*.
2. Сохранение долгого *i* после свистящих в примерах типа *cíit, sítko, vozík*.

3. Топонимы и антропонимы типа *Horažďovice, Novákojc*

4. Несовпадение форм родительного, дательного и местного падежей у существительных женского рода твердого склонения и местоимений, см. *s tí druhí (straní) × na tej druhej (straně)*.

5. Несклоняемые формы притяжательных прилагательных типа *ta'inkovo bratr, sestra; sestřino (-ino) děti*.

6. Общее окончание местного падежа у твердых и мягких типов склонения местоимений мужского и среднего рода, ср. *vo našom, f čom, vo ňom*.

7. Формы *si* глагола *být* в позиции глагола-связки и в составе аналитической формы прошедшего времени.

8. Окончания *-ou, -í, -aji (-aji/-aj)* форм 3 лица множественного числа глаголов, например, *nesou, kupujú; prosí, umí; volají*.

В **западной части** данной группы говоров, помимо этого, встречается также следующее:

9. Вкладное *j* перед *ť, ď* в закрытых слогах, например, *aji, tejdě*.

10. Окончание *-í* в именительном (а иногда и винительном) падеже имен существительных мужского рода одушевленных, например *chlapí, sedláci, strnadí*.

11. Окончание *-om* в дательном падеже множественного числа существительных мужского и среднего, реже женского рода, например *chlapom, kuřatom; kravom*.

12. Различение в позиции именительного падежа множественного числа притяжательных местоимений форм, согласованных с одушевленными существительными мужского рода, и форм, согласованных с существительными прочими, например, *naší kluci × naše stroje, krávi*, в то время как в большинстве собственно-чешских говоров используется единая форма, например *naše kluci, stroje, krávi*.

13. Аналогичное различие представлено и для оппозиции *dvá × dva*.

В **юго-восточной части** данной группы говоров, можно отметить:

14. Диссимиляцию свистящих, аффрикат и зубных в примерах типа *bejzubej, uj zas, babijce, přeĵ domem*.

15. Глаголы типа *prosit* образуют формы императива типа *proš, vož, puš, neježdí; prošte, vošte, pušte, neježděte/neježdíte*.

Среди менее распространенных, в ряде случаев лексически ограниченных особенностей юго-западной группы собственно-чешских говоров можно отметить следующие:

16. Особое произношение сочетаний *l, r* (в западной части также *n, ň*) с *i, í*, например, *p^olnej, b^ol / plnej, bl...*, *m^olnář / m^olnář / mlňář...*, *vob^olí...*, *pokryač...*, *pjekn^o, pjekn^oho / pjekn, pjekn^oho...*, *četň^o cí*.

17. Рефлексы выравнивания форм инфинитива и злого причастия в сторону перегласованной формы, например, *tříst, zípst; třís, zíblo; začel*.

18. Рефлексы изменения *e > a* в словах *čalo, fčala, řešato, žabro, jahla*.

19. Долгие гласные или их рефлексы в словах *kúš, plouh; pína, plíva, sáze*.

20. Краткие гласные в односложных инфинитивах *nest, vest, pect, sect*.

21. Отдельные слова с рефлексами более последовательным, чем в центральных говорах, переходом *y/i > ej, ú > ou*, например, *dřejví, přejvoz, řejbek..., touň, houř, roužnout*.

В отдельных говорах могут встречаться также следующие явления:

22. Полное отсутствие звука *g*, на месте которого выступает либо *k* (в новых заимствованиях), например, *akent, brikáda, cikareta*, либо *h / γ*, например, *hdo, Hdiňe, hbelik*.

23. Эпентеза вокалического элемента в рефлексах словообразующих *l, r*, например, *salza / selza, h^or(d)lička, umerlec / um^orlec / umirlec*.

24. Остатки фонемы *y* или его рефлекса *e* (Stříbrsko, Doudlebsko, Klatovy, České Budějovice, Dačice, Jihlava)

25. Остатки не подвергшегося дифтонгизации *ú* (Stříbrsko, Manětínsko, Doudlebsko_Domažlicko)

26. Рефлексы мягкого *m'* в виде *mj*, например, *mjesíc, mjesto* (Manětínsko)

27. Изменение *vi > j(i)* в словах типа *Horažďojce, Novákojc*, ср. также *Horažďouce, Novákouc* (*Horažďoce / Horažďoujce, Novákoc / Novákuc*).

28. Изменение *vje > je* в словах типа *sjet, sjetlo, ječnej, jetáfka*.

29. Непоследовательное озвончение конечного парного глухого согласного перед гласным следующего слова или перед *v-*, например *pázd vofce*.

30. Изменения *sč > chč, sc > chc, stř > chtř*, например, *chčestí, rochcestí, chtřecha*

31. Изменения *tř (stř) > kř (skř)*, например, *křilet, křemcha / skřemcha* (|| *chtřemcha*)

32. Отсутствие протетического *j-* в словах типа *ít, iskra, ídlo, itrňice*

33. Рефлексы отсутствия перехода *r' > ř* в отдельных словах, например, *horejší, houreski, parez, rezanka*.

Специфические особенности мы находим в окраинных диалектах в окрестностях города Manětín и к западу от города Plzeň, в окрестностях Stříbrsko, Domažlice, Prachaticе, к югу от Чешских Будейовиц, Třešť – Dačice

Для всех данных говоров характерны, кроме особенностей, общих для всех юго-западных собственно-чешских говоров, следующее:

34. Наличие твердого *l* или хотя бы его рефлексов
35. Следы мягкости губных не только перед историческим *ě*, но и перед *i*, *í*, например *pjivo*, *babjička*, *bjílej*;
36. Закрытое произношение гласных *e* — *é*, *o* — *ó*, *á*, *ej* || *uj* > *ij*, *ou* || *iu* > *ú*
37. Открытое произношение гласного *i*, что может привести к его изменению в *i* > *y* (*e*)
38. Более последовательное, чем в других чешских говорах, употребление окончания *-i* (в ходских говорах *-í*) в родительном падеже единственного числа существительных женского рода на согласный, например, *do vesňici*, *z vopci*;
39. Огласовка *sim* (*səm / sm̩*), *som* формы 1 лица единственного числа глагола *být*.

40. В прахатицких говорах, кроме того, встречаются формы инфинитива на *-i* / *-í*, например *neš*, *peč*, *bejt* / *neš*, *peč*, *bejt*, в связи с чем эти говоры иногда называют титяцкими (*tit'ácké*).

41. В районе *Třeš' – Dačice* встречаются эловые причастия в форме *neslu*, *řeklu*.

42. К востоку от Дачиц можно услышать форму *chcou*.

Для **ходских говоров** характерно следующее:

43. Переход *d* > *r* в интервокальной позиции, а также (реже) после гласного перед звонким согласным, например *ďerek*, *poruška*, *buru*; *svarba*, *pormáslí*, *karlec*.
44. Протетический *h*-, например *hučitel*, *houvra*, *hídlo*, *habi*.
45. Рефлексы выравнивания в сторону перегласовки в примерах типа *smít se*, *přít*, *vokřít*; *smil se*, *přil*.
46. Долгота в формах местоимений типа *náše*, *váše*.
47. Долгота гласного перед формообразующим суффиксом инфинитива или элового причастия *bježít*, *sedít*..., *chováť*, *voláť*; *bježil*, *sedíla*.
48. Огласовка *bul*, *bula*, *bulo* элового причастия глагола *být*, в связи с чем носителей этого диалекта называли *Buláci*.

49. Яркой особенностью **доудлебских говоров**, в сравнении с большинством собственно-чешских говоров, является отсутствие протетического *v*- перед начальным *o*, ср. *oheň*, *oko*...

50. Кроме того, в доудлебских говорах в группе «глухой согласный + *v*» происходит оглушение последнего, например: *kfočna*, *tfúj*.

3.4.3. Образцы юго-западных собственно-чешских говоров

Z Číčova, okr. Plzeň-jih (žena, 1879)

Číčov (německy *Tschitschow*) je vesnice, část města Spálené Poříčí v okrese Plzeň-jih. Nachází se asi 6 km na východ od Spáleného Poříčí. V roce 2011 zde trvale žilo 182 obyvatel.

(Jak se pekl chléb.) *To sme mňeli takoví dříže, ešče jí mam na púde, takoví dříže a – to sme vohříli vodu a – •zadělali, nakvasili napřet kousíček kvasnic, tak skinoul chleba. Tak sem vitopila pec, rozhrnoula potom to •uhlí abi se rozležela ta pec, abi bila stejně – horká, tak sem, potom diš uš to bilo uhasínalí – •a chleba bil skinutej, tak sem takovim pohrabáčem vihrabala •uhlí do těch •úst, no a fsadila sem ho. A – tak tam bil dvje hođini. A bəl takovej visokej a bəl chutnější neš nički ten chleba.*

(Zaznamenali J. Voráfi a P. Jančák)

Z Mlýnce, okr. Klatovy (žena, 1918)

Mlýnec je malá vesnice, část obce Poleň v okrese Klatovy. Nachází se asi 2 km na jihozápad od Poleně. V roce 2011 zde trvale žilo čtyřicet obyvatel.

(Na malinách.) *Ale to se nám to setříslo, vet! Jen dibi nebili ti houvádí. Po celejch nohouch mi žerou. Ale dokad budou maliní, tag budu chođít. Já sem skrájje nebyla, tak to muším dohnat... Ale diť ti peníze za to sou zasloužení, diť to vůbec nepřibejvá! Fčera sem tú bəla voťpúlne. To bļ hic, to bəla hrúza. Já sem se potəla jako miš. To sem tadi bəla ze Zdenkou Kadlojic a z Macánojicma. Zdenka řikala, ze pude jenom nákejch jednou dvakrat pro drobek. Pag že bude jezđit z Emilem na hejprlata¹ na kolach ňekam na druhou stranu na Slajkojce nebo do Houslova.*

¹ borůvky

(Z rukopisné práce L. Blažkové)

Z Bukovan, okr. Příbram (žena, 1888)

Obec **Bukovany** se nachází v okrese Příbram, kraj Středočeský, asi 16 km jihovýchodně od Příbrami. Žije zde 85 obyvatel.

S tou Krejčovou sme si taki •užili, diš tu bila v leť na dovolenej. Jednou taki že prej pude z detma na houbi, a – vzala si pitel, no tašku takovou. A nej šla, tag bila v zahrátce. Co tam dělala, nevim. Pitel tam ale nechala •a šla. Přide z hup, a že prej pitel zapomněla doma. Já sem mezitím f tej zahráce nebila, no tak sme tam šli, hledali sme, pitel nihde. Tag vona že prej ho nechala v lese.

(Z rukopisné práce J. Čihákové-Jancákové)

Z Cerhonic, okr. Písek (A. žena, 1896; B. muž, 1894)

Cerhonice jsou obec ležící v jižních Čechách v okrese Písek. Žije v ní 145 obyvatel. První písemná zmínka pochází z roku 1291.

(Osvobození.) A. *No tak asi k •osmej hoďiňe nebo tak něgdi to bilo, mi vám vidíme tajdle po tej silňici k Vostrofcum, vono vám tu •uháňeli na koňich, k Vostrofcum to bilo ne? A nejčkin děme na zahradu •a něhdo nejčki přišel •a povídá: Poďivejte, jak se támle k Rakovicum kouří. Tam střileli. Voňi tam museli taki něco –*

B. *Mi smě bili fšichňi auf, liďi tadi. Šátkama, bilejma se na ně mávalo, tadi ke kaplijce, tadi co máme kapličku, tadi sme bili. Tadi nadletovali, jedna dvje tři dicki puštili pumu a zaz le'eli.*

(Zaznamenali P. Jančák a J. Jančáková)

Z Pluhova Žďáru, okr. Jindř. Hradec (žena, 1893)

Pluhův Žďár (německy *Pluhow*) je obec v okrese Jindřichův Hradec v Jihočeském kraji. Žije v něm 600 obyvatel.

Ve válce sem mňela černí prase. A mňela sem ho tak skovani_abi ho žádněj neviděl, abi ho žádněj neslišel. A bilo tag hodní že mlčelo. Potom už sme to chleli zabít, •a – abi to žádněj zase neveděl. Přišel řezník, támle na hrázi stálo bap, – mňe už tak – břicho bolelo, teť sme se dočkat nemohli gdi ti babi vodejdou – nejčkon vám strch se takovej vítr, tak ten řezník skočil do tí kolni_a střelil, ti babi tam •ešše stáli, – no tak potom přeci nňak si nefšimli, tak sme nanosili vodu •a fsecko sme to tak uđelali v tej kolňe •abi hold žádnej neveděl.

(Zaznamenali J. Voráč a A. Rubín)

Z Březí, okr. Č. Budějovice (muž, 1891)

Březí (německy *Bries*) je malá vesnice, část obce Dražič v okrese České Budějovice. Nachází se asi 2 km na západ od Dražiče. Je zde evidováno 12 adres. V roce 2011 zde trvale žilo patnáct obyvatel.

Chlapi mi říkali: Ďi g doktoru. No tak sem šel do toho Plzence g doktoru, a dij sem tam přišel — a viděl sem jak s těma pacientama: Marš, nechcež dělat, tak sem si misel že mi to taki řekne. No tudíž von povídá: Tak se sleč, dij sem mu řek, že mje bolí žaloudek. Slik, položil mje tam na _otoman – a nasađil si trubici dlouhou – a na voko sklo takoví jako mívali hođinári, povídá: Ti si sňet nňakí maso z nechutí, a vono tě vostalo v žalutku •a mechovatí ťi. Tak kráce mi dal takovej lík, a hnal to spodem, ne pumpovad žaloudek. A vono to bilo jako žabinez na ribňíku.

(Zaznamenali J. Voráč a A. Rubín.)

Okrajové nářečí z Hodovíze na Manětínsku, okres Plzeň-sever (žena, 1864)

Hodovíz (často uváděn jako *Hodovíz*, dříve též *Hodovice*) je vesnice v severní části okresu Plzeň-sever, část obce Hvozď. V roce 2011 zde trvale žilo 45 obyvatel.

Nu zažila sem lecos. Vejďelki nebəli, nebəlo živo bití. Níčko je to tu lepčí neš to bejvalo. Já sem zláš, voňi sú tadi f tej chalupi. Tudle voko sem si rozbəla. Mám ceru vdanú, chtěla sem jí pomoct krmít, kráva mňe flákla. Voko sem mňela rozbití na hadri. Štrnáckrát sem bəla v Maňetíne u dochtora. Mám je prič docela. Muší stačit než jedno. Viděla sem na ňe lepčí. Teř uš ani jahlu nadít nemížu, začne se mi to mňeňit a je po práci.

(J. Voráč, česká nářečí jihozápadní, s. 87n.)

Okrajové nářečí ze Sulislavi na Sřřibrsku, okres Tachov (muž, 1884)

Obec **Sulislav** (německy *Solislau*) se nachází v okrese Tachov, kraj Plzeňský. Nachází se 32 km východně od Tachova a 22 km západně od Plzně. Žije zde 209 obyvatel.

Pole nejsou dobří, studenej jil. Tadi je velká zima, mi sme tadi přes štiri sta,¹ tři neđele sme pozdejš² než Hňevňice. Je to tadi púl hođini vod nás, voňi leží vo sto metrú hlejps, dolejš. Sejeme pšenci, voves, žito. Jinda nič jinəho nebəlo neš pšano³ – to ste dostal misku kaši. Di matka chodila na práci sedlákom, přinesla misku kaši každej den. I na svadbach k uctívání přinesli pšanovú kaši a křenovú vomáčku... Zámožnější si dopřáli vic. Podle stavu mjej šat a stravu.

¹ metrů nad mořem ² roz.: s úrodou ³ proso, jáhly

(J. Voráč, České nářečí jz., s. 89.)

Z Lažišť, okr. Prachatice (muž, 1892)

Obec **Lažišť** se nachází v okrese Prachatice, kraj Jihočeský, zhruba 6 km severozápadně od Prachatic. Žije zde 316 obyvatel.

Taki sem jedenkrát – zimní dobu – krmil, bəl sem eš̄te v maštali. A von přišel prosit vo noclech. Já poám: Nejčko, takle dlouho¹? A von povídá: Celou vesnici sem už skoro vichodil •a nihdeš mñe nechťeli nechal přez noc. Co sem mñel s ñim delat, tag já sem ho přes tu noc nechal ve stáji. Přinej sem mu slámu. Jenže von druhej den přič nešel. Dávali sme mu svaření mlíko k snídañi, zdarma — skrátka sem nevzel vod ñej ñihdi ñic. A uš to trvalo celej tejden. A tag zvláštñi – smrad bəl f tej maštali, že mje •añi nechutnalo •íst. Proto bisme se ho bili rádi zbavili. Nechťel sem ho popadnout •a vichodit, tak přišel potom •otec, čuchá – já poám: No to je tule voj tohodle. Tak sem mu vzel potom ranec – a tak šel za mnou.

¹ pozdě

(Zaznamenali J. Voráč a A. Rubín.)

рис. 18

Chodské nářečí z Postřekova, okr. Domažlice (žena, 1884)

Obec **Postřekov** (v chodském nářečí *Potřekovo*, německy *Possigkau*) se nachází v okrese Domažlice v Plzeňském kraji. Žije v ní přibližně 1 100 obyvatel. Historicky se jedná o největší z 11 chodských vesnic.

Já si nepomatuju di se mi ptají f kerím roce,¹ já nejsem stavu si spomenút. To sem bəla f Klenci •u toho doktora, u tuteho Strejčka. A teki řek: F kerímpa roce ste rozená? A křičil. Já sem řekla: No, holt je mi vos^ondesát let sem řekla, f kerím roce to já nemohla řect. A von mislil diš mi videl že sem stará, tak von mislil teki ze sem hluchá. Já sem řekla: Je holt mi vosmdesát let •a von se vohlit •a povídal: Ale babi vipadáte na šedesát! Zdrovna tak! Já povídám: Ba ŷů, támdle mám hůlku – za dveřma, ađ du kam chci tak mušim

míd húlku, diž vrávořu. Na starí lidí křičí – to von si mislí že ti lidí neslíší. Ale slišet já sliším dobře.

Róz.: jsem se narodila

(Zaznamenali J. Voráč a P. Jančák)

рис. 19

Doudlebské nářečí ze Soběnova, okr. Č. Krumlov (muž, 1892)

Soběnov (německy *Oemau*) je obec ležící v malebné krajině na úpatí vrchu Kohout (871 m n. m.) nejvyššího vrcholu přírodního parku Soběnovská vrchovina, lidově zvaného Slepíčí hory. Žije zde 382 obyvatel.

Já som se nech'el učit, já som ch'el zústat – u zemjédelství, mje se líb'ila sedlačina. No ale matka přece povjídala: Jen se mušíš přece něčemu naučit. Taťneg žif nebil uš, jo ten bil žif ale ten bil horník, ten dělal támle ve Štírsku. Tak mi jednoho našla chlapíka, zedníka teda, kerej – že se o mje veme, že me veme sebou. Ten chlapík to bil takovej kosík, diž sme přijeli na místo tak on – se zdrhnul •a mje nechal. V noci nějak vistoupnul, sme se žádnej nešimlí – že se nám stratil – z vagonu. A nejčkon diž bilo čas, tak •ostatní uš, teda ti jeli dál, povídali mi: Hde je ten chlap? Já som nevjedel, •oňi taki nevjedeli. A nejčko – ti mušíš vistu|povat!

(Zaznamenali J. Voráč a A. Rubín)

3.5. Северо-восточная группа собственно-чешских говоров

3.5.1. Территория распространения северо-восточных собственно-чешских говоров

Северо-восточные собственно-чешские говоры, лежащие к северу от центральных собственно-чешских говоров и к западу от юго-восточных (= чешско-моравских) собственно-чешских говоров, гранича к северу от Ланшкроуна с центрально-моравскими говорами.

3.5.2. Наиболее характерные особенности северо-восточных собственно-чешских говоров

В целом северо-восточные собственно-чешские говоры более однородны, чем говоры юго-западные, тем не менее и здесь есть небольшие диалектные анклавы, возникшие при раннем заселении пограничья.

Для всех или же почти для всех северо-восточных собственно-чешских говоров характерны следующие явления:

1. Реализация фонемы *v* в конце закрытого слога в виде звука *ц*, например, *mrkev, pravda, dřívěj, pŕůňí, do_uci*.

2. Дифтонг *ej* из *y < í* после свистящих, как и в центральных собственно-чешских говорах; дополнительно к этому окончание в творительном падеже единственного числа всех существительных женского рода с мягкой основой, например, *. rúžej, dlaňej, kostěj*.

3. Окончание *-oj* в дательном и местном падежах единственного числа существительных мужского рода, например, *bratroj*.

4. Окончание винительного падежа существительных мужского рода одушевленных совпадает с окончанием именительного падежа множественного числа, например, *Voňi si hrajou na páňi, Mňeli hodní sinove, Pudem na pstruzi*.

5. Форма 2 лица единственного числа глагола *být* в составе глагола-связки выглядит как *seš*, в составе аналитических форм прошедшего времени как *-s*, например, *Dals mu to*.

6. Окончания форм 3 лица множественного числа глаголов выглядят как *-ou, -ej, -aj*, например, *nesou, kupujou; prosej, umňej; volaj*.

Что же касается более редких явлений, которые тем не менее в той или иной степени представлены во всех или почти всех северо-восточных диалектах, следует отметить следующие:

7. Отсутствие йотации губных перед историческим *ě* (в том числе *ě < *e*), например, *medenec, dřevěnej, trpelivej; do Polome, do Vraclave*.

8. Дифтонг *ej* в окончании родительного падежа множественного числа *husej(ch)*, а по аналогии также и дательного и местного падежей, например, *husejm, husejch*.

9. Переход некоторых существительных от типа склонения *rúže* в тип склонения *dlaň*, возникший в од влиянием типа склонения *kost*, например *louž, rejž, sukeň*.

10. Морфологическое выравнивание основы множественного числа у некоторых одушевленных существительных мужского рода по именительному падежу, например, *hošu, klucu; hošum, klucum; hošima, klucima, vojácima*.

11. Эпизодическое выравнивание окончаний по мягким типам, например, *půl litre, dva metre*.

12. Форма именительного падежа единственного числа притяжательных прилагательных мужского рода типа *bratru/bratru*.

13. В окончаниях родительного, дательного и местного падежей единственного числа твердого склонения прилагательных и местоимений на большей части данной территории преобладает унифицированное окончание *-i/-i (tí druhí (strani), na tí druhí (straňe))*, как и в центральных собственно-чешских говорах, на востоке же преобладает унифицированное окончание *-ej*, например, *s tej druhej, na tej druhej*.

Наконец, речь может идти о единичных явлениях, встречающихся с различной регулярностью на различных участках рассматриваемой территории, например:

14. Остатки твердого *l* или же его рефлексов (*u, v < u*), например, *zlatej, aučara*.

15. Рефлексы *vě* в виде *je* в примерах типа *dje, sjet, zjeř, kjet, hjezda*.

16. Упрощение групп согласных в примерах типа *do, ňedo, de; čera, šecko/šeno*.

17. Сохранение групп *nn, ňň < nň* в примерах типа *kamennej; raňní, viňňik + гиперкорректное dřevjennej/dřevennej, zauřennej..., drátedňnik*.

18. Случаи ассимиляции *dn, dň > nn, nň* в примерах типа *jennou, ve_nne..., zeňňik > jenu..., zeňik*.

19. Случаи ассимиляции *h > ch* в примерах типа *pjet choďin, k choličoj, uktrat cho*.

20. Случаи диссимиляции *nn, nň > dn, dň* в примерах типа *Adna, dřevjednej/dřevvednej, drátedňnik*.

21. Отсутствие протетического *j* в начале слов типа *ít, iskra, idlo, itrňice*.

22. Рефлексы старой долготы гласных в примерах типа *kúsa 'kosa', zejma 'zima', lúže 'lože', kúte 'kotě', dřfče 'děvče'*.

23. Фонетическое выравнивание глагола и причастия в примерах типа *povjesenej, spoťenej*.

24. Окончание *-em* в форме творительного падежа единственного числа в примерах типа *se starostem, s Frantem*

25. Отсутствие предлога в примерах типа *Mluvil sem strejcem; Šla dochtoroj; bil sem tam pátek*.

Эпизодически в отдельных говорах на рассматриваемой территории встречаются также следующие явления:

26. Реализация фонема *v* в положении перед гласным звуком в виде билабиального согласного *w* или же *u*, например, *woda*, *kwočna*, *kowář / uoda*.

27. Рефлекс перехода *vi > j(i)/i* в примерах типа *jaloj(i)ce*, *laj(i)ce*.

28. Выравнивание в пользу неперегласованных форм в эловых причастиях типа *křičal*, *křičali*; *slišal*, *ležal*, реже в инфинитивах типа *křičat*, *slišat*, *ležat*, аналогией распространенное на формы типа *leřat*, *seřat*; *leřat*, *seřat*.

29. Выравнивание окончаний творительного и местного падежей единственного числа мужского и среднего рода твердого склонения прилагательных (реже также родительного, дательного, творительного и местного падежей множественного числа) по местоименному склонению, например, *vo starem (ze starem)*, *starech*, *starem*, *starema*.

30. Вставной *j* в примерах типа *ajř*, *tejd*; *sejřet*, *lejřet*, *bjeřřet*.

31. Окончание *-om* в дательном падеже существительных, обозначающих семью, например, *Dvořřakom*, *kovřřom*.

Говоры в регионах **Podjeřřtřdí** и **Podkrkonořř** отличаются, кроме того, следующими особенностями:

32. Изменение *dl > ll (> l)*, например, *sellák*, *řřallo*.

33. Рефлексы изменения *y > ej* также и в примерах типа *psej*, *husej*, *kozej*.

34. Мягкий *řř* в формообразовательном суффиксе инфинитива, например *brařř*, *prosiřř*.

35. В Podjeřřtřdí по аналогии с формами глагольной транспозиции *trpjenej < trpi* встречаются формы *koupijenej*, *přřipravijenej*, *trřapjeňř*, а по аналогии со склоняемыми формами типа *nesu*, *neseme*, *nesete* – формы глагола *břř* типа *su*, *seme*, *sete*.

36. В Podkrkonořř мы можем встретить рефлексы слогообразующих *r*, *řř* в виде сочетаний плавных с гласным типа *h^{řř}r(d)lička*, *derřřat/derřřet*, *pelnej*; *řřekel*, *vedel*, а также обратное явление – примеры с вторичным слогообразующим *r* типа *vevrřka*, *řřiprřnřř*.

37. В Podkrkonořř также могут встретиться остатки старого или же его рефлексы, например *byl bych/bel bech*.

В говорах Находска (Nřřchodsko), частично представленные и в окрестностях польского Клодзка (польск. *Kłodzko*, чеш. *Kladsko* нем. *Glatz*), мы можем встретить также

38. Рефлексы продления гласного в основе элового причастия, например, *sik*, *sikli* ‘sekl, sekli’.

39. Случаи смешения *řř* с *řř/řř*.

40. Результаты выравнивания окончаний родительного падежа множественного числа всех родов, например, *krávouch, brázdouch, rohouch, prstouch, mněstouch*.

41. К востоку от города Litomyšl можно обнаружить следы исчезающего так называемого петяцкого говора, для которого характерно отсутствие йотации после губных перед историческим *ě* (включая *ě < ě*) например, *pekná, bežet, mesto, ofera, veřit*.

3.5.3. Образцы северо-восточных собственно-чешских говоров

Z Lužce nad Cidlinou, okr. Hradec Králové (žena, 1890)

Lužec nad Cidlinou (německy *Luschetz an der Zidlina*) je obec v Královéhradeckém kraji. Vesnice stojí osm kilometrů jihozápadně od města Nový Bydžov v okrese Hradec Králové. Žije v ní 520 obyvatel.

[O nemoci] *Tadi mňe to provrtali_a pak mňe dávali tajdle kreu. Půl litre krve, štíři hođini sem ležela •a – ta kreu mi tam kápala. A přímula se mi. Dibich jí bila nepřímula, tak sem bila mrtvá. Jako ta holka. Já sem bila_u toho Vomasti – a von mňe dal ten – já to neumim menovat, já sem nedochtořila jagživa že jo. A pak sem porát chodila na jaře na krmeňi zajicum¹ tam za hřbitou – a tajdle mňe začalo hođně bólet. Tak sem řikala Frantoj: Já mám rakovinu.*

¹ králíkům

(Zaznamenali L Bachmann a S. Utěšený)

Z Jezbořic, okr. Pardubice (muž, 1885)

Obec **Jezbořice** se nachází v okrese Pardubice, kraj Pardubický. V obci žije 373 obyvatel.

[Zabijačka] *Přide řeznik_á – prasátko se ťukne, chitne se kref nejdřif, no_a potom holt se paři, diš ta kref je chitnutá, tak se paři. Tou krevej se*

musí míchat_abi se nesda, no_a – no_a teĵ_uš je ten postup no. Vopaři se, uřízne se hlava nejdříf, se na tom válovňiku se to rozporceluje, umeje – a teda vipere_a zrouna s tím do kotle. A teĵ se čeká na vovar vite. Diš je vovárek, něhdo to rát s kostičej,¹ něgdo se křenem. Každěj rát něco jiního. No_a, hlavně_abi bilo taki něco napít. No_a¹ s hořčicí (?)

(Zaznamenali P. Jančák a J. Krasnická)

Ze Studnice, okr. Chrudim (muž, 1899)

Obec **Studnice** se nachází v okrese Chrudim, kraj Pardubický. Nachází se 21 km jihovýchodně od Chrudimi a 3 km jižně od Hlinska. Žije zde 458 obyvatel.

[O krádeži] Voňi bili na póli_a – sekali žito. Barák práznej – a – ti přišli domu – a koukaj, jarmari zvotvírání, peřini prič s postele. Tak_uđělali rámus. No_a tak – a bilo to ve_nne! Tak, viděli prej sme – z rancema jít lidí, dvě po – tej cestě k lázni. A vono to bilo doz_brzo, za tepla na to přišli – a tag zebrale – bričku bratra_a leťeli tadi k tej lázni. Ale nič_uš neviděli. A teĵ jim něgdo řeg že šli do lesa. Tam je takovej menčí les, no honnej flák toho lesa poňevač tam maj kolikerí hospodáři to. Tak tam – vopklopili to, vite_a hledali. – Prej to tam_mňeli v rancích – a bili skovani f tom, v houštiňe. Fsecko to dostali spátki.

(Zaznamenali L. Bachmann a M. Rackova)

Z Bělé u Vys. Mýta, okr. Chrudim (muž, 1884)

Bělá (německy *Biela*) je vesnice, část města Luže v okrese Chrudim. Nachází se asi 2 km na západ od Luže. V roce 2001 zde trvale žilo 211 obyvatel.

To mi sme tadi stavjeli máje, to sme staujeli_ano, to sme tak f sobotu sme navečír zakopali každi holce máj. No_a museli smě to taki celou noc

hlídat, abi nám to zas ňekeri kluci nevitahali, tak smě zas celou noc hlídali a druhí den uťopolenne sme s chudbou šli, no_a ti máje sme káceli, no_a, dí^s sme je pokáceli, tak ti holki šli do průvodu, že_ano_pak sme šli společně do hostince •a tam sme_uš tančili máje.

(Z rukopisné práce L. Bachmanna)

Z Bělečka, okr. Pardubice (žena, 1888)

Bělečko (německy *Klein Bieltsch*) je vesnice, část obce Býštv v okrese Pardubice. Nachází se asi 4,5 km na severovýchod od Býštv. V roce 2001 zde trvale žilo 133 obyvatel.

[Z mládí] Ta chasa – tak ňeco spiskala. – To uđělali slamňeniho koňe – a ňekerej do toho musel vlist poňevač ten kůň bi nebjehal, musel to ňgado nosit na, zádech_a šli třeba do kolika vesňic. Pochođili to_a – zas přišli_a teprva ve vesňici bila muzika_a fšecker možni. – No po_vídam co se gde dalo dělat. Tři_a vzali hermoniku •a – a set si do – bedni_a vozili ho na – na vozejku a chođili tak po_uši. Jenom hráli, dělali flašinetári – no_a takovou ňáskou srandu.

(Zaznamenali J. Krasnická a P. Jančák)

Podještědské nářečí ze Světlé, okr. Liberec (muž, 1887)

Světlá pod Ještědem (německy *Swetla*) je vesnice v okrese Liberec, v Libereckém kraji. Leží asi 7 km jihozápadně od Liberce, 2 km jižně od vrcholu Ještědu v Ještědsko-kozákovském hřbetu. Světlá je patrně nejznámější obcí Podještědí, je známá hlavně jako místo pobytu Karolíny Světlé. Žije zde 958 obyvatel.

[O mýtě] Zrovna pro_i řezňikoj to mňeli, přes_silnici. – Jag de vot Svjetli silnice sem_a vod_Osečni silnice, tam zrouňa to bilo. – A ta vibírala tam f takovem malem baráčku, a uš jak víděla že ňedo jede koňma, no tak musel zastavit, já nevím jak – ale kolik vibírala, to nevím podnes. To bili ti mejta za to_užití ti silňice jako neska sou ti daňe, no tag brala, to mejto vybírali. To

*bil šude majitel. To bilo f českem Dubje_a fšude to bilo, na tehle křižovatky
bili šude mejta. Jak jennou přejel přes ten okres, no tak uš šude musel platit.
(Zaznamenali S. Utěšený a P. Jančák)*

Podkrkonošské nářečí z Poniklé, okr. Semily (žena, 1890)

Obec **Poniklá** se nachází v okrese Semily v Libereckém kraji. Žije zde přibližně 1 100 obyvatel.

[Dělání sýrů] *Mliko se nechalo sennouí – a to se do čistihó plátěnnihó, to bil_uš vot toho ten pitliček, a to se visipalo, ta selló'ina_a sirovátká vitekla zas, s toho tak votalo to jen tag hustí – a to se tvaroh dāl na misu, do toho kmin, víte jakěj je kmin? No kminu, soli, pepře – a dali se ti – a takoví buchlicki – a dalo se to – usuší na sluňičko ven. V leě, protože v zejmně tak jako dobytek moc nedojil – v zejmně, v leě se to dalo na sluňičko •a vono to tak utvrdlo, ti buchíčki se dali do tvarohu, voňi tvarohu rozměkli, zalezali se_a – takoví to bilo moz zdraví_a chutní. To bilo jako léčiví pro žaludek pro čišteňi těla.*

(Zaznamenali J. Krasnická a J. Voráč)

Okrajové nářečí z Hvězdy - Hlavňova, okr. Náchod (žena, 1885)

Hlavňov (německy *Groß Labnau*) je vesnice, část města Police nad Metují v okrese Náchod. Nachází se asi 3 km na severovýchod od Police nad Metují. V roce 2011 zde žilo trvale 150 obyvatel.

[O pečení chleba] *Večír se muselo zamichad do teplí wodí – do ti dže – mouki žitní, to uš musel bejt takovej nákej hrníček kvasu mímo, abi to jako zakislo, přikrejt na to dali pěrínu, do rána se to teda zakislo, no_a ráno se do toho přidalo krapet wodij_a namichala mouka, no. – Jo_a hoňne se to muselo_abi bil – lepší ten chleba, hodně promichat, to bil ten kopist – a to sme_událi těsto tu do ti dže_až na tey dese dvanáct – pecnu, nechalo se to vikinout, no_a pak se to dalo na wošatki, zas_se to nechalo wikinout_a trošku*

se to pohladilo_abi bil pjeknej. No_a •a uš přitom se_ustrojila pec – a za hođinu bil chleba – upečenej.

(Zaznamenali J. Krasnická a M. Rackova)

Okrajové nářečí z Jakubovic na Kladsku, Polsko (muž, 1895)

Kladsko (polsky *Kłodzko*, německy *Glatz*, latinsky *Glacium, Glacensis urbs*), je okresní město na jihu polského Dolnoslezského vojvodství, centrum současného okresu Kladsko a historického Kladského hrabství. Žije zde přibližně 26 tisíc obyvatel.

No jo, tadi mí teda sme brali jenom nejvíc řibi a červenáci a kozáci, no a liški taki, ti malí žlutí liški, že jo. To sme, to mí tadi berem, ini mí tadi neberem. No tamti si mislíme, že to neňi, že nesou teda – že sou jedovatí. – A pak boruki, na boruki, že jo. Di takle, diš pak bilo viporážino, tak pak virostlo boruči a malinči. Tak se chođilo na malini, na boruki. To šeno v lese pak, to šeno les dá, že jo, boruki, malini, jahodi. Na jahodi taki se chođilo hoňe tadik.

(J. Siatkowski, Dialekt ozeski okolic Kudowy II, s. 144.)

Okrajové nářečí z Mistrovic, okr. Ústí n. Orł. (žena, 1906)

Mistrovice (německy *Mistrowitz, Meisterdorf*) jsou obec v okrese Ústí nad Orlicí. Žije zde 613 obyvatel.

[O pomlázce] *Po^vídali sme, že vot_tej dobi co holki wodešli, že_uš se nezdá •ani ten šmerkuš_šmerkustem¹. Tatka ten teda legraci nepokazil. Ten – diš takle něgde něco rozbili, dobejvali se ti hošci •a rozbili třeba wokno nebo dvěře, tak – dostali ešče pořáďne vinadáno že jo. A to zas tařka teda – na to*

bil kadet. A tak voňi dicki říkali: Ale – Jakeš ten nebude nadávat, Jakeš ten – ten zná legraci. A tak voňi sem chořli snat s celej vesnice ti klouřci. A to, tag byla Jarka •a Jarka chořila do řkoli_a zařali za ňi ti hořci chodit s tej řkoli, a pak_uř bila vjeři, tak chořili zas vjeři •a zas_uř ti menři chořili za Maruřej, a tak se to táhlo neř proste wodeřli z domu.

¹ pomlázka pomlázkou

(Zaznamenali L. Bachman a M. Rackova)

Východolitimyšlské nářeři z Trstěnice, okr. Svitavy (řena, 1879)

Obec Trstěnice (německy *Strenitz*), leřící na řece Loučné, se nachází na východě řech v okrese Svitavy v Pardubickém kraji. Leři 8 km jiřně od Litomyřle. Žije zde 523 obyvatel.

[O svatbě] *Inu neř přiřel řenich, tak přeři ne^wjesta bila mím_o_a tam se strojila. A potom diř – teda, jelo se do kostela, no_a s kostela diř přiřeli, tag bila hořřina. A diř_uř bilo v noci, tak se ^vzala zas mimo_a – te_řenřki si ji vzali mimo_a zřđali ji to z hlavy, která to umňela: – věneřek. A_u toho bilo spjevu – a spjeu, peknej spjeu. A teprve diř_uř bila voctrojená, tak •i takle zakuchlali_a vedli pře_řeňicha •a te_řenich abi si ji koupil, abi si ji koupil. Tak musel něco dicki slíbit, abi – Taková to bila legrace. Ale já sem se do toho tak nepletla.*

(Zaznamenali L. Bachmann a J. Voráč)

3.6. Юго-восточная группа собственно-чешских говоров

3.6.1. Территория распространения юго-восточных собственно-чешских говоров

Юго-восточные собственно-чешские говоры (=чешско-моравские) говоры образуют неширокий пояс на юго-востоке собственно-чешских говоров, ранее прерывавшийся бывшим островком немецкого заселения вокруг города Jihlava. Поскольку наряду с особенностями, общими для собственно-чешских говоров, представлены и особенности, характерные для говором Моравии, да и лежат они в основном на административной территории Моравии, эта группа говоров иногда обозначается как говоры чешско-моравские.

Располагаясь к востоку от северо-восточных и центральных собственно-чешских говоров, область говоров чешско-моравских доходит на севере до городов Polička, Svatka a Příbryslav. На юге чешско-моравские говоры расположены узкой полоской (около 10 км в ширину), протянувшейся с севера на юг где-то около 20-30 км к востоку от города Telč. Вокруг моравского города Třebíč расположен анклав чешско-моравских говоров, еще недавно такой же анклав был также вокруг города Velké Meziříčí.

3.6.2. Наиболее характерные особенности юго-восточных собственно-чешских говоров

В большинстве юго-восточных собственно-чешских говоров представлены явления, объединяющие их с теми или другими собственно-чешскими говорами.

1. Так же, как в северо-восточных собственно-чешских говорах (и в отличие от центрально-моравских говоров), форма винительного падежа множественного числа существительных мужского рода одушевленных совпадает с формой именительного падежа, например, *Hrajou si na páni*.

2. С юго-западными собственно-чешскими говорами говоры юго-восточные объединяет диссимиляция зубных в примерах типа *zaplašte, aj dou*.

3. С северо-восточными собственно-чешскими говорами их объединяет выравнивание окончаний в словах типа *hoši – hošú, hoším*.

4. Из юго-западных и северо-восточных собственно чешских говоров на территорию юго-восточных говоров проникает отсутствие протетического *j-* в словах типа *ít, iskra, idlo*.

5. С запада проникают формы притяжательных прилагательных типа *bratřú*.

В то же время для всех или же почти для всех юго-восточных собственно-чешских говоров характерны следующие явления, отличающие их от основной массы собственно-чешских говоров и сближающих с говорами более восточными – моравскими или силезскими:

6. Краткие гласные в инфинитивах *bit, dat, chítet*, а также в существительных *prah, blato, rana*, где не было стяжения.

7. Сочетание согласных *šč* в словах типа *ešče, dešč, ščipat*.

8. Выравнивание окончаний твердых и мягких типов склонения по твердому типу, например, *růža, růžu, růžo, růžou* как *žena, ženu, ženo, ženou*; *biča, pekařa, srca* как *sklepa, souseda, stáda*; *biču, srcu* как *sklepu, stádu*.

9. Словоизменение по мягкому типу существительных с основой на *-s*, *-z*, *-l* (< *-l*), а также существительных типа *kůlna*, *pekárna* / *pekáreň*.

10. Императивные формы множественного числа на *-ime*, *-ite* у глаголов, у которых форма 2 лица единственного числа оканчивается на *-i*, например *pošlime*, *pomodlite se*.

11. Форма 1 лица единственного числа глагола *být* в качестве глагола-связки имеет вид *su*, формы императива – вид *biď*, *bitě*.

12. Рефлексы мягких губных в виде сочетания «губной + *j*» в формах типа *holoubjata*.

13. Сохранение слогообразующего *l̥* в формах типа *vedl*, *nesl*, *spadl*.

14. Выравнивание в сторону перегласованных форма в словах типа *začítej*, *zapříhnout* / *zapříhnout*.

15. У глагола *chtít* форма 1 лица единственного числа *chcu* и формы 3 лица множественного числа *chcou*.

16. Огласовка *neco*, *negdo* в отличие от западной огласовки *ňeco*, *ňegdo*.

17. Огласовки форма императива типа *chic*, *vobrac*, *vrac*, *zaplac*

18. Сохранение противопоставления *i – y*.

Некоторые явления противопоставляют одни юго-восточные собственно-чешские говоры другим, так же, как это было в собственно-чешских говорах западнее.

19. В северной (ждярко-быстрицкой) группе говоров, как и в центральных или северо-восточных собственно-чешских говорах, мы находим *ej* на месте *ý* (< *i*) после свистящих, например *cejít*, *sejtko*, *vozejk*, тогда как в южных (емницких) говорах, как и в юго-западных собственно-чешских говорах, встречаются и формы типа *ciít*, *sítko*, *vozik*.

20. В родительном, дательном и местном падежах единственного числа женского рода прилагательных и местоимений в большинстве ждярко-быстрицких говоров, как и в северо-восточных собственно-чешских говорах, представлено унифицированное окончание *-ej*, например, *tej druhej*, тогда как на юге представлено *-í*, например, *tí druhí*.

21. Как и в примыкающих юго-западных говорах, в емницких говорах формы местного падежа единственного числа мужского и среднего рода мягкого склонения выглядят как *vo našom*, *fcom*.

22. Формы 3 лица множественного числа юго-западного типа *voňi prosí*, *leží*, *umí*, конкурируют с центральным и северо-восточными собственно-чешскими формами типа *voňi prosejí/prosej(i)*, а также с моравскими формами типа *pros prosijou*, *ležijou*, *umijou*.

23. Отметим также формы именительного падежа типа *chlapi*, *sedláci*.

Лишь в северной (ждярско-быстрицкой) группе говоров регулярно представлены следующие явления:

24. Результаты перехода $vi > j(i)$ и $vě > ji$ в примерах типа *jaloj(i)ce*, *laj(i)ce*, *dje*, *sjet*.

25. Результаты перехода $nn, nň > dn, dň$ в примерах типа *Adna*, *kamednej*, *dřevjednej*, *drátedňik*.

26. Диссимиляция $nň > jn$, например, *kopajna*, *sekajna*

27. Ассимиляция по звонкости/глухости типа *pjet choďin*.

28. Результаты выравнивания основы типа *povjesenej* (<*povjesit*), *spo'enej* (<*spotit se*).

29. Результаты выравнивания рефлексов **e*, *ě*, **a* в пользу перегласованного варианта, например, *smít se – smíl se*, *přít, vokřít; kuřítko, houšitko*.

30. Замена слогообразующего *l̥* сочетанием *li*, например, *mlisnej*, *vlik*.

31. Редукция *i* в сочетании *li*, например, *vob'li*, *m'lost*, *p'lňikáf*.

Довольно редко или даже эпизодически в северной (ждярско-быстрицкой) группе говоров представлены следующие явления:

32. Звонкое произношение парно-глухих согласных в положении перед паузой, за которой идет гласный или сонорный согласный, например, *chlab aňi necek̥; To zme mi*.

33. Окончание *-om* в дательном падеже множественного числа существительных мужского и среднего рода.

34. Различение форм одушевленных и неодушевленных существительных мужского рода в позиции именительного падежа множественного числа, например, *staří × starí*.

35. Различение форм творительного и местного падежей единственного числа существительных твердого склонения, например, *vo starím × ze starejm*.

36. Появление в позиции дательного и местного падежей личных и возвратного местоимений форм типа *tobi*, *sobi*.

37. Несклоняемая форма притяжательного местоимения *její*.

В южной (емницкой) группе юго-восточных собственно-чешских говоров представлены следующие явления:

38. Мягкие губные или же их рефлексy в примерах типа *p'ivo*, *b'ič – p'jivo*, *bjič – p'jvo*.

39. Диссимиляция свистящих в примерах типа *přej šedesát, uj zas*.

40. Переход $e > a$ в примерах типа *jahla*.

41. Формы императива типа *proš, vož, pušř, neježdř*.

42. Формы творительного падежа единственного числа существительных мужского рода типа *ze starostem, s Frantem*.

Эпизодически в южной (емницкой) группе говоров можно встретить:

43. Результат перехода краткого $i > y$ (e), например, *lyďy, ňyc, von se ji libyl*.

44. Результаты выравнивания основы типа *hoďit – háďet, vobráťit – vobratet*.

45. Появление вставного j в примерах типа *jějžišmarijá*.

3.6.3. Образцы юго-восточных собственно-чешских говоров

Z Předměstí u Svojanova, okr. Svitavy (muž, 1895)

Předměstí je malá vesnice, část městyse Svojanov v okrese Svitavy. Nachází se asi 1,5 km na jihovýchod od Svojanova. V roce 2001 zde trvale žilo 65 obyvatel.

To bila cesta jenom vikácenej les, abi mohlo vojsko nebo formaňi nejakí jet. Poňeváč tadi silňica nebila. Ješče diž bába bila živa, tadi nebila k Chamrum silňice. Jezďili po tom potoku liďi. To jezďili do mlejnu, to se kolkrát viklopili •i z žitem. Diž já pamatuju, diš sem jezďil s počtou do Roudního, tam nebila taki silňice. Až za nověj republiky bila postavenná. – Tam našli ti koalínoví doli_a tak postavili silňicu – a tam jezďili těškejma_ autama •a tak^hu zase rozmiďlili, že tam nemoch jit aňi pješki. – No jo depak – aňi doktor ani já sem tam nemohl na kole vijit. Žádnej se tam nemohl dostat. Pak to museli spravovat, na to_uďělali tu lanovou dráhu do Březověj.

(Zaznamenali S. Utěšený a P. Jančák)

Z Jám, okr. Žďár nad Sázavou (muž, 1883)

Jámy (německy *Jamny*) jsou obec v okrese Žďár nad Sázavou v Kraji Vysočina. Jedná se o jednu z nejstarších obcí na Vysočině, jejich historie sahá až do roku 1252. Žije zde 628 obyvatel.

Nó_á -•a_oca rodiče – taki tadi ďáli na tom. To je, gdopag ví kolik je to let co_uš je naša rodina tadi v Jamách. To_uš je moc! – Teť uš na poli neđelám, ale ďál sem na poli. Dě sem sloužil, vod devítí let sem sloužil. – Sloužil sem tadi_u Marinú, potom u Pastejřú sem se – já sem vječne sloužil. – No napřet sem pás krávi, potom sem jezđil z volma. – Ná potom sem bil vodvedenej, zasejc sem jezđil na koňovi, tak to bila má radost. No_a teď uš sem starej, teť uš to fšechno vopouščím. Teť uš jaksí to nemám – Ešče takle dis se sejdou kamaráđí, tak si ešče něco povíme_o těch starejch –

(Zaznamenala V. Michálková)

Z Polničky, okr. Žďár nad Sázavou (muž, 1884)

Polnička (německy *Pelles*) je obec v okrese Žďár nad Sázavou v kraji Vysočina. Žije zde 807 obyvatel.

Inu hamr bil, a mohl bejd díl, dibi se nebilo tolik kradlo. Ale že se moc kradlo, tak na ti první nič nezbito. Tem se nedostávalo. To tadi bala támle vápeňica, a tak pjekní vápno neňi nigde, jak tadi bilo. Je to tadi tak pul hodíni v lesi. A taková jama_uš strašná – ale moz dobří vápno tam bilo. Jenomže vápeňici kradli_a ten vedoucí kradl_•a páni mňeli deficit. To vite, diš to dva napře_žežerou, tak třetí_uš – na třetího se nedostává. No tak to zastavili. Ten hamr uš nepamatuju – ale ta'inek ešče na něj jezđil, ešče jezđil na Ransko pro rudu a vozil jí sem. Vono – dibi tadi bila bejvala ruda, tak vono bi to bejvalo mohlo bejt laciňejší. Ale dovážet – a potom železo hold gdegdo moch krat – to vite! Neviplácelo se to.

(Zaznamenali S. Utěšený a P. Jančák)

Z Věžničky, okr. Jihlava (žena, 1917)

Věžnička (německy *Klein Wiesnitz*) je obec v okrese Jihlava v Kraji Vysočina, ležící 12 kilometrů severovýchodně od Jihlavy. Žije zde 140 obyvatel.

Vzaly sme se a žyjeme a, chceme žyd dlouhi léta. Táta sy to taky přeje. Von je s tíle chalupy, a já su kousičeg dál. Taky ze fsi tady. Bylo náj sedum dětí, jeden kluk a šezd holek. Ale žyvi sme zůstaly jenom štíři. To vite, ti poslechli vic ta'inka jako já. Já sem byla neposlušná holka. Ty si vzaly přece, diš tatiček chcel tamle toho nebo tu, to se budete šykovat tak, to jim šlo lepší do páru jako s náma. Mi sme se vzaly jako na svou pjest aby se řeklo. Dali sme se do práce a bojovali sme za život – jak vám říkám: su spokojená na sto procent. Lepší bych se nechtěla mít. Vidíte: mám devadesát štiry kila, su dárce krve a pracuju jako chlap, tak co ešie vic.

(Zaznamenali S. Utěšený a P. Jančák)

Z Hladova, okr. Jihlava (žena, 1891)

Obec **Hladov** (německy *Pfaffendorf*) se nachází v okrese Jihlava v Kraji Vysočina. Žije zde 169 obyvatel.

To sme noseli stlaňi, trávu taki. To sme šli do lesú, jako sou ti lese malí smrčeki, tak sme zaj žali srpama takovejma vokolo tejh smrček, tak sme tu trávu do tej plachtí – sme si navalili na záda – jedna na druhou, třeba ráno brzo! A bila tráva mokrá, vono nám to teklo třeba s tejh plachet dolú. Zaj sme potom přišli, honem vobjet, honem zas chlapum – to nesli sme vobjedi, zaj sme si navalili chras'tí – ajéžišmarijá! To bi bila chalupa tule, co sme se nanosili jen na tejh zádech. Ničko ženckí na záda si nevomou nic.

(Zaznamenali S. Utěšený a P. Jančák)

4. ЦЕНТРАЛЬНО-МОРАВСКИЕ (ГАНАЦКИЕ) ГОВОРЫ

4.1. Территория распространения центрально-моравских (ганацких) говоров

Общее представление о месте центрально-моравских (ганацких) говоров в общей массе чешских диалектов дает карта Я. Белича, в которой центрально-моравские (ганацкие) говоры обозначены цифрами от 5 до 8:

5. Jižní podskupina.
- 5a. Nářečí horské.
- 5b. Nářečí znojenské.
6. Centrální (severní) podskupina.
7. Západní okrajové úseky.
- 7a. Severní (zábřežský) úsek.
- 7b. Jižní (kunštátsko-moravskobudějovický) úsek.
8. Východní středomoravská nářečí.
- 8a. Severní (kojetínsko-přerovský) úsek.
- 8b. Enklávy čuháckého nářečí.
- 8c. Jižní (slovkovsko-bučovický) úsek [Belič 1972].

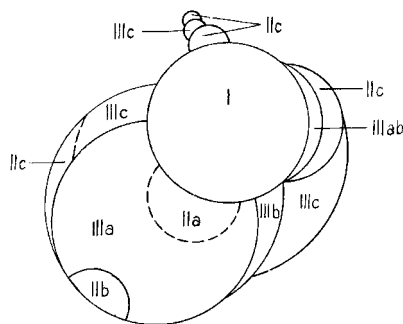
4.2. Центральнo-моравские (ганацкие) говоры в их отношении к иным чешским говорам

Центральнo-моравские (ганацкие) говоры характеризуются в целом прежде всего следующими особенностями в области фонетики:

1. Набор согласных фонем в основном соответствует набору согласных фонем собственно-чешских говоров, однако на части территории представлена пара $l - l$, в качестве фонем могут выступать согласные $ʒ, ʒ$, слогообразующим может быть также η .

2. Кратких гласных фонем в некоторых центрально-моравских говорах пять (i, e, a, o, u), в некоторых шесть (i, \acute{e}, e, a, o, u), при этом фонема \acute{e} может реализоваться различными звуками ($\acute{e} / \text{э} / y$), в некоторых семь ($i, e, \acute{e}, a, o, \acute{o}, u$). Долгих гласных фонем в некоторых говорах может быть, без учета дифтонгов, пять ($i, \acute{e}, \acute{a}, \acute{o}, \acute{u}$) или же три – ($\acute{e}, \acute{a}, \acute{o}$) / (i, \acute{a}, \acute{u}).

Для иллюстрации взаимного расположения центрально-моравских (ганацких) говоров с тем или иным набором кратких гласных фонем Я. Белич использует, в несколько модифицированном виде, схему Б. Гавранека (тип I семь кратких фонем, типы II – шесть, типы III – пять):

Тип I	<y> изменилась в <ê>, <u> изменилась в <ô>
Тип IIa	<y> сохранилась, старая <u> совпала с <o>
Тип IIb	<y> совпала с <e>, <u> совпала с <o>, <i> изменилась в <ə>, новые краткие <u>, <i>, как и в большинстве ганацких говоров, появились сокращением долгих <ū>, <ī>
Тип IIc	<y> изменилась в <è> ([ê]/[ə]/[y]), <u> сохранилась
Тип IIIa	<y> совпала с <e>, <u> совпала с <o>, <i> сохранилась
Тип IIIb	<y> совпала с <e>, <u> сохранилась
Тип IIIc	<y> совпала с <i>, <u> сохранилась, ср. [Bélič 1972: 245]

3. Мягкие согласные *ř, đ, ň* регулярно встречаются в тех же позициях, что и в собственно-чешских говорах, однако дополнительно к этому в большей части говоров представлены также в позициях перед историческим *ь*, например *svaďba, haňba*.

4. В говорах, в которых представлена пара фонем *l – ḷ*, их распределение в целом такое же, как в говорах восточно-моравских (моравско-словацких) и силезских.

5. Следы бывшей мягкости зубных перед историческим *ě* (в том числе *ě* из *ę*) сохранились также в примерах типа *holóbjata, hříbjata..., pod zemňó / pod zemjó, fprocestvjó..., mňást / nijást, zemňák / zemják*.

6. Следы мягких свистящих не сохранились, как и в собственно-чешских говорах.

7. Старый *g* в большинстве случаев перешел в *h*, как и в собственно-чешских говорах, однако частично сохранился в сочетании *zg* (*zgebnot*), а потому, возможно, представлен в ономатопоэтических и экспрессивных словах (*gagotat, glgat*) в большей степени, чем в собственно-чешских говорах.

8. В соответствии с праславянским сочетанием **dj*, а также с изменением *g* по второй и третьей палатализации в большинстве случаев обнаруживается *z*, как и в собственно-чешских говорах. Тем не менее в восточной части ганацкого диалектного массива встречается и фонема как в случаях типа *pajdat – pajze*, так и в экспрессивно окрашенных словах типа *zingnot, vězunknot*. Фонема сохранилось в группе *žž* (*spožžeňi, ujžžet*), а также в экспрессивно окрашенных словах типа *žgat, žignot*.

9. На месте исторических *ḷ, ḷ̣* представлены слогообразующий *ḷ* либо сочетания *lu/ló/lo, ló (lú)*, а на месте исторических *ṛ, ṛ' – r* и *ér* в тех же условиях, что и в собственно-чешских говорах.

10. В отличие от большинства собственно-чешских говоров в ганацком массиве сохранился слогообразующий *ḷ* в причастных формах типа *nesḷ, vedḷ, spadḷ*.

11. Хотя слогообразующий представлен в на большей части рассматриваемой диалектной территории, речь идет, как правило, о примерах *sedṇ, (v)osṇ*.

12. Исторический *y* (в том числе *y < i*), в отличие от собственно-чешских говоров, на большей части ганацкого диалектного массива сохранился в качестве самостоятельной фонемы (с возможной реализацией в качестве звуков *ě/ě/ə/y*) или слился с *e*, например, *řeba/řeba/řeba/ryba – reba*. Совпадение *y* с *i*, как это представлено в собственно-чешских говорах, представлено лишь в отдельных ганацких говорах. На месте исторического долгого *ú* почти везде (за исключением так называемых чугацких говоров) представлен долгий *é*, например, *bék*,

stréček, staré. Долгий *é* мы находим также на месте исторических *ej* (*ěj*) и *aj*, например, *pjekňěší, nédelší, dé*.

13. Исторический *u* (в том числе из носового **o*) в положении после твердых согласных в некоторых ганацких говорах сохранился, например, *dub*; винительный падеж единственного числа *ruku*. На территории, чуть меньшей, чем территория *ê/ě/ə/y* (< *y*), *u* совпало с *o* или же трансформировалось в фонему *ô*, параллельную с *ê*, например, *dob/dôb*; винительный падеж единственного числа *roko/rôkô*.

На месте исторического *ú* почти на всей ганацкой территории представлен *ó*, например, *hóser, móka*, творительный падеж единственного числа *rukó/rokó/rókô*, 3-е лицо множественного числа *nesó*. В некоторых ганацких говорах мы обнаруживаем долгий также на месте сочетаний *au, aú*, например, *pók, póz(a)*.

После мягких и исторически мягких согласных на месте исторических *u, ú* мы можем обнаружить результаты перегласовки *i, í* (*i*), как и в собственно-чешских говорах, можем обнаружить *ê/ě/ə/e, é*, либо можем обнаружить отсутствие этой перегласовки – *u/ô/o, ó*, например, *cizi/cězí, citít/céít* × *břuch, kožuch/břôch, kožôch, g dostání/i* || *g dostáňó; volaji/i* || *volajó*. Чем дальше на восток, тем меньше перегласованных форм, так что ганацкий диалектный массив выступает здесь как своего рода переходный пояс.

14. Старый *e* (включая *e < ě*) в большинстве случаев сохранился, на месте старого долгого *é* или долгого *ě* представлены *í/i*, как и в собственно-чешских говорах. Поскольку в ганацких говорах долгий представлен также на месте *ý* и на месте *ej, aj*, эта фонема встречается намного чаще, чем в собственно-чешских говорах.

15. Исторический *o* в большинстве случаев сохранился, на месте старого *ó* представлены *ú/u*. В отличие от собственно-чешских говоров, в ганацких говорах представлен также *ó* из исторического *ú*.

16. Исторические *a, á* (включая произошедшие из **e*), как и в собственно-чешских говорах, сохранились, если не было оснований для перегласовки.

В области употребления рефлексов исторических *a, á* ганацкие говоры отличаются от собственно-чешских тем, что в них отсутствует перегласовка в окончаниях так называемых мягких типов склонения.

17. В отличие от большинства собственно-чешских говоров в ганацком диалектном массиве мы обнаруживаем краткие гласные в примерах типа *prah, blato, rana; nama, vama; bêt/bêt..., dat, chítet (chcet); vim, mlíko, kuň*.

18. Что касается судьбы сочетаний согласных, то сочетание *sh-* изменилось в *zh-* (*zhánet, na zhledanó, zhoda*), сочетания *šč* и *žž* в большинстве говоров сохранились, например, *ešče, dešč/dišč, spožžeňí, ujižžet*.

В области именного словоизменения центрально-моравские (ганацкие) говоры характеризуются в целом прежде всего следующими особенностями:

19. Между окончаниями твердых и мягких типов склонения различий гораздо меньше, чем в собственно-чешских диалектах в связи с отсутствием в истории ганацких говоров соответствующих изменений гласных после мягких согласных или же в связи с морфологическим выравниванием, восстановившим прежнее состояние, например: *sklepa, sóseďa, stáďa* || *biĉa, pekařa, srca; sklepu/-ô..., stáďu/-ô... || biĉu/-ô..., srcu/-ô; žena, ženu/-ô, ženó* || *řúža/řuža, řúžu/řužo, řúzó*.

20. Имена существительные с основой на *-z, -s* и на *-l (< -t)*, имена существительные типа *hostĕ, kořeň, lokeť, kůľňa/kulňa/kulňe, pekárňa/pekárně/pekářeň, Máňa/Máňe, Laďa*, с отличием от собственно-чешских говоров относятся к мягким типам словоизменения.

21. В отличие от собственно-чешских говоров, говоры ганацкие в большинстве случаев различают окончания местного и творительного падежей прилагательных твердого склонения, например, *(v)o starím/-im × ze starém*. У местоимений же, наоборот, часто происходит выравнивание окончаний этих падежей, например: *(v)o tem, našem || s tem, našem*.

22. У прилагательных и местоимений форма именительного падежа множественного числа, согласованная с одушевленным существительным, отличается от формы, согласованной с иными существительными, например, *ti naši starí/ti naši starí × ti/tě naše starí*.

23. Как и в собственно-чешских говорах, в творительном падеже множественного числа самым распространенным является окончание *-ma*.

В области глагольного словоизменения центрально-моравские (ганацкие) говоры характеризуются в целом прежде всего следующими особенностями:

24. Форма 1-го лица единственного числа глагола *být*, употребленная в составе аналитической формы прошедшего времени, выглядит как *sem*, употребленная самостоятельно или в качестве связки – как *su/sô/so*.

25. При образовании прошедшего времени 1-го лица единственного и множественного числа форма глагола *být* не опускается даже при наличии личного местоимения, например, *Já sem to viděl; Mě změ tam přěšlě*.

26. Глаголы, императивные формы 2-го лица единственного числа которых оканчиваются на *-i/-ě*, образуют формы множественного числа с помощью *-ime, -ite/-ěmě, -ětě*, например, *řekňi, modli se/modlě se... – řekňime/řekňěmě..., modlíte se/modlěte se*.

27. В конструкциях со значением результата действия используются полные формы страдательных причастий, например, *Je zameteni; Máme fsečko ódelani*.

28. В ограниченной степени, однако представлено деепричастие настоящего времени глаголов несовершенного и совершенного вида, например, *maja/mñeja, óviza*.

Среди менее характерных черт всех или почти всех ганацких говоров можно отметить следующие:

29. Формы местоимений *neco, negdo, negde* в соответствии с собственно-чешскими их вариантами *ñeco, ñegdo, ñegde*.

30. Тип выравнивания *tříst/tříst, zapřihñót/zapřihñót*.

31. Окончание *-u (-ó/-o)* форм родительного падежа единственного числа также у некоторых неодушевленных существительных мужского рода, например, *čaju, placu*.

32. Выравнивание окончаний родительного и винительного падежа существительных типа *přeceda, Ladá* в большинстве ганацких говоров по родительному падежу (*Frantê/-e/-i, Ladě/-e/-i*), однако в некоторых говорах по падежу винительному (*Frantô/-u, Ladô/-u*).

33. Противопоставление форм именительного и винительного падежей множественного числа одушевленных существительных, близкое этому противопоставлению в литературном чешском языке, например, *sósedí/sósedí × sósedě/-e/-i*.

34. Дательный падеж местоимения *já* выглядит как *mñe*.

35. Нередкое выравнивание склонения различающих род местоимений по твердому адъективному склонению, например, *s tém, našém* (|| *našem/našim*)..., *téch, našéch* (|| *našech/našich*).

36. Формы местоимений *tem, jednom; tech, jednech; tem, jednem; tema, jednema*.

37. Появление у притяжательного местоимения *jejich* вторичных окончаний *-ho, -mu, -ma* в родительном и дательном единственного, а также творительном множественного числа соответственно.

38. Различение одушевленности/неодушевленности формами именительного падежа числительных мужского рода *dvá, (v)obá × dva, (v)oba; tři, štíři / tři, štěři... × tři, štíri / trě, štěřé*.

39. Окончания *-ó, -ijó, -ajó*, resp. *-ó, -ijó, -aji/-aji* в формах 3 лица множественного числа.

40. Формы 3-го лица множественного числа *chcó, (j)ijó, vijó* у глаголов *chtít, jíst* и *vědět* соответственно.

41. Образование императивных форм глагола *být* как *běđ/bed'bid', bětte/beťte/btíte...*

42. При образовании эловых причастий от глаголов типа *spadne, začne* чаще, чем в собственно-чешских говорах, опускается *-nu-(-nô-/-no-)*, например, *pohl se, zatl*.

43. При образовании форм 2 лица прошедшего времени редукция формы глагола *být* до *-s (-z)*, напр. *Dalz mó to?, Sám sis to ódělal*.

4.3. Южная группа центрально-моравских (ганацких) говоров

4.3.1. Территория распространения южных центрально-моравских (ганацких) говоров

Южная группа центрально-моравских (ганацких) говоров занимают значительную часть территории юга и юго-запада Моравии, приблизительно ограниченные линией Znojmo, Třebíč, Velké Meziříčí, Boskovice, Vyškov, Slavkov, Dambořice (28 км к юго-востоку от Брна).

4.3.2. Наиболее характерные особенности южных центрально-моравских (ганацких) говоров

Все или почти все эти говоры характеризуются следующими отличительными чертами:

1. Пять или (значительно реже) шесть кратких гласных фонем, при этом и пятичленный, и шестичленный наборы кратких гласных фонем представлены в двух вариантах:

1а. Варианты пятичленного набора кратких гласных фонем:

Ша (*y > e; u > o) *cheba, cezi/cezi; dob, na břeho,*
но *ťicho, vobili/vobilí, rebňik*

Шб (*y > e) *cheba, cezi/cezi; dub, na břehu*

2а. Варианты шестичленного набора кратких гласных фонем:

Па (*y > é; u > o) *chěba, cězi/cězi..., dob, na břeho*

Пб (*y > e; u > o; *i > ə/∅) *cheba, cezi; dob, na břeho;*
но *ťacho, vobali, rebňak/rebňk*

2. Три долгих гласных фонемы (*é, á, ó*), на севере – пять долгих гласных (*í, é, á, ó, ú*).

3. Как и в большинстве собственно-чешских говоров, глухость парно-звонких согласных перед гласным и звонким согласным в конце слова и на морфемном шве, например: *chlap aňi necekl; nuš nechco; k mosto; kopme, nemlofme; sme*.

4. Как и в большинстве собственно-чешских говоров, протетический *v-* в начале слова или корня внутри слова, например *voheň, von, zavoraťit*.

5. Как и в восточно-моравских говорах, долгий гласный перед конечным *-l* в эловых причастиях единственного числа мужского рода типа *viděl, dělál, kupováł/kupuvál; zakříl, chođíl, usnúl*.

6. Выравнивание родительного и винительного падежей единственного числа существительных типа *přeceda, Franta, Laďa* по родительному падежу, например, *Frante/Frantě, Laďe*.

7. Окончание *-em* формы творительного падежа единственного числа этих же существительных, например, *s Frantem, z Laďem*.

Целый ряд различий между рассматриваемыми говорами обусловлен тем обстоятельством, что сама группа центрально-моравских (ганацких) говоров представляет собой некое разделительное звено между собственно-чешскими говорами на западе и восточно-моравскими (моравско-словацкими) говорами на востоке.

8. Например, результат перехода $y > e$ (\acute{e}) в самой южной части рассматриваемой территории представлен лишь после твердых губных и после непарных твердых согласных, но не после свистящих, тогда как на остальной территории этот переход универсален и включает в себя $y < i$ в положении после *c, s, z*, например, *cezi/cezi, proset, zema*.

9. Сходно с юго-западными собственно-чешскими говорами, на юго-западе ганацких говоров долгий \acute{i} сократился и представлен до сих пор в виде краткого (*ciit/citet, sitko, vozik*), тогда как на остальной территории на его месте мы находим долгий \acute{e} , например, *cěit, vozěk*.

10. Из центральной группы собственно-чешских говоров в говоры ганацкие проникает выравнивание окончаний родительного, дательного и местного падежей прилагательных и местоимений женского рода по типу *s ti drohi (straně); na ti drohi (straňe)*, тогда как к северу и к востоку чаще происходит альтернативное выравнивание, например, *s té drohé; na té drohé*.

Под влиянием собственно-чешских говоров на западе ганацкой группы говоров с той или иной степенью регулярности встречаются

11. Ассимиляция по глухости типа *scháňet, schoda*.

12. Изменение $s > c, š > č, z > ž, ž > Ź$ после *n, ň*, а также некоторых других согласных, например, *zencká, menči, Honza, jenže*.

13. Словоизменение существительных типа *host, kořen, loket* по твердому типу.

14. Выравнивание окончаний местного и творительного падежей по типу *vo starim - ze starim* в соответствии с различием этих падежей в говорах восточнее: *vo starim/starim × ze starém*.

15. Исторически корректные формы типа *toho, tomu, vo tom* в соответствии с формами *teho, temu, vo tem* в говорах восточнее.

16. Диссимиляция свистящих и зубных типа *přej šedesát, zaplajte*.

17. Формы императива типа *proš, vož, pušt, neježdí*, а также типа *chic, vrac, zaplac*.

18. Результаты морфологического выравнивания в примерах типа *hodít/hodět – hádět, vobrá'it/vobrá'et – vobratet*.

19. Диссимиляция *ňn > jn* в примерах типа *kopajna, sekajna*

20. Выравнивание основы в примерах типа *kluci, klucu, klucum*.

В отдельных говорах могут встретиться также и иные особенности, характерные или для данной группы говоров, или же для какого-то одного. Речь идет о таких явлениях, как следующие:

21. Словоизменение существительных типа *kost* по твердому типу.

22. Переход *e > i* в ряде случаев, например, *převítat, Jeři, vožeňet se*.

23. Формы с отличными от литературного чешского рефлексами **e*, например, *kořitko, hósitko...*, попř. sekundární formy *hósijátko/hósjátko*.

24. Открытое произношение *ó (ó)* и закрытое лабиализованное произношение *á (á)*, что приводит в сближению реализаций данных фонем.

25. Протетический *h-* в примерах типа *hohli, hóteri, hiné*.

26. На территории с пятью краткими гласными фонемами окончание *-í* в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода, например, *sóseďí, vojáci*.

27. Огласовка *bratruj/bratruj* притяжательных прилагательных мужского рода на юге и огласовка *bratru(ch)/bratru(ch)* – на севере ганацкого диалектного массива.

28. Огласовки *te, se* и *ti, si (tǎ, sǎ / t̃, s)* у личного местоимения 2 лица единственного числа и возвратного местоимения.

29. Так называемые горские говоры представлены в окрестностях городов *Tišnov* и *Blansko* (19 км с севера от Брно), а также поселка *Sloup* (9 км северо-восточнее Бланска) характеризуются пятичленным набором кратких гласных фонем типа IIIa с рефлексами перехода *y > e*, а *u > o*, однако отличаются от других говоров этого типа наличием многочисленных примеров обратного изменения *o > u*, в ограниченной степени также *e > i*, например, *v nuce, vuňi; hišče, klica, ščiňe*.

30. Зноемские говоры характеризуются шестичленным набором кратких гласных фонем типа IIb (**y > e; u > o; *i > ə/∅*) с редукцией (неполной или полной) исторического *i*, например, *tǎho, rebňǎk/rebňk, vobǎli, zǎta, ňčko, na zdǎ, fšeci šl, voň hodǎlǎl* ‘они сделали’. Рефлексы этой редукции исторического *i* могут встречаться и в соседних со зноемскими говорах, например, *hňc ,nic, selňca/slňica, mľnǎř; kapľcka, vidľčka, žľčka*.

4.3.3. Образцы южных центрально-моравских (ганацких) говоров

Z Hodova, okr. Třebíč (muž, 1903)

Hodov (dříve Hodaw, Hola, možná i Hoda, německy *Hodau*) je obec ležící v jihovýchodní části Českomoravské vrchoviny, severně od města Třebíče (12 km) a jihojihozápadně od Velkého Meziříčí (8 km) na okresní silnici z Budišova do Oslavičky. Žije zde 302 obyvatel.

Strécovi sem říkál, te bodež_žebřák. Pul třetího roko dělál ve struze f ti vodě. Jářko počké, šak se ti to vokáže! – Karel mňel tři děti. Jednoho, toho néstaršihó, toho nemňel stréc ráť. Jeji sestra se ho vzala za vlasňihó. Ten mlačí, ten je lump. Co s takovihó kloka je, žádná radost! Staré, ten mňel tak fšeco f pořátka – neska tam voze stojjío za homnama vot sen dělání!¹ – Kolář je staré, uš nič nedělá, a sin pase na salaši krave, pase ten dobetek. Já nevim, tam nechcel žádně jit. Deš jim dobetek vleze do vode, abe lezl za něm. – Maji moz brambor nasáďenéch. – Já ti řekno, žito, to něni nič, jenom sláma. Špatně se s tém hospodaři.

¹ od dělání sen, od senoseče

(Zaznamenal F. Matějtek)

Z Jezeřan, okr. Znojmo (tři muži, 1904, 1905, 1899)

Jezeřany (německy *Jeseran*) jsou vesnice, dnes součást obce Jezeřany-Maršovice v okrese Znojmo.

1. *U náz hlavně bévalo dicki, jak přišlo ten srpen záři, tak to nepršivalo, to bévalo sucho. No_a letos náhodó teda – prši co chvíla. To je jeden rok, že.*

2. *U nás se říkalo jižni Morava, to je Sařara, né, že tadi u nás málo je srážek, málo u nás prši – a nič to, hm.*

1. *Jenom letos to zasi – vino nesláži.*

3. *Vino teda se pjestojje tadi taki. Ale jináč – chitla ho ta roda, letos, tak – načisto, načisto nič. Vloňi tolig vina belo, tolig hroznu, pjekni, a letos – zas to počasi tomo nevehovuje, tej ti dišče, to_e jet na vinohrat.*

2. *Vubec to neuzrá. To je_ešče jag broke, načisto je to jag broke.*

3. *A teť je to_ešče dneska zeleni, že. Táto dobá uš to bévalo, řekno to, tadi Lučina ta bévala zralá oš, a_ešče je to zeleni řšicko, no. Tag dovi jak to žito vubec ozrá — letos. To počasi tek je studeni — furt! Gdopak ví.*

(Zaznamenala M. Krčmová)

Z Hlíny, okr. Brno-venkov (žena, 1900)

Hlína je obec v okrese Brno-venkov v Jihomoravském kraji, 4 km severovýchodně od Ivančic. Žije zde 310 obyvatel.

[Za okupace] *Potom řšeci moseli s celí děďina, gdo má dobitek, tak řšeci jet – do Bányic do mléna a řšem tem druhém co nemňeli potach, řšem to vzit. No_ale každé se tam tó nejakó padesátka – načerno. A mlinář to huďelál, tagže nebél hlat. Tak to bilo dobri. No_ale potom uš to belo doz dlóho, tak uš sme se potom pustili do zabijáňi. Celá děďina, řšeci zabijali načerno – no ne načerno, řšli ke zvjerolékařovi nebo k rasovi a von dáľ potvrzeňi, ze se to zakope. A tak řšeci zabijali – •a řžádnimo se řnic nestalo, řžádné neudáľ jeden druhiho. Řšeci táhli, celá děďina za jeden provas.*

(Zaznamenal J. Blažek)

Z Brna-Líšeň, okr. Brno (žena, 1886)

Brno-Líšeň je městská část na severovýchodním okraji statutárního města Brna. Je tvořena městskou částí **Líšeň** (německy *Lösch*), původně samostatným městem, který byl k Brnu připojen v roce 1944. Žije zde přes 26 000 obyvatel.

[O pečení chleba] *No, pekávalo se dvje, dva pecni – nebo tři pecni, podlevá jag gdo teda, jag bělo lidi v domácnosti. – Á – no tak pekávali tři pecně, podlevá jag iy bilo moc. – Večir se zađelál nařitko_a, ráno se přidala móka, přesila •a vimiselo se to, pul hođině se to muselo mísit – aš to luskalo, sme řikali, aš to luskalo. – No potom aš to nakisalo, tak se to navářelo, rozdělilo se to teda kolik se mňelo řelat, navářeli se teda pecně, no – dali se teda – pak se to dalo do pece sázet.*

(Zaznamenal J. Skulina)

Z Boleradic, okr. Břeclav (žena, 1874)

Boleradice (německy *Polehraditz*) jsou městys v okrese Břeclav v Jihomoravském kraji, 6 km severovýchodně od Hustopečí na potoku Haraska. Žije zde 903 obyvatel.

Ale ješče posavát pamjeť mám, bjár¹ uš je mňe třijadevadesád v zřři, třijadevadesát mňe belo v zřři. Já mám ešče – kamarátka je vo dvacet roku mlači. To je sósetka. – Vo dvacet so starši, ale přece sem nejvěřila, esi tam něni neboška. Ešče sem mňela dobró hlavo! – Na nohe nemužo, rukama ješče neco huđelám, aj hu teho šporhelta, ale na nohe so načisto hín. No ja, furt nebudem bjehat, to víte! No no!

¹ třebaže

(Zaznamenala V. Michálková)

Z Habrovan, okr. Vyškov (žena, 1876)

Habrovany je obec nacházející se 12 km jihozápadně od Vyškova, 10 km severně od Slavkova a 3 km od Rousínova. Žije zde 878 obyvatel.

Dokad je človjeg mladé_a zdravé •muže řelat fšecko, toš – je to, ale jag musi potom – Fčil¹ ale diš – štiri dňi sem s tém ležela, mňela sem to napřed zapuchli. Fčil sem si mislela – splasklo, no_ale to mňe tag dicki zedře, jag dibi mi to uščipl, a leť mi to tem – to^u kosíó až do palca. No tak já nevím, jesi

je to – já nevim, ješi to bude záňet – anebo majó ti vírustki, mají moc ti ženski – te chromó, to tadi diž de, každá baba de •a je chromá. Já povídám, to jindá za našéč let aňi nebévalo tak chroméč lidí jag je fčil. A čím je to, já nevim. Ale každá je ta_klustá, že se nemuže uníst, a tag_e to misim taki tém. Že se mají tag dobře nebo jak je to, já nevim. Jindá nebévali taková ženski klusti. Málo, málo, to •ož málo¹kerá bila ta_klustá, málo!
¹ ted'

(Zaznamenala M. Krčmová)

Horské nářečí z Lažan, okr. Blansko (žena, 1901)

Lažany jsou obec v okrese Blansko v Jihomoravském kraji. Žije zde 417 obyvatel.

[O partyzánech] Take k nám přišli v nuce – Tak ti partizáni k nám přišli v nuce, já sem spala z manželem f kochěni_a děcka f sekňici, na postelách, v ložňici teda. A – vuňi šli du trafíke, me sme mňeli trafíko, manžel bel válečné invalida, tak sme mňeli trafíko, a tak šli na te cigárke. No_ale tu bele příděle, na lístke, tak me sme tu_uš mňeli nachestani, té fasunke, víte. Belu tuhu málu. Manžel s ňima šel do té trafíke. A já pud_dochňo drkotala zobama! Pak přišli_ešče do té kochěne, tak to tam procházeli – a fasunke sme mňeli vedani, příděle, tak tam hale dva bele, no tak si tu vzali. Ťi nekořáci to tam nekeré nechál dlóho, aš to za necu putřebováł dat, tak teprve pro to přišel. No_ale já put tó duchňo – se mňe neco veptávál, a já strachem vrrrr! – tak sem drkotala zobama.

(Zaznamenal J. Balhar)

Znojenské nářečí z Plavče, okr. Znojmo (muž, 1874)

Obec **Plaveč** (německy *Platsch*) se nachází v okrese Znojmo v Jihomoravském kraji. Žije zde 476 obyvatel.

A hočatel, ten nemňěl tak plato, jako má ňčki. Mosel sə chođet po jsə vebirad deputát jako pastěř. To dostal štvrt mire pšence a pul štvrtě čočke – a hracho také toliš. Šak potim jag běl ve škól, tag místo hočeň mo je přebirale. Toliž dál pulláňak. Co běl ze štvrtke, ti dál holt polovičko, a s chalope, ti dál z dítěte padesát šajnu, jag hold bévalo. Tak to meslim belo. Sedláci, ti neplatěl z děti, ale dával depotát. A to sə chođel po fsə_a_ešče z nekém, a ten holt mo to nosél. Hináč ale plato hočatel nedostál, jen to səpáni vobəli, co vo ňom vekládám. No tak toho moc nemňěl, ale von se vo vehočováňa také moc nestarál. Abə se hožəvil, tág homňěl fšechne řemesla. Hočel mozeko, na hósle_a_fšecker.

(Zaznamenala S. Prokešová)

4.4. Северная группа центрально-моравских (ганацких) говоров

4.4.1. Территория распространения северных центрально-моравских (ганацких) говоров

Северная группа центрально-моравских (ганацких) говоров лежит к северу от южной группы и ограничиваются приблизительно линией Zábřeh и Šumperk на севере и Olomouc и Prostějov на востоке, не включая, однако, территорию самих двух последних городов, а также их окрестностей.

4.4.2. Наиболее характерные особенности северных центрально-моравских (ганацких) говоров

1. Все говоры данной группы объединены наличием семи кратких гласных фонем (тип I) с фонемами *é, ó* на месте исторических *y, u*. Фактически речь идет об изоглоссе, выделяющей данные говоры из общего массива ганацких говоров.

Далее речь идет о явлениях, характерных для большинства входящих в северную группу ганацких говоров, которые, однако, могут их объединять с говорами соседними.

2. Три долгих гласных: *é, á, ó*.

3. Звонкое произношение парных по звонкости/глухости согласных перед гласными и некоторыми согласными в случаях типа *chlab ani necekl; nuž nechcó; g mostó*, что объединяет их с лежащими восточнее говорами.

4. Результаты перехода $y > é, ý > é$ не только исторических *y, ý*, но также $i > y, í > ý$ после свистящих, а также после *č, š, ž, ř, l*, например, *čěsté, šéroké, žéivot, peřéna, lědi; počétat, šěřka, ožévat, krěžek, lébit se*.

5. В родительном, дательном и местном падежах прилагательных женского рода твердого склонения выравнивание в пользу исторического окончания дательного и местного падежей, например, *s té drôhé (straně), na té drôhé (straňe)*.

6. Притяжательные прилагательные, образованные от существительных мужского рода, имеют вид *bratru*.

7. Совпадение кратких форм родительного, дательного и винительного падежей личного местоимения 2 лица единственного числа в варианте *te* при различии формы дательного падежа (*se*) и винительного падежа (*se*) у возвратного местоимения.

Говоря о характерных особенностях данных говоров, отличающих их от говоров восточнее, следует отметить следующие:

8. Глухость парных по звонкости/глухости согласных в примерах типа *kôpme, nemlôfme..., sme* (в говорах восточнее будет *kôbme, nemlôvme..., zme*).

9. Протетический *v-* перед *o-* в начале слова или корневой морфемы, например, *voheň, von, zavopatřět*.

10. Рефлексы перегласовки **'a > ě* в примерах типа *ruže, naše koza* (им. падеж ед. числа), *biče, pekaře, srce* (род. п. ед. числа).

11. В северной части данной группы говоров встречается также словоизменение существительных с основой на *-s, -z a -l (< -l)*, а также гипокористических слов типа *Máňa* по твердым типам склонения.

В числе менее характерных особенностей рассматриваемой группы говоров можно отметить следующие:

12. Отличающиеся от других ганацких говоров, но сближающиеся с говорами собственно-чешскими рефлексы исторического **ě* в формах типа *holóbata, hřibata/řibata*.

13. Упрощение *hř- > ř-* в положении перед гласным с примерах типа *řebik, řibje*.

14. Сохранение, как и в окраинных северо-восточных собственно-чешских говорах, произношения *nn* в примерах типа *kamenné, dřevjenné*.

15. На западе рассматриваемой группы говоров представлены случаи диссимиляции свистящих, шипящих, аффрикат и зубных в примерах типа *přej šedesát; přej domem; zaplajte*.

Что же касается сближения с говорами восточнее, то речь идет о следующих явлениях, встречающихся в восточной части северной группы центрально-моравских говоров:

16. Выравнивание окончаний творительного и местного падежей твердого склонения прилагательных мужского и среднего рода, например, *o starim – ze starim*.

17. Окончание *-om* дательного падежа множественного числа существительных в соответствии с окончанием *-um* в говорах западнее, например, *sósedom, pekařom, kôřatom*.

18. Формы местоимений единственного числа мужского и среднего рода *teho, temo, (v)o tem*.

19. Эпизодически встречающиеся инфинитивы с мягким *ť* на конце типа *nistĭ, dělătĭ*.

20. Окончание *-mê* в примерах типа *nesemê, prosímê...*, императив *nezemê*, соотносимое с окончанием *-ту* в говорах восточнее.

В некоторых говорах рассматриваемой группы (лежащих по соседству с забржежским и кунштатским секторами) мы наблюдаем следующее:

21. Противопоставление *l – l*,

22. Озвончения парных по звонкости/глухости согласных перед паузой.

23. Исчезновение конечного *-h* в примерах типа *bře, sňi, tvaro*.

24. В западной части северной группы центрально-моравских говоров долгие *é, ó* произносятся открыто (*pěcha, lóka*), так что они качественно соотносятся с краткими фонемами *ê, ô*, тогда как в восточной группе они произносятся закрыто (*pěcha, lóka*), соотносясь с краткими фонемами *e, o*.

25. Кроме того, в западной части северной группы центрально-моравских говоров достаточно регулярно встречается протетический *h-* в примерах типа *hóhli, hóteri*, в то время как на остальной её территории подобные случаи единичны и ограничены отдельными словами, например, *hózeni maso, harmara, herteple*.

26. В восточной части северной группы центрально-моравских говоров наблюдается выравнивание окончаний родительного и винительного падежей существительных типа *Frantô, Ladô*.

4.3.3. Образцы северных центрально-моравских (ганацких) говоров

Z Úsobrna u Jevíčka, okr. Blansko (muž, 1880)

Obec **Úsobrna** (německy *Hausbrunn*) se nachází v okrese Blansko v Jihomoravském kraji. Žije zde 444 obyvatel.

Pepiš Mikôlu běl také takové sělák. Jednó hō mōzékē se domlôvilē dvá, neboščik starē Stehlik – takové velké chlap, von běl panské mlacem – ješče z jedném, že si lehnó na lafkô přes potok, habē Pepiž vo ňe zakopl aš pude dom. Ch'elē habē spadl do potoka. Tak to hōďálē. – Deš ale milē Pepiš přēšil k ňim, chētl každiho jednó rokó za řbet, vėzvihl je ješče zhurô a povidá: Co na cestě zavazí, mōsi přējit přič – a pôstíl je dule hōbama do potoka. Ťi bělé zlônirovaňi!¹ Na zádey mňelē modřénē vo toho jag je držel, spředô bělé celi doklôčeňi vot kameňu f potoce. Vickrá ci jôz ňic takoviho nesměšlelé.

¹ zřízení

(Z rukopisné práce Z. Rovnerové)

Z Luká u Litovle, okres Olomouc (žena, 1899)

Luká je obec ležící v okrese Olomouc. Žije zde 883 obyvatel.

Ta •Olomóc je te_čkaredá, to je hrozni. Ólêce roskopani, fšôde marastô,¹ horši jag na dědiňe. Bêla sem se podívat tam – •ô Losika, ti tam_maji vlfko f kôchêni! – Poslôché, ten spatňe vêpádá! Říkala sem_mô, aď de g dočtorovi. Nechce se mô, žepře¹ôš to nejak tadê vědrži. S něm je těšká řeč – je ôš starê. – Děš potkáš Lojzô, ať přênde, mám pro něho vosň stovek. Bêla sem na véboře za něm, no •on tam nebêl. – Chcô ho pré na vokres! Bêl bê hlópê, abê šil. Děď v društvyje ho potřebôjô víc! To je jak s tém Novákovém. Teho také stahovalê stahovalê, až ho stahlê. Děš to je těšká vjec.
¹ bláta, břečky

(Z rukopisné práce V. Čapka.)

Z Určic, okres Prostějov (starší žena a její syn)

Obec **Určice** se nachází v okrese Prostějov v Olomouckém kraji. Stojí v západní části Hané, 6 km jižně od Prostějova. Žije zde přibližně 1 400 obyvatel.

Co zmê jidávalê – děš sem bêla doma? Nô bože sênkô, zeli z herteplama,¹ vařeni mlíko z herteplama, stôdeni – a a a sérovi zeli s herteplama, vařeni zeli a herteple. – Do zelnê vodê se nakrájelê kôskê – a tag z vodô. To zmê mivalê na večerô. Hrnez zeli se ôvařel – a ten bêl na celê tédeň – děcki se dal hrneg zehřit. – G objedô mličnô polifkô, ječmeni šêškê a herteplákê.²

A to ste mňelê aji v neďelô?

Aji v neďelô, aji v neďelô. Maso bêlo jenom na hodê – masová polifka – véraškoví³ bôchtê jenom bévalê – tvarohem naďivani – mrkvovi bôchtê, livance z ječmene mókê, tvarohovi koláčkê – také z ječmenê mókê...

¹ brambory ² placky z bramborového těsta ³ z jemné mouky

(F. Kopečný, Nářečí Určic a okolí, s. 129)

4.5. Западные периферийные центрально-моравские (ганацкие) говоры

4.5.1. Территория распространения западных периферийных центрально-моравских (ганацких) говоров

Западные периферийные центрально-моравские говоры прерывает ся бывшим ланшкромунско-свитавским немецкоязычным островком. В

результате получаются два сектора, один из которых лежит в северо-западной части забржешского выступа, а второй – на участке, тянущегося от городов Letovice и Kunštát до города Velké Meziříčí, далее до города Třebíč, далее до города Moravské Budějovice.

4.5.2. Наиболее характерные особенности западных периферийных центрально-моравских (ганацких) говоров

На территории юго-восточной части забржешского выступа почти до самого города Zábřeh преобладают центральные ганацкие говоры, на севере и на северо-западе – говоры периферийные. Вокруг самого города Zábřeh, а также в самой северной части выступа преобладает тип Пс с шести краткими гласными фонемами (с сохранившейся фонемой *y* или же с её рефлексами – *é/ə*), в центральной части преобладает тип Пшс с пятью краткими гласными фонемами (с *i < y* и с сохранившимся *u*). В говорах вокруг города Zábřeh представлены три долгие гласные фонемы (*é, á, ó*), на территории к северо-западу – пять долгих гласных фонем (*í, é, á, ó, ú*).

Кроме общих для центрально-моравских (ганацких) говоров черт, в тех или иных говорах забржешского выступа можно встретиться со следующими особенностями, сближающими их с говорами соседними:

1. Остатки билабиального *w* или же неслогового *ɥ < w*, например, *dříw, prawda / dříu, prauda*.

2. Сочетание *-je-* на месте *-ve-* в примерах типа *dje, sjet*.

3. Ассимиляция *sh > sch* в примерах типа *scháňet, schoda*.

4. Отсутствие озвончения конечных парных глухих согласных перед гласными и некоторыми согласными в примерах типа *chlap aňi necek/necekl, nůš nechcu..., k mostu*.

5. Упрощение групп согласных *šč > št, žž > žď*, в примерах типа *eš'ě, dešt', spožďení*.

6. Изменения *s > c, š > č, z > ʒ, ž > ʒ* в позиции после *n, ň* в примерах типа *žencká, menčí*.

7. Выпадение конечного *-l* в эловых причастиях после согласного в примерах типа *nes, ved, spad*.

8. Долгие гласные или их рефлексы в примерах типа *zéma, dříče/difče*.

Для южного сектора западных периферийных центрально-моравских говоров характерно проникновение в них элементов говоров соседних – как ганацких, так и собственно-чешских. В области Letovice – Kunštát – Velké Meziříčí представлен тип Пшс (пять кратких гласных фонем с *i < y* и с сохранившимся *u*), южнее – тип Пс (шесть кратких

гласных фонем с $e/y < y$ и с сохранившимся u). На севере сектора пять долгих гласных фонем ($i, é, á, ó, ú$), на юге три ($é, á, ó$).

Помимо явлений, проникающих в данные говоры из соседних областей, можно отметить следующие:

9. Сохранение nn в примерах типа *Anna, kamenné, dřevjenné*.
10. Формы 3 лица мн. числа глаголов четвертого класса типа *prosí, leží, umí*.
11. Остатки мягких губных перед i в примерах типа *p'ivo, b'ič, v'idle*.
12. Рефлексы мягкого m' в виде сочетания mj в примерах типа *mjesto*.
13. Упрощение $hř-$ > $ř-$ в положении перед гласным, например, *řebik, řibje*.
14. Отсутствие протетического $j-$ перед $i-$ ($i-$) в начале слова в примерах типа *ít, iskra*.
15. Проникновение формы именительного падежа мн. числа в позицию винительного падежа у одушевленных существительных мужского рода в примерах типа *hrajó si na páni*.
16. Выравнивание окончаний местного падежа ед. числа мужского и среднего рода местоимений мягкого типа склонения по твердому типу, например, *vo našom, na ňom*.
17. Продление суффиксального гласного в формах ед. числа мужского рода эловых причастий типа *vidél, dělál*.
18. Рефлексы перехода $il > l$ в примерах типа *kaplčka*.
19. Лексикализованные и морфологизованные случаи перехода $i/y > e$ в примерах типа *meslet, spustet, vōžeňet se*.
20. В небольшом диалектном островке северо-западнее города Тřebíč представлен специфический вариант типа Пс с шести краткими гласными, в котором на месте исторических кратких i и u представлен краткий y , а современный краткий $vožik$ возник в результате сокращения исторического $vožy$ (им. падеж мн. числа) × $vožiči$ (род. падеж мн. числа).

4.5.3. Образцы западных периферийных центрально-моравских (ганацких) говоров

Z Písařova na Zábřežsku, okr. Šumperk (žena, 1900)

Obec Písařov (německy Schreibendorf) se nachází v okrese Šumperk v Olomouckém kraji. Žije zde 711 obyvatel.

Prfka dicki stróhali sirovi zemski japka¹ a dělali s toho hunsfrítí. To só kule, chluPATí kule tom jídlu pouďáma. To se nastróhají sirovi japka, dá se zička móki, zamiši se to_a dělají se s toho kulički. Pak se to jí z vepřovém masem_a ze zelím. To_uš je takoví pisarouški jídlu. – Ze sirových jablek se •eše taki dělá barkus. F Čechách tom pouďají hindák. To je túze dobrí, gór diš se to_upeče na voléju. Po_upečeňó se to nechá vychladnót a jimá to s černím kaféjem. – Toika bakpa_upekli dobré barkus, to smi si šeci pochutnali. – Kampak fčilka dete? – Ale posejte •eše trochu!

¹ brambory

(Z rukopisné práce M. Brokeše.)

Z Jedlí na Zábřežsku, okr. Šumperk (žena, 1879)

Obec Jedlí (německy Jedl) se nachází v okrese Šumperk v Olomouckém kraji. Žije zde 674 obyvatel.

Dəbəch já bəla vo deset let mlači, já nevim, co bəch dāla. Dəí sme v noví republice! Prf, dəš smə bələ v rajchu,¹ sem říkávala: Dəbə pámbiček dal •a mə mñelə našu zlató republiku, já bəch tancuvala po səlñicə. A taki sem si zatancuvala z jedněm Rusem •a ə sem jedneho polóbla, dəš přəšlə. To bəla hubička, vod babə!

¹ Zábřežsko bylo za okupace připojeno přímo k Německu.

(V. Mazlová, Výslovnost na Zábřežsku, s. 168.)

Z Kunštátu, okr. Blansko (žena, 1891)

Kunštát (německy *Kunstadt*) je město v okrese Blansko v Jihomoravském kraji, 18 km severozápadně od Blanska. Žije zde přibližně 2 800 obyvatel.

A tak Pepíkovo letadlo •ule'elo •aš – do sebranskiho boří na břím¹ •a tak Pepík přišel, tadi hrču,² •ešče vosi ho poščípali po cestě, vite, •a tak museli s •Ujezda vzít si patnáššprušlové žebřík •dlóhi rahno •ešče •a ten Miloš – se zeslíkl z botú •a s trének •a lezl na strom •a •ešče tím rahnem to •éro zhoďili dolú. Aš f sebranskim boří! Tadi z Lavek, vite, v Lafká_ho pósčeli_a_uš přé ho vidéli jenom jako mušku, tak le'eli – přes pole – tea tam – gdesi tam na Pepika vlitli fče-, vosi! – Tadi – •a tadi na krkú, bil celé pozobané_a von je na to háklivé! Pepig je na to háklivé! Jednó – ho ščipla – ta Menšíkova fčela – •a von bil celé vosípané.

¹ modřín ² bouli

(Zaznamenal R. Šrámek.)

4.6. Восточные центрально-моравские (ганацкие) говоры

4.6.1. Территория распространения восточных центрально-моравских (ганацких) говоров

Восточные центрально-моравские говоры образуют пояс между южной и северной группами центрально-моравских говоров, с одной стороны, и говорами восточно-моравскими (моравско-словацкими) – с другой.

4.6.2. Наиболее характерные особенности восточных центрально-моравских (ганацких) говоров

Для всех или почти всех рассматриваемых говоров характерно следующее:

1. Узкое (очень узкое) произношение *é* и *ó* (*é*, *ó* / *é*, *ó*), которые в некоторых говорах могут в результате переходить в *i*, *ú* соответственно.
2. Частое отсутствие протетического *j*- перед *i*- (*i*-) в начале слова в примерах типа *it/iť*, *iskra*, *idlo/idlo*

3. Инфинитивы с рефлексам **ę > a* типа *začat / začat̃, zapjat / zapjat̃, požat / požat̃*.

4. Окончание в дательном падеже мн. числа существительных мужского и среднего рода, например, *sósedom, pekařom, kořatom / kuřatom*.

5. Выравнивание окончаний родительного, дательного и местного падежей прилагательных и местоимений твердого склонения по типу *s té druhé / drohé; na té druhé/drohé*.

6. Выравнивание окончаний ед. числа родовых местоимений мужского и среднего рода по мягкому склонению, например, *teho, temu, (v)o tem*.

7. Проникновение в формы именительного и винительного падежей ед. числа женского рода местоимения адъективных окончаний, например, *tá, tó*.

8. Активное использование при склонении местоимений *múj, tvúj, svúj* нестяженных форм типа *mojeho, mojemu; tvoja / tfoja, svoju / sfoju*.

9. Форма 2 лица ед. числа глагола *být* выглядит как *si*.

10. Продление гласного *o* в положении перед *j* или *ň* в примерах типа *bóji se, dóji, hóňi*.

11. Продление гласного перед конечным *-l* в формах ед. числа мужского рода эловых причастий типа *viděl, dělál*.

12. Различение форм родительного и винительного падежей ед. числа существительных типа *přeceda, Ladá*, например, *(v)ot Franti-ě/-e, Ladě × Frantu, Ladů/Franto*.

13. Слоγοобразующий *ḷ (ḷ)* в соответствии с сочетаниями *lu/ló/lo, lou/ló* в лежащих западнее говорах, например, *klzat, klská cesta, klznat/klzňat*.

14. Совпадение окончаний творительного и местного падежей ед. числа твердого склонения прилагательных, например, *(v)o starím/-im – ze starím/-im*.

Следует, однако, отметить, что под влиянием соседних диалектных массивов говоры северного (коетинско-пршеровского) и южного (славковско-бучовицкого) секторов могут различаться.

15. В говорах западной части северного (коетинско-пршеровского) массива представлен в основном набор из пяти кратких гласных типа Ша или Шб с рефлексам *y > e, u > o/u*, в говорах центральной части в окрестностях городов Přerov и Kojetín преобладает набор из шести кратких гласных типа Пс с рефлексам *y > é* и с сохранившимся *u*, у границ с восточно-моравским (моравско-словацким) диалектным массивом этот же тип Пс комбинируется с типом Шс с пятью краткими гласными (с рефлексам *y > i* и с сохранившимся *u*).

16. В западной и центральной частях северного (коетинско-пршеровского) массива мы находим три долгих гласных, а именно (*é, á, ó*), на востоке – пять (*í, é, á, ó, ú*).

Для всех или почти всех рассматриваемых говоров северного (коетинско-пршеровского) массива характерно следующее:

17. Озвончение парно глухих согласных в конце слова или на морфемном шве в положении перед гласными или некоторыми согласными в примерах типа *chlab aňi necekl; nuž nechco / núž nechcu; g mosto / g mostu; kobme, nemlovme / kubme, nemluvme; zme*.

18. Отсутствие протетического *v-* перед *o-* в начале слова или части сложного слова, например, *oheň, on, zaopatřel' / zaopatřit'.*

19. Инфинитивы, оканчивающиеся на мягкий *ť* типа *nist' / nist', dělat'.*

20. Формы императива глагола *být* выглядят как *buď / buď, buďte / buďte.*

21. Остатки противопоставления *l – l*, а в связи с этим отнесение к твердому типу склонения существительных, оканчивающихся на *l* или на *l < l*.

22. Оглушение согласного *v* в положении после глухого в примерах типа *kfočna, tfrdá, sfička / sfička, k fám.*

23. Выравнивание словоизменения существительных типа *staveňi* по типу *srce*, например, *ze staveňa, do obila.*

В восточной части северного (коетинско-пршеровского) массива представлены следующие особенности:

24. Рефлексы *m'* в виде *mj* в примерах типа *mjesto.*

25. Окончание *-och* местного падежа существительных мужского и среднего рода, например, *sósedoch, kamnoch.*

26. Крайне редкое, в отличие от южных (славковско-бучовицких) говоров долгое окончание именительного падежа мн. числа одушевленных существительных типа *chlapí, sósedí.*

27. Отсутствие долгих гласных и ударение на предпоследнем слоге в некоторых говорах у города Přerov.

28. В диалектных анклавах к югу от города Olomouc, к востоку от города Prostějov, а также между городами Výchov, Tišín и Kojetín (в так называемых чугацких говорах) представлены три долгие гласные – *í, á, ú*, при этом *í* мы обнаруживаем на месте исторических *ej, aj, a ú* – на месте *au*, например, *pjekňiší, niso, s ti drohí strane – na tí drohí straňe, obečíně; dí, nidelši, híní; púk, púza*. При этом исторические *í, ú* в чугацких говорах, как и в говорах их окружения, сократились, например, *mliko, kuň*. Что же касается кратких гласных, то чугацкие говоры относятся к типу IIIa с *y(i) > e, u > o*, например, *cheba, čestí; dob, na břeho.*

29. Говоры южного (славковско-бучовицкого) массива в целом более однородны, здесь почти везде представлен тип IIIc (пятью кратких гласных с $u > i$ и с сохранившимся u) и пять долгих гласных ($i, é, á, ó, ú$). Рефлексы перехода $i > y > é$, как и в большинстве соседних центрально-моравских говоров, представлены в основном в позиции после свистящих, например, *čéit, sétko*.

30. В отличие от говоров северного (коетинско-пршеровского) массива, в южном массиве практически отсутствуют остатки l , а в связи с этим существительные с основой на $l (< \check{l})$ изменяются по мягкому типу, например, *dva dǐle, stole; do stodole, ve stodoli*.

31. Регулярно встречающееся долгое окончание именительного падежа мн. числа одушевленных существительных типа *chlapí, sóseďí*.

30. Исторический мягкий m' представлен в виде m_j в примерах типа *mjesto*.

31. Инфинитивы, оканчивающиеся на твердый t типа *nest/níst, dělat*.

32. Формы императива глагола *být* выглядят как *bid, biťe*.

33. В отношении протетического v - перед o - в начале слова или части сложного слова, диалекты южного (славковско-бучовицкого) массива неоднородны, например, *voheň, von × oheň, on*.

34. Так же неоднородны они и в отношении окончания творительного падежа ед. числа существительных типа *Franta*, например, *s Frantem, z Laděm × s Frantó, z Ladǒ*.

35. Лишь в северо-восточных говорах славковско-бучовицкого массива представлено озвончение парно глухих согласных в конце слова или на морфемном шве в положении перед гласными или некоторыми согласными в примерах типа *chlab aňi necekl; nuž nechco / nůž nechcu; g mosto /g mostu; kobme, nemlovme / kubme, nemluvme; zme*. В юго-западных говорах в данной позиции согласные глухие, например, *chlap aňi necekl; nůž nechcu; k mostu; kupme, nemlufme; sme*.

4.6.3. Образцы восточных центрально-моравских (ганацких) говоров

Z Čehovic, okr. Prostějov (žena, 1880)

Obec Čehovice se nachází v okrese Prostějov v Olomouckém kraji. Žije zde 512 obyvatel.

Počkíte chvílu, já ji řeknu abe dávala pozor na ten vus před našem, abe ho žádné nevzal. – No, u su tu. – Fčera zme začale vozid hnuj – aji Franta musel pomáhat. Istě toho mňel dost! Přišil s práce a jeno^m se najedl, hne zas do druhé. Ale zme rádí že je to možni aspoň tak. Spiš to bévalo horší! Nadřele zme se a nazmrzale •a negdi zme nevejdele co děla cpiš. Fčil su uš stará, a přece si možu ešče něco veđelát! Šak se podivéte na moje ruke! Te se už neco nadělale – a přeci se jim ešče nechce otopčivat!

(Z rukopisné práce J. Pěčkové.)

Z Viničné, okr. Přerov (muž, 1902)

Přerov (německy *Prerau*) je statutární město v Olomouckém kraji, 21 km jihovýchodně od Olomouce v Hornomoravském úvalu na řece Bečvě. Žije zde přibližně 41 tisíc obyvatel.

To taki se u ná zme – dicky zme temu nasmilě. Toš tam běla taková chalópka a, – běla veliká zěma a, – spiž bělé té křipopě – •a přes té křipopě bělé dřevjeni mostkě. – A – tag oňi – zabilě prase – bělo •im zima, toš •odešle o toho prasete prič – •a – do kuchěne se zehřít, slěvovicu. Přěšle spátkě a, prasete nebělo nigde. Tož bjehalě po celé dědině – uteklo prase! – Prase nebělo – no také to prase nenašle. No – •a – na jaře rostával sňich – •a – tekla voda – •a furd im pot ten mostek. – Jag rostával sňich, tag im necťelo to tict, ta voda. Toš ten – to bělé vite takovi prkna – to bělo jednoduchy, to se vzalo za tě rigle – •a převrátilo. Ježišmanče, prase tam bělo! Tag ono – bolestě uteklo – fšecká kriv nevěšla – do toho mostka – •a deš čajovalě, tož ono to zafókalo sňihem, tagže běla stopa zametená.

(Zaznamenal M. Čejka.)

Z Velkého Újezda, okr. Olomouc (žena, 1897)

Městys **Velký Újezd** leží v okrese Olomouc. Je situován v jižním podhůří Oderských vrchů. Žije zde přibližně 1 300 obyvatel.

[O úrodě] Tož bilo to zezačátku špatni, ale fčil uš se to opravilo – je to fšecko dost pjekni. Tema zimama špatněma – tag vimrzlo fšecko to obili, ale opravdu je to – fčil se to tak opravilo, i řepu mámi! Tadi říkávaji ti Věklečice¹ – oňi sem patříjō do kostela – tag říkaji: Prosim vás pjekně, co ste s to řepo dělali, že máte tadi tak pjekno řepu? Mi se nemožemi dostať do teho, tráva veliká řepa žádná – říkaji že budó ešče misim zaorávat ti řepi – a mi mámi tadi pjekno! Tadi něni tag zvlášč řepné kraj – tá zem je tadi kameňitá – to só kameňe hrozni, ale řepa diš se tag udá, vidaři, tag opravdu pjekná.

¹ ženy z Výklek

Z Lipové, okr. Přerov (žena, 1884)

Lipová je obec ležící v okrese Přerov. Žije zde 280 obyvatel. První dochovaná písemná zmínka o Lipové pochází z roku 1368.

Nařežu kopřif, dám jím¹ tam trochu vloček, trochu šrotu, uvařené kaše do teho rozmíchám a ide jím to dobře g duhu. – Kopřivi só tadi kolem potoka, pot každó vrbó skoro – to mi ruki hořijō celé deň. A vjeřete, já se mňela jeden rog v ramenáy velikó revmu – to zme mňeli kačeni, šestnást kačeni, to zežhralo hrúza tech kopřif – a já sem to krávała v rukách, nožem. – Ale to mi ti ruki nepřestali celé deň víte brně, hořet jag diž brablenci lezó – a vjeřete, že mi to pomohlo, tu revmu mi to vihnalo, ti kopřivi – nó! – No tož je to nepřijemné pocit, to uš tak ti ruki nebo na nohách pravda, diš se aji popálé človjek, toš tak, ale to! – Ale víte, toli sem se nađelala, tolig noše sem na rbeťe odněsła, ale nohi mňe ešče ňi neboleli.

¹ housatům

Čuhácké nářečí z Drahlův, okr. Olomouc (muž, 1884)

Drahlův je vesnice, část obce Charváty v okrese Olomouc. V roce 2001 zde trvale žilo 254 obyvatel.

Máme vic práce na víminko jag dříf. Náhodú neska niňi žádná práca. Stařenka bele na Sfatim Kopečko. Jak přijele s púťi, tag děti čekale co dovezú. Malá sem neska otekla sama, bela zvyjedavá co ji stařenka donesú. One majú obje stařenko ráde! –

Mám domeg a pole, tož nisú to žádní příme. Vedle to sú mali leďi, tag berú starobňi. – Mňe bavit decki •opchot: kúpiť prodati, kupiti prodati! – Dvá se_ešče zhodnú, ale jag jož je jich šest, dite pokuji! –

Voda se nám pokazela jag bele te dišče. Hasiči nám jo cúďile stříkačkú. Drahlo_vodo¹ nemá, nám jo pompujú z Morave do beček – a prúďi nová. Tade je selni prút.

¹ Drahlov vodu...

(Z rukopisné práce D. Flašarové.)

Z Rašovic na Slavkovsku, okr. Vyškov (muž, 1841)

Obec **Rašovice** se nachází v okrese Vyškov v Jihomoravském kraji. Žije zde 688 obyvatel.

[O posvícení] *Otpoledňa se tancovalo před hospodó. Stárci tam nasipali f sobotu písku, udupali to, dali tam stole, muzikanťi si naštimovali¹ a hópalo se jedna dvje. Diž bilo horko, píva kolikrát_aňi nestačilo. – No, vožraléch – bilo, to víte, taki dost, ale takových tichéch. Otpoledňa musél bit pořádek a žádní scípáni a žádní bitki. Večir to bilo neco iního. – Starosta anebo radňi na hodi nemňél aňi chřilku pokoj.*

¹ naladili

(Ze stati A. Gregora ve sborníku Slavkov 1805 a dnes)

Z Rataj okr. Kroměříž (žena, 1903)

Obec **Rataje** se nachází v okrese Kroměříž ve Zlínském kraji. Žije zde přibližně 1 200 obyvatel.

(Paňímámo gde idete?)

Ale sinku, mám vzító řepu důle_u potoka., •ešče mne zbévajó tak tři řátki_a budu z_okopáfkó hotová. Chtiela bich to dnez dođelat, •ale nevím_esi mñe nezažené díšč.

(Co váz napadá, dnez nebude přšet!)

Ále čechman temu vjeř, na_otpoledňe pře só hlášení bórki. Mohlo bi to_ešče počkat! Dibi se dalo na díšče, toš tá tráva poroste •a bude to tam jag les, tá lebeda. – Od Havláka_u_se kaboňi, já rači pudu, ađ neco uđelám. – A ti neseđ ve dveřách •a nemaluj si jag malé kluk!

(Z rukopisné práce V. Vodici.)

Z Nechvalína u Kyjova, okr. Hodonín (žena, 1901)

Nechvalín (německy *Nechwalin*) je obec v okrese Hodonín v Jihomoravském kraji, 6 km severovýchodně od Kyjova. Žije zde 345 obyvatel.

Dneskaj sme mlátíli cepama. Nechali sme si na cepi enom sedň dvanástek, tag uš sme to dneska vimlátíli fšecko, u_sme to aji fukarovali. Náš potvora aňi nechtiel mlátít, pořá_ce vimlólvál, že ho przd bolí! On to nerá_đelá, no! – Zétra budu prat, ale mám strach, gde to budu sušit. Na húře¹ to nende, tó_máme jetelini, tó zas slámi plnó, tag nevím. Ježišmarja, to je čas! V neđelu začalo přšet, a furt přší! Co ťi liđi, keři fčil mlátíjój mašínó venku!

¹ na půdě

(J. Bělič, Hláskosloví obce Nechvalína, s. 32)

5. ВОСТОЧНО-МОРАВСКИЕ (МОРАВСКО-СЛОВАЦКИЕ) ГОВОРЫ

5.1. Территория распространения восточно-моравских (моравско-словацких) говоров

Общее представление о месте восточно-моравских (моравско-словацких) говоров в общей массе чешских диалектов дает карта Яромира Белича, обозначившего восточно-моравские (моравско-словацкие) говоры цифрами от 9 до 12:

9. Jižní (slovácká) podskupina.
10. Severní (valašská) podskupina.
- 10a. Severní pomezí severní podskupiny.
11. Západní okrajové úseky.
- 11a. Severní (hranický) úsek.
- 11b. Nářečí kelečské.
- 11c. Nářečí dolská.
- 11d. Dolský typ s dvojhláskami *ej, ou*.
12. Kopaničářská nářečí [Belič 1972].

Итак, в рамках восточно-моравских (моравско-словацких) говоров можно выделить два крупных диалектных массива, а именно южную подгруппу (slovácká) и северную подгруппу (valašská). Вдоль западных

границ этих двух массивов располагаются западные периферийные моравско-словацкие говоры, а к юго-востоку южной подгруппы – копанчаршские говоры.

5.2. Восточно-моравские (моравско-словацкие) говоры в их отношении к иным чешским говорам

Наиболее характерными фонетическими особенностями восточно-моравских (моравско-словацких) говоров являются следующие:

1. Среди согласных фонем в большинстве говоров представлена пара $l - l$, встречаются фонемы z, \check{z} , слогообразующие $ḷ$ ($ḷ$), $ṛ$ могут быть также и долгими – $ḷ$ ($ḷ$), $ṛ$. Весьма распространены мягкие губные p', b', m', f', v' в их противопоставленности твердым, в меньшей степени слогообразующий $ṇ$. В отдельных говорах могут отсутствовать \check{r} , иногда \check{l}, \check{n} .

2. Наборы кратких и долгих гласных фонем, как правило, пятичленные, а именно ($i, e, a, o, u - i, é, á, ó, ú$) или же ($i/y, e, a, o, u - i/y, é, á, ó, ú$) – с выразительными фонетическими реализациями краткой фонемы i/y и долгой фонемы i/y . В некоторых наречиях сохранено противопоставление $i - y$ (a) и $i - y$ как самостоятельных фонем, так что наборы кратких и долгих фонем там шестичленные. В отдельных говорах мы находим иные наборы долгих фонем, с дифтонгами ej, oi или только с дифтонгом ej , очень редко с дифтонгическими вариантами $ie, ja, uo, ju / ié, já, uó, jú$.

3. Мягкие $\check{l}, \check{d}, \check{n}$ в большинстве говоров распространены так же, как и в наречиях центрально-моравских. В тех же говорах, где они отсутствуют, на их месте мы находим s, z , или же t, d (в последнем случае мы находим также n на месте \check{n}).

4. В тех говорах, где представлена оппозиция $l - l$ в качестве оппозиции самостоятельных фонем, фонему l (в некоторых говорах её фонетическая реализация выглядит как u) мы находим перед историческими a, o, u , перед рефлексами исторических $y, o, ь$, тогда как фонему l (в некоторых говорах l') – перед историческими $i, \check{e}, e, \check{e}, ь, *lj$, например, *hlava, húpá, napoli* ‘наполовину, пополам’, *dútek... × list, les, tele/tela, chvíla*.

5. В тех говорах, где представлены мягкие губные, они встречаются перед историческими $i, é$, перед праславянским $*e$, после которого не следовал твердый зубной, а также на месте исторического сочетания губного с j , например, *b'iṭ, p'ena, m'eký, zv'adnúť*. В большей части моравско-словацких говоров мы находим лишь рефлексы мягких губных

(*pj, bj, tñ/mj*) в принципе в тех же условиях, в каких они представлены в говорах центрально-моравских.

6. Следов мягких свистящих в восточно-моравских (моравско-словацких) говорах нет, как их нет ни в центрально-моравских, ни в собственно-чешских говорах.

7. Фонема в принципе занимает в фонетической системе такое же место, что и в центрально-моравских (ганацких) говорах, при этом число употреблений содержащих данную фонему слов увеличивается при движении к востоку.

8. Фонемы *ʒ, ʒ̣* функционируют в большинстве восточно-моравских (моравско-словацких) говоров приблизительно так же, как и в части центрально-моравских (ганацких) говоров. В некоторых говорах, однако, мы наблюдаем *ʒ* на месте праславянского **dj*, например, *cuží, hráza, meza, sáza*; императивы *jez, jezme*.

9. Слогообразующий *l̥* (*l̥*) и сочетания *lu, lú* на месте праславянских *l̥, l̥* в большинстве восточно-моравских (моравско-словацких) говоров встречаются в целом в тех же позициях, что и в собственно-чешских, а также центрально-моравских (ганацких) говорах, например, *plná, vlk, vřča, dluh, stúp*. Тем не менее, в отличие от названных говоров, в положении после *k, h, ch, č, ž* в некоторых словах мог сохраниться *l̥* (*l̥*), а также *u* (< *l̥*), например, *klzat/klzat, klznat/klzňat/kuzňáⁱ, hlboká/hlboká/huboká cesta, chl̥p/chup, žltá/žltá/žutá*. В части говоров сохранились твердые слогообразующие *l̥, l̥* включая те из них, которые получились из отвердевших *l̥, l̥*, например, *dľh, stúp/sľp*. Скорее всего, к этим случаям можно отнести и примеры *duh, stúp*, встречающиеся на территории, где *l̥* фонетически реализуется в виде *u*. Конечный *-l* (*-l*) причастной формы после согласного в большинстве восточно-моравских (моравско-словацких) говоров сохранился в виде слогообразующего *l̥* (*u/l̥*), однако в некоторых говорах на его месте мы находим неслоговой *l* (*u/l*) в комбинации с гласным, например, *vedl̥/vedu/vedl̥; védél/védéu/vjédól/védhu*.

10. Восходящий к поздним праславянским *r̥* и *r̥'* слогообразующий *r̥* (*r̥'*) представлен не только в примерах типа *brzo, krk, trňi/trňi, vrba/vrba*, но также, хотя и непоследовательно, в положении после согласного *ž* и после группы *šč(št)*, например, *žrna, žrtka, ščrbina/štrbina, ščrk/štrk*. Лишь после *č* мы находим *er* (*ér*), например, *čert, černá/čěrná*.

11. Слогообразующий *ŋ* встречается в некоторых моравско-словацких говорах в тех же позициях, что и в центрально-моравских (ганацких) говорах.

12. Исторические *u* и *ú* в части рассматриваемых говоров, как и в литературном чешском языке, совпали с *i* и *í*, в части говоров сохранились в качестве выразительных фонетических вариантов фонем *i* и *í*, в

части говоров сохранились в качестве самостоятельных фонем, например, *kobila, zima, tři / ryba, kobyła, zyma, tři; bik, striček, starí, cítit, říkat / býk, strýček, starý, cytít, řýkat* и т.д. Лишь в некоторых периферийных говорах на месте исторического *ý* (*i*) мы находим *ej* (*é*).

13. Исторические *u* и *ú* (в том числе из праславянского *o*) в положении после твердых, а в значительной части случаев также и после мягких согласных сохранились, например, *dub, ruka, břuch, kožuch; húser, múka, cůdít/-t*; 3-е лицо мн. числа *nesú, kupují*. Лишь в отдельных периферийных говорах на месте *ú* мы находим *ou*.

На месте исторических *u* и *ú* в положении после мягких согласных мы можем находить также *i, í* (*y, ý/ej*), при этом, аналогично ситуации с центрально-моравскими (ганацкими) говорами, число перегласованных форм убывает по мере того, как мы продвигаемся на восток, например, *cítít/cy'ít × cizi/cyzý || cuzi/cuzý/cuzí, lidí/lidé || ludé*. В некоторых говорах на месте исторического *ú* в положении после мягких и исторически согласных мы находим дифтонг *iu/íu*.

14. Старый краткий *e* (в том числе возникший из *ě*) сохранился, в большинстве говоров сохранился и долгий *é*, например, *ešče, třebas, ňemá; délka, mléko, kamének, lémes*. На месте долгого *ě* в большинстве говоров представлен *i* (*ý/ej*), например, *míra, písek; hřích/hřých; tríska/trýska*. В некоторых говорах *i* (*ý*) встречается также и на месте исторического *é*, а в части говоров на месте долгого *é*, а отчасти и долгого *é* представлен дифтонг *ie/íé*.

15. Исторический краткий *o* сохранился, на месте долгого *ó* в большинстве говоров находим долгий *ú*, лишь в периферийных говорах на месте старого *ó*, как и на месте старого *ú* мы находим *ou*, в в копаничаршских говорах – дифтонг *uo/uó*.

16. Исторические *a* и *á* (в том числе из праславянского *e*) после твердых, а в большинстве случаев также и после мягких согласных сохранились, например, *had, obraz, blázen, dávno; jahoda, jama, játra*. В большинстве говоров не изменилось и сочетание *aj*, например, *krajcír/-ýř, najdelší/-ý, daj*. Перегласовка исторических *ä, a'* в *e, í* (*ý/ej*) представлена в западных периферийных говорах в том же объеме, что и в соседних восточных центрально-моравских (ганацких) говорах, при движении на восток количество перегласованных форм уменьшается, например, *házál – házat/-t, rozvázál – rozvázat/-t, ležat, pršat | lezá^t, prša^t, jasle, laknút/-t sa; kuřa, hříbj/a/hřýbj/a/hřýb'a*; родительный и винительный падежи *mňa/mja/m'a>, tá, sa; ze staveňá / stav'ěňá*. В ряде случаев, однако, перегласованный вариант расширен на всю или почти всю территорию моравско-словацких говоров, например, *itrňica, píď, zajíc/zajic*. Сюда относятся и результат морфологического выравнивания форм типа

smít/-ť sa – smil sa; hřít/hřýt; přít/přýt; zapřihnút/zapřyhnutí. В копаничаршских говорах на месте долгого *á* после мягких согласных мы находим дифтонг *ja/já*.

17. В примерах типа *prah, blato, rana*, творительный падеж *nama, vama*, инфинитив *bit, dat, chĕt (chcet’)/byť, dať, chĕť (chcet’)* в восточно-моравских (моравско-словацких) говорах представлены краткие гласные, как и в говорах центрально-моравских (ганацких).

18. Ассимиляция *sh- > zh-*, а также сохранение групп согласных *šč* и *žž* сближает восточно-моравские (моравско-словацкие) говоры с центрально-моравскими (ганацкими).

В области именного словоизменения следует отметить следующие особенности восточно-моравских (моравско-словацких) говоров.

19. Соотношение между твердыми и мягкими типами склонения существительных в восточно-моравских (моравско-словацких) говорах с целом такое же, как и в центрально-моравских (ганацких) говорах.

20. Имена существительные типа *hostĕ, kořeň, lokeť, kůľňa, pekárňa, Máňa, Ľada*, а на большей части территории также и существительные с основой на *-s, -z* изменяются по мягким типам склонения, имена существительные с основой на *-l* в большинстве говоров изменяются по твердому типу.

21. Окончания форм творительного и местного падежей единственного числа мужского и среднего рода твердого склонения прилагательных в большинстве говоров не совпадают, ср. *o starĕm × ze starim’-ým (-ejm)*. В отличие от центрально-моравских (ганацких) говоров, в восточно-моравских (моравско-словацких) говорах последовательно различаются также окончания творительного и местного падежей местоимений, например, *o tem/tom/tĕm, našem/našĕm × s tím/tým/tym, naším/našým/našym*.

22. В позиции именительного падежа множественного числа окончание согласованного с одушевленным именем существительным прилагательного или местоимения твердого типа склонения отличается от окончания того же прилагательного или местоимения, согласованного с неодушевленным существительным мужского рода, равно как и с существительным среднего или женского рода, например, *ťi naši starĕťi naši starý... × ti/ty naše staré*.

23. В позиции творительного падежа множественного числа в большинстве восточно-моравских (моравско-словацких) говоров основным падежным окончанием является, в отдельных говорах, однако, встречаются и вариант *-mi/-m’i (-ami/-ámi...)*, например, *břehami, horami*.

В области глагольного словоизменения следует отметить прежде всего следующее:

24. В большинстве восточно-моравских (моравско-словацких) говоров форма 1 лица единственного числа глагола *být* выглядит как *sem* (*sym/som*) только в составе аналитических форм прошедшего времени, в экзистенциальном же значении, а также в позиции глагола-связки она выглядит как *su*. Тем не менее в части говоров оформление *sem* (*sym/som*) является универсальным.

25. При образовании аналитических конструкций 1 лица единственного и множественного числа прошедшего времени форма глагола *být*, как правило, не выпадает, даже если значение лица уже выражено местоимением.

26. Глаголы, у которых формы императива 2 лица единственного числа оканчиваются на *-i*, формы императива множественного числа оканчиваются в некоторых говорах на *-eme/-emy*, *-ete*, в некоторых – на *-ime/-imy/-ima*, *-ite/-ite*.

27. Страдательные причастия представлены только в полных формах, например, *je zametené, máme podělané*.

28. Деепричастие настоящего времени, как в в центрально-моравских (ганацких) говорах, представлен ограниченно, например, *choďa, stoja, buďa/biďa.../buďacy, m'ejacy, p'řyďacy*.

Помимо отмеченного, для всех или почти для всех восточно-моравских (моравско-словацких) говоров характерно следующее:

29. Огласовки местоимений и наречий типа *negdo, neco, negde*, противопоставленные собственно-чешским огласовкам типа *ňegdo, ňeco, ňegde*.

30. Последовательное звонкое произнесение парных по звонкости/глухости согласных в конце слова перед гласными и некоторым согласными, а также на морфемном шве в примерах типа *chlab ani; nůž nechcu; g mostu; kubme / kubmy; zme/zmy*.

31. Отсутствие протетического *j-* перед *i* в начале и середине слова, например, *it/it'ý, iskra/ykra, idlo, přeinačit, podoit, zaic*.

32. Отсутствие протетического *v-* в начале слова и на морфемном шве, например, *oheň, on, zaopatřit/zaopatřít*.

33. При преобладании результатов перехода праславянского **ǣ > ... > í* перед формообразовательным суффиксом инфинитива в словах типа *začít*, наличие, тем не менее, и форм инфинитива типа *začat, zapjat, požat / začat*.

34. Долгий *ó* перед *j*, частично также и перед *ň* в примерах типа *dóji – dójit/-t, hnóji, hóňi, zvóňi, bóji sa, stóji*.

35. Продление последнего гласного основы перед суффиксом элого причастия в формах мужского рода типа *bít/byl, vidět, volát* × *bila/byla, viděla, volala*. У глаголов первого класса с основой на согласный, а нередко и у глаголов второго класса это продление происходит и в прочих формах, например, *nést/něsu/něšlu/něseu/něseu* – *něsla/něsua, minul – minula*.

36. Окончание *-u* форм родительного падежа единственного числа у существительных мягких типов склонения, например, *plaču, s kraju, čaju, kúřu*.

37. Окончание *-om* формы дательного падежа множественного числа существительных мужского и среднего рода, например, *súsedom, pekařom, břehom; mňestom/mjestom/m'estom*.

38. Окончание *-och (-óch)* формы местного падежа множественного числа существительных мужского и среднего рода, например, *súsedoch, pekařoch, břehoch, kamnoch, vajcoch*.

39. Частое словоизменение существительных типа *staveňi* по образцу *srce* или *stádo*, например, *ze staveňa, do obila, ke staveňu*.

40. Выравнивание окончаний родительного, дательного и местного падежей твердого склонения прилагательных и местоимений по типу *s tej druhej / s téj druhěj; na tej druhej / na téj druhěj*.

41. Случаи выравнивание форм местоимений мужского и среднего рода по образцу твердого склонения прилагательных, например, *tích, tím, tíma / tých, tým, týma; jedného, našého, jedněmu, našému*.

42. Формы родительного и дательного падежей единственного числа и творительного падежа множественного числа притяжательного прилагательного *jejich* с вторичными окончаниями *-ho, -mu, -ma* соответственно.

43. Преобладание нестяженных форм местоимений *můj, tvůj, svůj* типа *mojeho/mojého, mojemu/mojém(u), moja, tvoja/tfoja, mojej/mojěj/mojí*.

44. Различение одушевленности/неодушевленности формами числительных *dvá, obá* × *dva, oba, třé, štiřé (štyřé) / tři, štiři (štyří) × tři, štiri/štiři (štyry/štyří)*.

45. Форма 2 лица единственного числа глагола *být* в виде *si/sy*.

46. Форма 3-го лица множественного числа глагола *chtít* в огласовке *hcú*.

5.3. Южная подгруппа восточно-моравских (моравско-словацких) говоров

5.3.1. Территория распространения южных восточно-моравских (моравско-словацких) говоров

Южная подгруппа восточно-моравских (моравско-словацких) говоров занимают большую часть так называемой Моравской Словакии (Slovácko), от города Břeclav на юге почти до городов Zlín (1949-1989 Gottwaldov) и Valašské Klobouky на севере. Западная граница проходит по линии Kujov – Veselí-nad-Moravou – Uherské Hradiště – Napajedla, восточная граница, исключая копаничаршский сектор, совпадает с государственной границей.

5.3.2. Наиболее характерные особенности южных восточно-моравских (моравско-словацких) говоров

Все или почти все говоры данной подгруппы характеризуются следующими особенностями:

1. Так же, как и в большинстве центрально-моравских говоров, представлены лишь рефлексy мягких губных в таких примерах, как *pjekná, bježat, mňesto/mjesto; hotúbja, hřibja – hotúbjata, hřibjata; pod zemňú/pod zemjů*. В большинстве говоров рассматриваемой группы на месте исторического мягкого представлено сочетание *mň*, лишь в некоторых из них, особенно на самом юге, можно встретить также и *mj*.

2. Исторические гласные *y* и *ů* совпали и фонологически, и фонетически с *i* и *í*, наборы кратких и долгих гласных фонем пятичленные.

3. В родительном, дательном и местном падежах единственного числа притяжательных местоимений представлены формы типа *tojej / tojěj, našej*.

4. Формы 1-го лица множественного числа всех глаголов оканчиваются на *-me*, хотя наряду с ними могут встретиться и формы, оканчивающиеся на *-m*, например, *neseme* || *nesem, prosíme, voláme*.

5. Инфинитивы оканчиваются на *-t*, например, *nést, péct, volat*.

6. При образовании зловых причастий от глаголов с суффиксом *-ni-*, этот суффикс может опускаться чаще, чем в литературном чешском языке, например, *uschť/uschu/uschéčy*. По аналогии могут образовываться формы типа *pohť/pohu/pohéčy sa* (|| *pohnůl sa*), *usť /usu* (|| *usnuť*).

7. При образовании конструкций 2 лица единственного числа прошедшего времени формы глагола быть выступает исключительно в форме *-s (-z)*, например, *dátz mu to?, sám sis to uđelal*.

8. Из фонетических явлений, выразительно различающих отдельные говоры внутри данной группы, следует отметить различные фоне-

тически реализации пары *l – l*. В большинстве говоров нетвердый *l* фонетически совпадает с представленным в литературном чешском языке центральноевропейским *l*, лишь на части территории он произносится как мягкий *l'*. Что же касается твердого *l*, то в одних говорах он произносится с помощью кончика языка, в других же реализуется как *ɥ*, способный сливаться с соседними *u*, *ú*, например, *hɥava*, *paɥípat*, *húpí* ‘hloupy’, *stú* ‘stúl’, *hut*, *hutat*.

В закрытых анклавах пару *l – l* замещает одно *l*, как правило, более мягкое, чем в литературном чешском языке.

На севере мы можем обнаружить также старые слогообразующие *ɥ*, *ɥ* в формах типа *dɥh*, *chɥp*; *dɥhí*, *stɥp/sɥp*, давшие в говорах южнее (в том числе и там, где *l* не реализуется в виде *ɥ*) формы типа *duh*, *chup*; *dúhi*, *stúp/súp*.

Конечный *-l* причастной формы всегда произносится, например, *védɥ/védu/védɥ*. На самом юге встречаются формы типа *védéu*.

В области морфологии отдельные говоры южной подгруппы различаются между собой следующими особенностями:

9. В южной части рассматриваемой подгруппы говоров форма винительного падежа множественного числа одушевленных существительных, а также согласованных с ними прилагательных, местоимений и числительных, совпадает с формой родительного падежа (*Máme dobrích súsedú*; *Držívaɥ dvoch pachoukú*), в северной же части не совпадает.

10. В южной части рассматриваемой подгруппы говоров форма именительного падежа единственного числа мужского рода притяжательного прилагательного, выражающая принадлежность лицу мужского пола, имеет вид *bratrív*, тогда как на севере она будет выглядеть как *bratrúj* или как *bratru*.

11. В северных говорах в числительных типа *tři sta* или *pjet set* входящий в их состав элемент *sto* изменяется, как и в литературном чешском языке, в говорах же на юге он может оставаться неизменным.

12. Формы 3 лица множественного числа глаголов четвертого класса в небольшом анклав южнее города Uherské Hradiště выглядят как *prosí*, *leží*, *umí*, тогда как в говорах южнее преобладают формы типа *prosá*, *ležá*; *umňá/umjá*, в анклав южнее города Kujov – формы *prosíja*, *ležíja*, *umíja*, а с запада проницает окончание *-jíj*.

13. Глаголы, формы императива 2-го лица единственного числа которых оканчиваются на *-i*, образуют формы множественного числа в южной части рассматриваемой территории с помощью *-ime*, *-ite* (*pošlime*, *pomodlite sa*), тогда как в северной части – с помощью *-eme*, *-ete* (*pošleme*, *pomodlete sa*).

14. Formy imperativa и деепричастия глагола *být* в южных говорах рассматриваемой подгруппы выглядят как *biď, biďme, biďte; bída, v severních говорах – как buď, buďme, buďte; buďa*.

5.3.3. Образцы южных восточно-моравских (моравско-словацких) говоров

Z Kunovic, okr. Uh. Hradiště (muž, 1878)

Kunovice (německy *Kunowitz*) jsou město v okrese Uherské Hradiště ve Zlínském kraji, 3 km jižně od Uherského Hradiště na řece Olšavě. Žije zde přibližně 5 500 obyvatel. Spolu s Uherským Hradištěm a Starým Městem tvoří městskou aglomeraci s 38 tisíci obyvateli.

A ďi húpáku, že sa ťi chce pořá_ca matrovat¹ a uťamat si huavu! Stejnak •umřeš – a nač ťi to potom bude? Co po chůpostách! Já biy nat tima kniškama nesedeu_aňi za nic. Tak sklénku slivovice, to •aha! Misli_že nat kniškama něco vištuduješ lebo vimisliš? Já ťi řeknu že nič! To zaz já diš si sednu ke Kučerovi •a_on postaví přede mňe žídlík těj haúskovéj² – íha, to sú potom mišlénki, aňi sa neptaj! To jag dibi na mňe zestúpiu_duch svatí. Na mú dušu! To ťi ně řeč •ide lepší jag velebném pánovi.

¹ namáhat ² slivovice

Z Rohatce, okr. Hodonín (žena, 1893)

Rohatec (německy *Rohatetz*) je obec v okrese Hodonín v Jihomoravském kraji, 5 km severovýchodně od Hodonína, při řece Moravě a hranici se Slovenskem. Žije zde přibližně 3 400 obyvatel.

Teda tím hastrmanom naši stařícké vjeřili! – Naši tatíček šli – od muziki, a mjeli kosírki,¹ víte, pječné dlúhé, a fčilkaj šli – a fčilkaj idú – šupi šupi šup! negdo za ěnima. Ohlédnú sa, ěnic! Zas šli, a zas šupi šupi šup! Bíl vjetr. – No_a, fčilkaj sa dali utekat. No_a to šupotalo za ěnema_ešče vjec. Zas sa děvali, a žádného nebilo. A vidá: mjeli za klobúkem kosírki, a ti kosírki – to tak šupotalo!

¹kosárky za kloboukem

(Zaznamenali R. Šrámek a J. Balhar)

Z Lanžhota, okr. Břeclav (muž, 1910)

Lanžhot (německy *Landshut*) je město v okrese Břeclav v Jihomoravském kraji, 7 km jihovýchodně od Břeclavi, na trojmezí Česka s Rakouskem a Slovenskem. Je nejjihnější položeným moravským městem. Žije zde přibližně 3 600 obyvatel.

Bíu to díž bíuĵ hodi. Jéu auto, vézuo truhlu do márnice. A fčile pravda začauo pršat. Šéu pocesní, no_a zastavíu teho šofěra, obi ho zvézeu. A_on povídá: Tadi u_sme třé napředu, povídá, gde tá zvezem? Vile_si hore! – No_a pršauo, né? No tak si vlézeu hore, otkříu truhlu a vlézeu do truhle. A fčilka jéu. – Na další česě potkali – cigáňi šli z hodú. Měneli basu, husle, né, hráli. Jak cigáňi – chodili po tí_hodoch. – Zveste nás! – No tak povídá, vileste si! Také furt pršauo. Tak si vilézli na tento – a jéli. No_a pravda, cigáňi sa velice bójá umřúich, mrtfého, víte. Ten uš tam bíu_f téj truhle dúho skovaní, tak sa naziráu ven – a hú hú! cigáňi viskákali.

(Zaznamenali J. Balhar a R. Šrámek)

Z Charvátské Nové Vsi, okr. Břeclav (muž, 1898)

Charvátská Nová Ves (chorvatsky *(Hrvatska) Nova Ves*, německy *Ober Themenau*, v místním úzu *Charvacká*) je místní část Břeclavi, na severozápadě města. Původně samostatná obec osídlená chorvatskou kolonizací v 16. století, do roku 1920 součást Dolního Rakouska. K Břeclavi byla připojena spolu se sousední Poštornou v roce 1974.

Já sem vivážau drevo z lesa. Tam bíu správec, náblesňi, já sem tam bíu u něho jag doma. Jak napadu sňich, já sem moséu odhrěnat, abi děťi mohli do

škole. Potom se mñeu nějaké pole, keď¹ nebižo vivážaňi. Jedním koňem ze saňama sem jezďiž a já sem vivězu pjet sto metrů dreva, co bižo suoženě v lesi v metrech. Na šest sto metrů sem vivězu kažďi rok dreva. Tak sem sa přepracovau. Keď sem mněu mážo dreva, tak sem išěu ke správčovi a reku sem mu, ze nemám aňi psa čím vhnat. On povídá: Řekňite hajněmu, on vám dá.

¹ když

(F. Svěrák, Nářečí na Břeclavsku, s. 179)

5.4. Северная подгруппа восточно-моравских (моравско-словацких) говоров

5.4.1. Территория распространения северных восточно-моравских (моравско-словацких) говоров

Северная подгруппа восточно-моравских (моравско-словацких) говоров лежит к северу от южной подгруппы и территориально приблизительно совпадает с так называемой Моравской Валахией, расширенной за счет окрестностей деревни Luboměř (нем. *Laudner*) и поселка Spálov в районе города Nový Jičín, будучи ограничена с юга южной подгруппой восточно-моравских (моравско-словацких) говоров, с запада – центрально-моравскими (ганацкими) говорами, с севера – силезскими говорами, с востока – говорами словацкими.

5.4.2. Наиболее характерные особенности северных восточно-моравских (моравско-словацких) говоров

Во всех или почти всех говорах северной подгруппы восточно-моравских (моравско-словацких) представлены следующие особенности, отличающие их от говоров южной подгруппы:

1. Наличие мягких губных *p'*, *b'*, *m'*, *f'*, *v'* или их рефлексов (*pj*, *bj*, *mj*, *fj*, *vj*), например, *mjesto*, *mjeký*.

2. Наличие *u*, *ú* в качестве отдельных фонем или же выразительных фонетических вариантов фонем *i*, *í* в положении после исторически твердых согласных, а также свистящих и шипящих, в соответствии с этим наборы кратких и полных фонем шестичленные или пятичленные.

3. Инфинитивы, оканчивающиеся на *-ě*, например, *něsě*, *pěcě*, *volaě*.

4. Образование форм 2 лица ед. числа прошедшего времени с помощью *sy* || *-s* (*-z*), например, *dál sy mu to?* || *dálz mu to?*

5. Формы императива и деепричастия глагола *být* выглядят как *buď*, *buďte*, *buďme*; *buďa* / *buďacy*.

К менее универсальным особенностям тех или иных говоров северной подгруппы восточно-моравского (моравско-словацкого) диалектно-го массива относятся следующие:

6. Формы типа *mojí, našů* в позициях родительного, дательного и местного падежей притяжательных местоимений женского рода в говорах, граничащих с говорами силезскими, и формы типа *mojej / mojěj* – в говорах на юге.

7. Формы индикатива типа *nesemy/ňesěmy, prosýmy, volámy* и императива типа *nezmy/ňezmy, prozmy* в говорах, граничащих с говорами силезскими, и формы на *-me / -m* в большинстве остальных говоров данной подгруппы.

8. Конструкции типа *má dobrůch sůsedů(ch)* в говорах, граничащих с говорами силезскими, и конструкции типа *má dobrě sůsedy* в южных и западных говорах данной подгруппы.

9. Формы 3 лица множественного числа типа *prosá, ležá, um'á/umjá* в говорах, граничащих с говорами силезскими, и формы типа *prosýja, ležýja, um'ija* в южных говорах.

10. Использование, наряду с «исходными» формами притяжательного прилагательного *bratrův/bratruv* в говорах, граничащих с говорами силезскими, форм типа *bratrůch*, а в южных и западных говорах данной подгруппы – форм типа *bratrůj* и типа *bratrů* (около городка Valašské Klobouky под Злином – несклоняемой формы *bratroj*).

11. При образовании эловых причастий глаголов типа *spadnůť* сохранение суффикса *-nů-* в формах мужского рода ед. числа при опущении его в других формах, например, *pohnůl – pohla, uschnůl – uschla*.

12. Твердый *l* почти во всех говорах северной подгруппы восточно-моравского (моравско-словацкого) диалектного массива артикулируется кончиком языка, лишь на севере он реализуется как *ц*. Нетвердый *l* почти во всех говорах реализуется как мягкий *l'*.

13. Исторические слогаобразующие *ǫ, ǫ'* в примерах типа *dǫh, chǫp; dǫhů, stǫp/sǫp* сохранились лишь в некоторых южных говорах данной подгруппы, в большинстве говоров представлены формы типа *druh, dluhů* (на севере мы встречаем также формы типа *žulč, žulty*).

14. В северных говорах мы также можем встретить рефлексы нетвердого слогаобразующего *ǫ* в виде *yl /^yl /^ol*, например, *pylnů / p^ylnů / p^olnů*.

15. В северных говорах данной подгруппы, аналогично говорам силезским и в отличие от говоров южных, отпадает конечный *l* эловых причастий, например, *věd × vědla*.

16. В большинстве северных говоров рассматриваемой подгруппы форма 1 лица ед. числа глагола *bůt* в функции глагола связки выглядит как *sem*, в отличие от южных говоров, где мы находим *su*.

В некоторых говорах мы находим конструкцию *něni sem, já sem něni*.

17. Достаточно далеко на юг – за город Vsetín – может проникать силезский тип ударения на предпоследнем слоге, вытесняемый, впрочем, обычным чешским ударением.

5.4.3. Образцы северных восточно-моравских (моравско-словацких) говоров

Z Horní Bečvy, okr. Vsetín (muž, 1910)

Horní Bečva je horská obec (nadmořská výška jejího centra je 505 metrů) v okrese Vsetín ve Zlínském kraji. Žije zde přibližně 2 400 obyvatel.

Já sem býl odjagžyva řšyvák. A dyž_zme byl'i ogařy slobodňi, tag zme chodil'i poty zál'etoch.¹ Hdysy zme sa vyprav'il'i skoršý. Strýz Ernes pod Opál'eným m'ěl'i takovú p'eknú cěru Hanču. Dyž_zme tam přyšl'i, nebyl'i_ešče po večěry. Práv'e dovařyl'i záťerky, a dal'i_iy z m'isú na prach_chladí. Náz nebylo třeba moz navádat, a tož_zme_im tú m'isu ukradl'i. Za chv'il'u pov'idajú tetka Rozyna strýcov'i: Ernesu, dí pom'íšať tým'i záťerky! – Nó toš strýz výšl'i, hl'edá po sýňi •volajú do kuchyňe. Ty stará, ty záťerkúch tu něňi!

¹ za děvčaty

(J. Bělič, V. Křístek, Moravskoslovenská nářečí, s. 21)

Z Bystřičky, okr. Vsetín (žena, 1888)

Bystřička je obec v okrese Vsetín Zlínského kraje. Žije zde přibližně 1 000 obyvatel.

A o tem sýře. Tož jak sa vydóilo, sa ml'éko přecedílo přes ceďílko. Potem sa dalo do toho ml'éka z lyšku gl'agy¹ a nechalo sa ml'éko stát, •aš sa skýšcylo. A potom sa rošvr'alo² a vystúp'ila žynčyca navry a sýr spadnúť dótu a sa žynčyca sl'éta. A sýr sa dál do šatky a zav'esýl, aby oték. A jag otkapalo to, toš sa to dalo do presa.³ To uš potem jak sa vytúžyl,⁴ býl sýr hotový. A potom sa vařyla Žynčyca na rend'íku. To_ešče našy vařyval'i tedy.

¹ asi lžice syřidla ² rozkvedlalo ³ do lisu ⁴ vylisoval

(Zaznamenal A. Vašek)

Z Kašavy, okr. Zlín (muž, 1863)

Obec **Kašava** se nachází v okrese Zlín ve Zlínském kraji. Žije zde 936 obyvatel. Rozkládá se v oblasti Západních Karpat, v údolí řeky Dřevnice.

To néjsú fčilej čase. Fčil sú zlaté čase! Vařilo sa kafé •enom v nájev'ečí svátky. No šag jak sem býl doma! Ešče ogarec!¹ – A to nebylo enom v našem dom'e, tá bída. Ta bída byla ve fšem, ve fšech chalupách. Ve fšech, aj u sedlákú. – Donesl sa škopeg do izby. Z vodú. A takový býl svícen – tam sa strčilo sv'eídlo •a tým sa sviúilo. Inačí sv'etla nebylo. A jeden mosél u toho stát •a opravjat to. – A dýmu! To zme sa aj nevidéli. A ráno dy zakašlál, takový kašél, jag dyby_uhlé vyplúú! Taková pane byla – nesnáza. A múj otec to dělál f každej chalup'e jakořka.² Strúhali ty sv'eídla.

¹ chlapec ² takřka, téměř

(Zaznamenal J. Chloupek)

Z Valašské Senice, okr. Vsetín (žena, 1883)

Obec **Valašská Senice** se nachází v okrese Vsetín ve Zlínském kraji. Žije zde 424 obyvatel.

[O sezónních pracích] *Choďila sem do Prešpurka¹ prvěj, vinohrady, obdeľafky. Z vesna² smy choďily dotú, smy nosily hnúj, dolovalo sa,³ •a přiřla*

zelená, smy plety a potom sa vázalo. To sa moselo pleť, pravda na nekerém révečku je hrozének. Na keřém nebýl, ten sa mosěl vyškubnúť. Zelená – ten pňík roste, révy, to sa mosí pleť. Já sem tam byla p'ed razú.⁴ A potom sa to šprycovalo,⁵ aby to nechýtilo nemoc. Víno smy dostávali, dycky tři deci kažďy deň. O dvu hodinách smy moseły stanúď a íď do vinohradu, taký kuz byly tý vinohrady. To tam byli prvěj samí Němci. Prvěj nebyły aňi autobuse a nič

• a vozili nás na vozi až do Bylňice anebo do Púchova.
¹ do Bratislavy ² na jaře ³ dělaly se důlky (?) ⁴ pětkrát ⁵ stříkalo, postříkovalo se

(Zaznamenala V. Michálková)

Z Horní Lhoty u Luhačovic, okr. Zlín (muž, 1898)

Obec **Horní Lhota** se nachází v okrese Zlín ve Zlínském kraji. Žije zde 585 obyvatel.

Diš sem bił na vojňe, bił sem jeđini človjek kerí řečnovál.¹ Ze stodvacíi luďi! Já nevím proč sem si tú řeč takovú zachováł. Ale já sem – mňe sa to lúbí skrátka! Náš poručig na mňa dicki volal místo ménem: Ten co řečnuje! – Tadi u náz ludé ešče dozď řečňuju! Ale mlaďi už né! Aňi kroj už nenošija! To už dávno né! Takovém pacholkovi sú m'escké šati milejši neš kroj! A cěrkám také! To ve Slopném sa ešče udržal kroj delej. Možná ešče dodnez ho negdo má.

¹ mluvil nářečím

(J. Bělič—V. Křístek, Moravskoslovenská nářečí, s. 22n.)

Pomezní nářečí z Palačova, okr. Nový Jičín (žena, 1864)

Palačov (německy *Palzendorf*) je vesnice, část obce Starý Jičín v okrese Nový Jičín. Nachází se asi 4,5 km na jihozápad od Starého Jičína. V roce 2009 zde bylo evidováno 93 adres. V roce 2001 zde trvale žilo 216 obyvatel.

Do Palačova sem přyšla, jag mi bylo dvaced rokúch, vjec teho nebylo. Ve dvaceti rokech sem sa vdala, a to sem pracovala na poli. Mjela sem dvaadvaced rokúch a byl první chlapec, druhá byla cërka, třetí byl zas chlapec, štvrtá cërka, tá zemřela mjela půlldruhého roku. – Toš potom byli ešče tře chlapcy a tři děfčata. Nemjeli zme velký majetek, chođila sem sedláakum pomáhat co majú hodně pola. Práce bylo dost, zdrava sem přytem byla, baj¹ sem byla spokojená.

¹ ba i, dokonce, úplně

(J. Skulina, Severní pomezí moravskoslovenských nářečí, s. 234)

Pomezí nářečí z Veřovic, okr. Nový Jičín (žena, 1872)

Veřovice (německy *Wernersdorf*, *Wernsdorf* či *Warnsdorf*) jsou obec ležící v okrese Nový Jičín v Moravskoslezském kraji, a zhruba 7 až 9 km západně od Frenštátu pod Radhoštěm a 13 km severovýchodně od Valašského Meziříčí. V obci žije přibližně 2 000 obyvatel.

Indá zm^o srpem žáli, aji patnázd žencúy b^olo. Fčil'ej – seče sa ze strojem nebo kosámi. To sa seče a ženský odbírú to zboží.¹ Otava, seno na pokos^o. Pokosy sa rozhazují hrabjami. Jedna dělá províska² dvěm – za dvěma sečcámi. Dává sa to aji na poklátky – ale to dávajú sušid dyž je to travné, hodně trávy f tym zboží. Toš sa to něchá na poklátky. Na to províslo sa to kládě. U ná sú malé snopy! Tudy pod horámi, tu sa nejyvez nadřem^o.

¹ obilí ² povřísla

(Z rukopisné práce Š. Bartošové)

5.5. Западные периферийные восточно-моравские (моравско-словацкие) говоры

5.5.1. Территория распространения западных периферийных восточно-моравских (моравско-словацких) говоров

Пояс западных периферийных восточно-моравских (моравско-словацких) говоров образуется двумя отделенными один от другого массивами – северным и южным.

Северный массив располагается от окрестностей города Hranice, города Kelč на севере до города Bystřici pod Hostýnem на юге, а также включает диалектный анклав между городом Holešov и деревней Žeganovice.

Южный массив, образуемый так называемыми дольскими наречиями, представляет собой неровный и местами довольно широкий пояс, тянущийся от окрестностей городов Kroměříž и Zlín на севере до бывших немецкоязычных территорий южнее города Hustopeče и до северо-западных окрестностей города Vřeclav.

5.5.2. Наиболее характерные особенности западных периферийных восточно-моравских (моравско-словацких) говоров

1. Основной изоглоссой, отличающей западные периферийные моравско-словацкие говоры от большей части моравско-словацких говоров, с одной стороны, и от центрально-моравских говоров, – с другой, является изоглосса *aj* > *ej*. В соответствии с этим *ej* в большей части моравско-словацких говорах мы находим *aj*, в говорах же центрально-моравских – *é*.

2. Мягкие губные в периферийных моравско-словацких говорах, как правило, отсутствуют.

3. Формы ед. числа мужского рода эловых причастий оканчиваются на *-ě* типа *veděl/věděl, nesěl/něsěl*, лишь в окрестностях города Kelč, а также у представителей старшего поколения северного диалектного массива встречаются также формы типа *vědělu, něsělu*.

При этом по ряду признаков говоры северного и южного массивов различаются. Например, для говоров северного (границкого) массива характерно следующее:

4. На месте исторического *m'* мы находим *mj*, например, *mjesto*.

5. Наборы из шести кратких и шести долгих гласных включают в себя *i, í* и *y, ý*, например, *biť, milá, víš* ‘ты знаешь’ × *byť, myla, výš* ‘выше’. При этом *y, ý* представлены не только после исторически твердых согласных, но также и после всех шипящих и свистящих, например, *chlapcy, nosyt, zuma; učyt, šydlo, žyvot, vjeřyt; cýtít, sýtko; žýdlo, přýkopa*.

6. Тенденция к унификации окончания местного падежа мн. числа существительных всех родов в виде *-ech*, например, *krávech, konvech*.

7. В позициях родительного, дательного и местного падежей ед. числа притяжательных местоимений женского рода представлены формы типа *mojí, nasej* (в окрестностях города Kelč преобладают, однако формы *mojej, nasej*).

8. У местоимения *já* в дательном падеже встречается, а в местном падеже преобладает огласовка *měi*.

9. Инфинитивы оканчиваются на *-ěí*, например, *nýsěl/něsěl, píěl/pěěl*.

10. Глаголы, формы императива 2 лица ед. числа которых оканчиваются на *-i* (*-y*), образуют императивные формы множественного числа типа *pošleme, pomodlete se*.

11. В речи жителей городов Hranice и Lipník nad Bečvou отсутствуют долгие гласные.

12. В окрестностях города Kelč, помимо уже отмеченного, на месте исторических долгих *y* и *ě* (в том числе из **e*) может встречаться дифтонг *ej*, например, *pejcha, počejtat, křežzek* || *pýcha, počýtat, křýžek; lejbit se* || *libit se; mjesejc, žejdlo, přejkopa* || *mjesýc, žýdlo, přýkopa*.

13. В келчских говорах можно встретить, наряду с долгим *ú*, также и дифтонг *ou*, например, *houser, mouka, nesou, volajou* || *nesú, volajú; hora, nouž, doutek* || *dútek*.

14. В южном массиве периферийных западных моравско-словацких говоров, традиционно называемых дольскими говорами, *y*, *y*, как правило, совпали с *i*, *i*. Лишь в западных районах города Zlín мы можем встретить противопоставление *y*, *y* и *i*, *i* как самостоятельных фонем, а в отдельных диалектных анклавах к западу от города Uherské Hradiště, к северо-западу от города Кујов, а также к востоку от города Klobouky u Brna на месте исторического *y* (в том числе и *y* < *i*) может быть дифтонг *ej*, например, *počejtat, křežzek; mñesejc, žejdlo, přejkopa*.

15. В большинстве дольских говоров на месте исторического *m'* представлено сочетание *mñ*, например *mñesto*, лишь в западных районах города Zlín можно встретить *mj*, например, *mjesto*.

16. Инфинитивы оканчиваются на *-t*, напр. *nest/nist/nést, pect/pict/péct*.

17. Глаголы, формы императива 2 лица ед. числа которых оканчиваются на *-i* (*-y*), в северо-восточной части южного массива образуют императивные формы множественного числа типа *pošleme, pomodlete se*, а в юго-западной части – типа *pošlime, pomodlite se*.

18. В то время как в северо-восточной части дольских формы императива и деепричастия глагола *být* выглядят как *biď, biťme/bidme; biďa*, в юго-западной части представлены формы *buď, buďme; buďa*.

19. В отличие от большинства моравско-словацких говоров, отсутствие озвончения парно-глухих согласных на конце слова и на морфемном шве в положении перед гласным или звонким согласным в примерах типа *chlap aňi necekl; núš nechcu; kupme, nemlufme; sme*.

20. В отличие от большинства южных моравско-словацких говоров, рефлексы исторических *l*, *l* в виде *lu/lu, lú(tou)/lú*, например, *dluh, chlup / dluh, chlup; dlúhí (dlouhej), slúp (sloup) / dlúhí, slúp*.

21. В большинстве дольских говоров в позициях родительного, дательного и местного падежей притяжательных местоимений женского рода преобладают формы типа *mojej/mojěj, našej*, хотя в некоторых говорах встречаются формы типа *mojí, naší*, а в некоторых (на самом юге) – типа *mojé, našé*.

22. В большинстве дольских говоров протетический *v-* перед *o-* отсутствует, хотя в говорах окрестностей поселка Šakvice он представлен, например, *voheň, von, zavopatřit*.

5.5.3. Образцы западных периферийных восточно-моравских (моравско-словацких) говоров

Z Hluzova u Hranic, okr. Přerov (muž, 1866)

Hluzov (německy *Hleis*) je severní část obce Černotín v okrese Přerov. V roce 2009 zde bylo evidováno 80 adres. V roce 2001 zde trvale žilo 235 obyvatel.

Hdysy byla celá dědina dřevjená. Třeba co sú ty dvje_okna. To_otez eš_če stavjál z vepřovic. Co já sem přystavovál, to je_uš s pálenej tíhly. Hluzov, to byla malá dědina. Co je po_tym křýžem, to je fšečko přystavený. —F poli sem se nađelát doš! Velké hospodárství sem spočátku nemjél. Potem sem sy přykúpil pola. V zýmje sem byl tkalcem a v lítě zedňikem pry hospodárství. V zýmje lidí přynesli prađu, •a toš plátno sem dělál. Staf se_mjél svúj. To se rukama házalo, to musél nohama. To se dycky jednu nohú •a druhú nohú. To se hođilo čtůnkem, pryražalo_a dělalo se plátno.

(Zaznamenal J. Skulina)

Kelečské nářečí z Komárovic, okr. Vsetín (muž, 1857)

Komárovice je vesnice, část města Kelč v okrese Vsetín. Nachází se asi 2,5 km na východ od Kelče. Trvale zde žije 141 obyvatel.

Vlašťoufky, ty_uš poleťá pryč. Zyma, to je na mje mořa!¹ V lítě to_ešče pronde. Slůnce, to je dobré. Horšý jak polág² začne fouká! Potem sednem uš ke kamnum. Už je fčyl ten deň kračý. Tej zymy, tej dyby račy nebylo! Tej se já bójím. Račy dvje leta •a jedna zyma. Cošpak mlaďí! Ach, ťi se tady vozá na leđe na křejkopje_a na Juhyňi³ na saňách. Nekerej vypáli •aji bosky ven.

Majou ho co hŏnit! Saňe má každej. Ale jag mo3 mete,⁴ nechce se žánđnému ven.

¹ trápení ² severní vítr ³ jméno říčky ⁴ je sněhová vichřice

(Z rukopisné práce S. Králíka)

Dolské nářečí z Kostelan nad Moravou, okr. Uh. Hradiště (muž, 1867)

Obec **Kostelany nad Moravou** je situována ve Zlínském kraji, nedaleko od Uherského Hradiště. Obec je součástí rozsáhlé rovinaté údolní nivy řeky Moravy. Žije zde 908 obyvatel.

Bejvál sem přejvoznejm. Převážejvál sem lidí přez Moravu, gde spíž bejvával přejvos. Obecňi vejbor ňe platíl enom pár grejcarou za rok. Mosél seⁿ _si proto na zivobití žháňad aj •inej vejďetek. Chodívál sen _do lesa na prŏutí _a s prŏutí sen _ďelál košejki. Jednou, to bilo _uz jaro. Sejkorki _a stehlejci v lesi spívali, slunečko hřejlo. Najednou viskočej na nebi o cvatého Antoňička taková lata¹ – a sipe _a sipe sňich. Napadlo ho po kotíki. Co fčil? Na nohách sem nemňél žánđních papučou. Bíl sem boski _a v nohi zábto. Toš seⁿ _spustíl gatíče² na kolena •a tak se _mňél nohi v nohavicách. A utěkál sen _dom.

¹ mrak ² kalhoty

(J. Bělíč, Dolská nářečí, s. 229n.)

Dolské nářečí z Medlovic, okr. Uh. Hradiště (žena, 1875)

Obec **Medlovice** se nachází v okrese Uherské Hradiště ve Zlínském kraji. Obec leží na jihovýchodním okraji Chřibů na rozcestí mezi Uherským Hradištěm a Kyjovem. Žije zde 456 obyvatel.

Ja te náš pán učitel je hodní! On je hodní človjek! Víte om pocházá s Trúbelic. Já •aňi nevím gde to je. Fčera dojel zaz uš •učit. Jag dliúho on tadi učí – no tři roki! A taki tři roki už u náz bívá.¹ Vhůní tadi sékl, aňi nebil doma, ale letoz bil doma. – Tadi tí dvá kluci, to sú moji ceri. A potom ešče děfčinu hrubú má, už má škoju vijitú. Tento Franta je z ñij ñimlači •a ta děfčica, Růženka, ta je ñistarší. – Ešče musím id mlátit, tak se nezlopte.

¹ bydlí

(J. Bělič, Dolská nářečí, s. 234)

Dolské nářečí z Bohuslavic u Kyjova, okr. Hodonín (žena, 1857)

Bohuslavice u Kyjova (německy *Bohuslawitz*) jsou místní část Kyjova, původně samostatná obec Bohuslavice (do roku 1980).

Di sem bila mladá, tag zme nosili jojki. To sú takoví boti, nemá to kramflíků, a takoví krátkí holínki. Potoⁿ sukňe, širokí, a kacabajki takoví: fředu zapnúť •a vzadu takoví šoški. Šak •ešče mám jednu f sekňici. Tá sukňa bila s pjeťi púlek. To se zešije spolem, a navrchu se to nabere. A potom marínki, ja gdo si kúpil, bílú •a takoví višívání, ale aji •inačí. V zímňe se nosili kožuchi, krátkí kožuchi. Ti bili žltí, černí, jakej gdo si kúpil. To se fředu •enom založilo á svázalo řemínkem. Enom navrchu bil takovej hruběj bombik¹ s kože •a zapínátko taki s kože •a tak se to taⁿ zapínalo. Vlíte teda bejvali marínki.

¹ velký knoflík

(J. Bělič, Dolská nářečí, s. 238)

Dolské nářečí z Podivína, okr. Břeclav (muž, 1874)

Podivín (německy *Kostl* nebo *Kostel*, případně *Podiwin*) je malé město v okrese Břeclav v Jihomoravském kraji, 8 km severně od Břeclavi. Žije zde přibližně 3 000 obyvatel.

Letoz budú mizerné žňa! Mňesíc cházá¹ třetí štvrtí deň. A právjje mňelo praží clunko! Ešče tag dese dní mňelo pražit! Obilí u se mňelo bjelat! Ukáška je velice pjekná, ale to počasí nefunguje! Indá na Petra_a Pavla •už bili mandele! – Dibi_aspoň tídeň sluničko svítilo, diť to žito je krásné! A' ječmeňe majú tadi pjekné kláski! Pšeňička jag bi sméto! Teď bi patřilo, abi se obilí zespodu vařilo_a zvrchu péklo. Ono to pořád roste do slámi, dokáá je to takové živé!

¹ měsíc schází

(J. Bělič, Dolská nářečí, s. 258n.)

5.6. Копаничарские восточно-моравские (моравско-словацкие) говоры

5.6.1. Территория распространения копаничарских восточно-моравских (моравско-словацких) говоров

Под копаничарскими понимают говоры двух десятков поселков, деревень и хуторов на расчищенных участках (kopaniče) склонов Белых Карпат вдоль границы Моравии и Словакии.

Узкий пояс копаничарских говоров тянется приблизительно от поселка Starý Hrozenkov на северо-западе до поселка Velká nad Veličkou на юго-востоке, возникшие в результате относительно недавней колонизации данного региона выходцами из Словакии.

5.6.2. Наиболее характерные особенности копаничарских восточно-моравских (моравско-словацких) говоров

Среди особенностей копаничарских говоров следует отметить прежде всего следующие:

1. Отсутствие ř, ср. *rezať/rezac/rezat, tri*.
2. Согласный z на месте *dj, например, *cuží, hráza, meza, jez* ‘ешь!’
3. Словоизменение по мягкому типу существительных с основой на -r, например, *ve dvori; dva dvore; do komore, fkomori*.
4. Форма 1 лица ед. числа глагола как в экзистенциальном употреблении, так и в качестве связки выглядит как *sem/som*.
5. Окончание -m в формах 1 лица ед. числа всех глаголов, например, *ňesem/nesem, začňem/začnem, kupujem*, в связи с чет окончание -me в формах 1 лица мн. числа также всех глаголов, например, *ňeseme/neseme*.
6. Окончание инфинитива на -ť или на -c, например, *ňésť/ňěsc..., lahnúť/lahnúc* за исключением говоров поселка Nová Lhota, в которых на месте любых *ť, ď, ň* представлены *t, d, n*, см. следующий пункт.

Во многих копаничарских говорах мы обнаруживаем следующее:

7. Мягкие *ť, ď, ň* представлены не только в положении перед *i* и перед историческим *ě* (в том числе *ě < *e*), но также и перед историческим *e* (в том числе *e < ь/ъ*), например, *ťetka, ďeň, ňeseťe*. В говорах поселка Starý Hrozenkov фонемы *ť, ď* отсутствуют, а на их месте представлены *s, z*, например, *setka, zeň, ňesece; cicho, zeci, zezina*. Фонемы *ť, ď* (а также фонема *ň*) отсутствуют и в говорах поселка Nová Lhota, в которых на их месте представлены твердые согласные, например, *tetka, den, nesete; ticho, deti, dedina, kone*.

8. Представлены двусложные сочетания *ié, iá, vuó*, а также дифтонги с неслоговым элементом в начале типа *je, ja, uo, ju / ié, iá, uó, jú*, например, *dobré mljéko / mljéko / mliéko; hriéch/hrjéch/hriéch; kuón/kvón/kvuón*.

9. Окончание творительного падежа ед. числа существительных мужского и среднего рода выглядит как *-om*, например, *z bratom, s kováčom, za oknom; s precedom*.

10. Окончание творительного падежа мн. числа существительных всех трех родов выглядит как *-mi -mi (-ami/-ámi)*, например, *s tími voľmi, pred dvacjatmi rokmi, z robámi*.

11. Формы ед. числа мужского рода эловых причастий глаголов с основой на согласный выглядят как *védél/védéu/viédél/viédéu/vjédól*.

12. Окончание родительного падежа мн. числа существительных твердого склонения *-óv/-uóv/-uov*, например, *súsedóv, pánoúv*.

13. Глагол *být* образует эловую форму *bol/boú* и конструкции с отрицанием *ňeňi som, ňeňis*.

14. Элемент *sto* в составе сложных числительных не изменяется, например, *osem sto korún*.

15. В некоторых копаничарских говорах отсутствуют не только мягкие губные, но даже и следы мягкости, например, *bežat'-t, město; holúba, hriéba; trpá* 'они терпят', *umá* 'они умеют'.

16. В говорах поселков Nová Lhota, Javorník, Suchov представлены формы 1 лица ед. числа прошедшего времени, образованные с помощью личной морфемы *-ch*, например, *jách akosi prebrau, samach to videca, nadaučach chuapom do lumpuof*.

17. На месте старого сочетания **cr'-* в северных копаничарских говорах представлены рефлексы *čer-* в словах типа *čerep, čerešňa, čerevo*, в южных – рефлексы *str-* в словах типа *strep, strešňa*.

18. Окончание именительного падежа множественного числа существительных мужского рода в северных копаничарских говорах может выглядеть как *-ovja* или как *-já* (*-'a*), например, *gazdovja, pánovja; luzja*.

19. В южных копаничарских говорах в позицию местного падежа ед. числа мужского и среднего рода прилагательных и местоимений

может проникать окончание дательного падежа, например, *o takovému starému chučaroví, o našétu precedovi*.

20. Конечный *-h* может выпадать, например, *bre, pámbó, padá šně*.

Рис. 6.

5.5.3. Образцы копаничарских восточно-моравских (моравско-словацких) говоров

Ze Starého Hrozenkova, okr. Uh. Hradiště (muž, 1886)

Obec **Starý Hrozenkov** se nachází v okrese Uherské Hradiště ve Zlínském kraji. Žije zde 795 obyvatel.

Prišól Slovák¹ a pítal sa mňa, čo bi robil, že bi rát chcel teho škrjatka.² Já som _mu povedal, vižeľ³ teho škrjatka, a vón _na to povedal, ze ho súdezi majú, že ho chital pres plot, a že mu ušól,⁴ že to bolo také kura _omočené. Já som _mu povedal, abi si vzal ot čjérnej sljepki vajco, a zevjaz dñi ho pot pazuchů⁵ nosil. A vón mi na to povedal, že •aj to _uš robil •a že mu puklo. Tedihle som _mu povedal, abi žebral vajcá _ot čjérnej sljepki •nasadil iy do konského hnoja. A vón mi na to povedal, že _aj to _už robil, len prišli psi _a vajcá vidrã-pali.

¹ člověk ze Slovenska ² skřítek, plivník ³ viděl-li, zdali viděl ⁴ utekl ⁵ pod paži

(Zaznamenal J. Chloupek)

Z Nové Lhoty, okr. Hodonín (muž, 1900)

Nová Lhota (německy *Neu Lhotta*) je obec v okrese Hodonín v Jihomoravském kraji, 19 km jihovýchodně od Veselí nad Moravou. Je to nejvýše položená obec Jihomoravského kraje (484 m n. m.). Žije zde 641 obyvatel.

Já Veličané – to uš sú mešťané, pravda – si s tích Lhotákú tak flágajú.¹ Posmechujú. Ale rás sa též dobehli. Боуо моz miší a ve Velkéj pret tím vikapali kočki. No _a praj de² teho kocúra, podme kúpíd nejakého, lebo tu kočku! Žebrali _obecní peníze _á richtár •aj z rádním •a šli. Kam? No na Uhri

nepuǝjdeme! Moseli bisme ist prez Lhotki, a Lhotáci co nám predajú? Sami nic nemajú! Tam f tǝy brehoch! Tak sa pustili prez Lipofski vry do Lipová, pres Tasof, pre Strážnicu, praj no: Je to bliš, puǝjdeme na Kúti a tam na Levare, do Rakús, kúpit to jag bi to³ pekného kocúra. Aj s kočkú. Dobrého plemena. No, dostali sa tam gdesi až do Obrňaštorfa, kúpili kočku aj s kocúrem.

¹ dělají žerty ² kde ³ buď jak buď
(Zaznamenala D. Rychnová-Klímová; přepsáno z knihy Horňácko, s. 538)

Ze Strání, okr. Uh. Hradiště (muž, 1873)

Obec **Strání** se nachází v okrese Uherské Hradiště ve Zlínském kraji. Rozprostírá se na jihovýchodě Bílých Karpat v údolí potoka Klanečnice na hranicích se Slovenskem. Žije zde přibližně 3 400 obyvatel.

Na Kopaňicách sem slúžil štiri roki, potem na Brezovej sem u Šimka pá-sel lítám •a_u Koliška v Olšofci dva roki. Potem u Překresťených tri roki s koňma, to budem vikladať. Vězel sem jedného kaplana_a prišli sme prez hori, a tan_ti koňe začali fr'kať •a dalej nechceli ist. No_a potom kaplan zlězel z vozika_a chitiť sa rospinka, a ti koňe cúfali dozatku furt, až jedňima rari skočili_a tag až navrch, a tam sa utišili. A ten kaplan bil mokri, celí sa unavil. Ale nevideli sme nič. O tom šag vikládali, že f tǝy místey bývali strašidla.

(Zaznamenal J. Chloupek)

Z Velké nad Veličkou, okr. Hodonín (starší žena)

Velká nad Veličkou (německy *Welka*) je obec v okrese Hodonín v Jihomoravském kraji na úpatí Bílých Karpat na říčce Veličce, 13 km jihovýchodně od Veselí nad Moravou. Žije zde přibližně 2 800 obyvatel.

Mi sme tam forštovali.¹ Je tam studénka. Ěj, povidá Janás, nepite vodi s téj studenki! Tož mi sme sa ptali proč. A on nám vikuádaŭ: Šěŭ skoro ráno — jag hájni — do hája, a tož dójďa sem, scěŭ sa napid vodi. Dójďa ke studénce

poďivau sa •a uvideu takí kopež jag džža hadú, a furd lézli_a križem sa tag vješali. Míriü na nich, ale báü sa vistrelit, protože biü sám. Potom lézēju takí velikí hat, viléžeu_a, prevézēju sa. Zebraü sem sa povidá, a tamten, tak sem zdríhau!

¹prosekávali mladý les

(Z rukopisné práce K. Klusáka)

6. ЧЕШСКИЕ СИЛЕЗСКИЕ (ЛЯШСКИЕ) ГОВОРЫ

6.1. Территория распространения чешских силезских (ляшских) говоров

Общее представление о месте чешских силезских (ляшских) говоров в общей массе чешских диалектов дает карта Яромира Белича, обозначившего их цифрами от 13 до 15:

13. Jižní (moravská) podskupina.
14. Západní (opavská) podskupina.
- 14a. Jižní a západní okrajové úseky západní podskupiny.
- 14b. Nářečí branické.
15. Východní (ostravská) podskupina.
- 15a. Nářečí hornoostravické.
- 15b. Úsek severohlučínský (s východním přesahem do Polska).
- 15c. Bohumínský úsek. [Belič 1972].

Силезские говоры распадаются на три подгруппы: южную (моравскую) подгруппу, западную (опавскую) подгруппу и восточную (остравскую) подгруппу.

6.2. Чешские силезские (ляшские) говоры в их отношении к иным чешским говорам

Силезские говоры характеризуются следующими особенностями в области фонетики:

1. В области консонантизма на всей территории представлены пара *l* – *l* и фонемы *ʒ*, *ʒ̣*, в большинстве говоров есть мягкие свистящие *s'*, *z'* (или же их рефлексy) в их противопоставленности твердым. Мягкие губные, напротив, встречаются лишь в окраинных говорах, в большинстве говоров нет и слогаобразующего *l̥* (*l̥*). В части говоров отсутствуют также фонемы *ṭ*, *ḍ* даже в фонетической реализации *c'*, *z'*.

2. Гласные только краткие, в большинстве говоров их шесть (с *i* и *y* как самостоятельными фонемами): *i*, *y*, *e*, *a*, *o*, *u*. В окраинных говорах представлены также семичленные наборы с дополнительной фонемой *ü* или же с дифтонгами *je* и *uo* (реже *eĭ* (*ej*) и *au*) в комбинации с *i* и *y* как вариантами одной фонемы.

3. Согласные *ṭ*, *ḍ*, *ň* представлены в силезских говорах в большем количестве, чем в говорах центрально-моравских или восточноморавских, поскольку достаточно регулярно встречаются также и перед историческим *e*, включая рефлекс праславянского *ь*. Однако фонемы *ṭ*, *ḍ* на значительной части территории силезских говоров произносятся ассимилировано (как *c'*, *z'*), в части говоров они совпали с *č*, *ž*, например, *ičho*, *dědinal/c'icho*, *z'ez'ina/čycho*, *žežyuna*; *ĭemny*, *ňebuďetě*, *tma*, *dbáṭ*, *děň / c'emny*, *ňebuž'ec'e*, *c'ma*, *z'bac'*, *zeň / čemny*, *ňebužecce*, *čma*, *žbač*, *žen*.

4. Дистрибуция *l* и *l* примерно соответствует ситуации в восточноморавских говорах, при этом в большинстве говоров *ḷ* артикулируется с помощью кончика языка и лишь в периферийных говорах встречается произношение *u*.

5. Рефлексы праславянских мягких губных представлены в целом в той же степени, в какой они представлены в центрально-моравских и восточно-моравских говорах, при этом на месте мягкого мы находим, как правило, сочетание *mj*. Встречающиеся в периферийных говорах мягкие губные распространены там в целом в той же степени, что и в северной подгруппе восточно-моравских говоров.

6. Мягкие свистящие *s'*, *z'* в их противопоставленности твердым *s*, *z* встречаются в позициях перед рефлексами исторических *i* и *ě*, а также праславянских *ę* и *ь*, то есть в тех же позициях, что *ṭ*, *ḍ*, *ň* в центрально-моравских и восточно-моравских говорах, например, *nos'ic'*, *z'ima*; *s'eno*, *na voz'e*; *pras'a* 'prase', *z'ac'* 'zet'; *hus'*, *kos'ba* 'kosení'. На части территории мягкие свистящие *s'*, *z'* совпали в произношении с шипящими *š*, *ž*

(*nošuč, žuta*), на части – с твердыми *s, z*, как в большинстве чешских говоров.

7. Фонема *g* представлена в целом в той же степени, что и в центрально-моравских или восточно-моравских говорах.

8. Фонема *z* встречается в основном в случаях, обусловленных морфонологической аналогией, однако регулярнее, чем в центрально-моравских говорах, например, *pokluž'ic' – pokluženy, poklužac'*; *mizga 'míza' –* дательный падеж ед. числа *mizze*.

9. Фонему *ž* в большинстве говоров мы обнаруживаем в составе группы *žž*, как в центрально-моравских и восточно-моравских говорах, в части говоров также и на месте мягкого *ď*, см. выше.

10. Исторический нетвердый слогообразующий *l̥* в положении после губных дал *yl* (в некоторых периферийных говорах может быть также ^y*l̥^ol̥*), например, *pylny, vylk, vylna*. Исторический твердый слогообразующий *l̥*, (включая < *l̥*) в положении после согласного, но не после губного мог дать *lu, u* и *ul*, например, *dluh, slup; huk, čun; žulč, žulty*. В отличие от центрально-моравских и восточно-моравских говоров, конечный *-l* в эловых причастиях отпадает, например, *ňes/ňis, ved*.

11. Слоγοобразующий *r̥* (в некоторых периферийных реализующийся в виде ^y*r̥^or̥, r̥^y/r̥^o, yr*), а также сочетание *er* как рефлексы твердого и мягкого слогообразующих *r̥, r̥'* представлены в целом так же, как и в центрально-моравских и собственно-чешских говорах.

12. Исторический *y* (в том числе *y < i*), а также *y*, возникший в результате сокращения долгого в большинстве силезских говоров функционирует в качестве самостоятельной фонемы, в некоторых периферийных говорах – как выразительный фонетический вариант *i*, например, *ryba, kobyła, tři/tří; byk, stary, hřych/hřich...*

13. Исторический *u* (в том числе *u < o*), равно как и *u*, возникший в результате сокращения долгого *ú*, в положении после твердых согласных сохранился, например, *dub, duša, ruka..., huser, muka*. Сохранился он в большинстве говоров и после мягких согласных, хотя в некоторых говорах мы наблюдаем рефлексы непоследовательного перехода *'u > i/y*; например, *cuzy, lude..., g dostaňu...,* 3-е лицо множественного числа *volaju/volajum* × винительный падеж ед. числа *inačy cestu*, творительный падеж *inačy cestu(m) | inaču, inaču(m)...*, *rybi polefku, rybi polefku(m) | rybju, rybju(m)*.

14. Исторический *e* (в том числе *e < ě*) в большинстве говоров сохранился, однако в части говоров в положении перед носовыми согласными он перешел в *i* или в *y*, например, *ešče, třeba (/třa)...*, *ňemy/ňimyu, jemu/jimyu, panenka/panynka*. Исторический *é* (в том числе *é < e*) в части говоров *e*, в части – после мягких и исторически мягких согласных *i* или *y*, например, *delka, dobreho* × *mleko/mliko; ňesť (ňes'c'/ňesč) | ňis'c'; jež/již*

‘ježek’, *břeh/břih/břyh*. исторический долгий *ě* (*iě*) почти на всей территории силезских говоров перешел в *i* или в *y*, например, *mira, pisek; hřich, třiska / hřych, třyska*.

В некоторых периферийных говорах на месте исторического долгого *ě* встречаются *ej* или *e*, на месте долгого *é* – *ej*.

15. Исторический *o* в большинстве говоров сохранился, однако в части говоров в положении перед носовыми согласными он перешел в *u*, например, *kopec, noha, kupovat (-c’/-č)* || *honem/hunym, chromy/chrumy*. Исторический *ó* (а в ряде случаев и *ó < o*) почти во всех говорах перешел в *u*, например, *kuň, hruza, rusí (rus’c’/rušč’); schod/schud, drozd/druzd, un*.

В некоторых периферийных говорах на месте исторического *o* встречается *uo*, а на месте *ó* или *o* перед носовыми согласными – *ô*.

16. Исторический *a* (включая *a < *ę*) сохранился в положении после твердых согласных, а в большинстве случаев также и после мягких согласных. Исторический долгий *á* (в некоторых случаях также и *á < a*) в большинстве говоров перешел в *a*, однако в некоторых говорах дал *o*, который мог перед носовыми согласными перейти далее в *u*, например, *had, obraz, blazen / hod, obroz, blozyn; tam, pan / tum, pun*. В большинстве говоров сохранилось и сочетание *aj* (иногда как *oj*), например, *fčerajši/-y, předaj/předoj*. Тем не менее в восточных говорах на месте этого сочетания мы находим также и *ej*, например, *nejdelši, dej* || *daj/doj*.

В случае с рефlekсами исторических *ā* и *ā* силезские говоры ведут себя аналогично говорам восточно-моравским. Распространенные по всей территории силезских говоров примеры типа *ležet’-c’/-č – ležel* являются результатом не перегласовки *ā > ... > e* или *ā > ... > e*, а аналогического выравнивания по образцу глаголов типа *leít’/lec’ec’*. Точно так же не являются результатом перегласовки и формы винительного падежа личных и возвратного местоимений *mje, ě/c’e/če, se/s’e*.

В баборовских говорах остравской подгруппы на месте исторического долгого *á* мы встречаем *au*, например, *kabaŭt, jau, rauđ*.

17. Примеры типа *hrach, blato, rana; nama, vama /nami, vami; byí, daí, chceť (-c’/-č)* говорят о том, что краткость гласных в них – старая, так как мы не находим результатов качественных изменений долгих гласных, о которых речь шла в предыдущих строках (пункты 7 и 8).

18. Ассимиляция *sh- > zh-*, а также сохранение сочетаний *šč, žž* сблизжает силезские говоры с говорами центрально-моравскими и восточно-моравскими.

В именном словоизменении силезские говоры характеризуются следующими особенностями:

19. Соотношение между твердыми и мягкими типами словоизменения существительных в силезских говорах в целом такое же, как и в центрально-моравских и восточно-моравских. В качестве особенности следует отметить окончание именительного и винительного падежа единственного числа у существительных среднего рода типа *srco* (*ložo, polo, poledňo*), совпадающую с окончанием соответствующего твердого типа. Аналогично центрально-моравским и в отличие от восточно-моравских говоров окончание местного падежа единственного числа мягкого склонения существительных мужского и среднего рода выровнено окончанию дательного падежа, например, *na biču, na srcu*.

20. Так же, как и в центрально-моравских и восточно-моравских говорах, имена существительные типа *host/hos'c'/hošč, kořeň, lokeť/lokec'/lokeč; kolňa, pekarňa; Maruša, Jula; ledeň, březeň* изменяются по мягкому склонению.

21. В отличие от большинства центрально-моравских и восточно-моравских говоров, существительные на *-s, -z* изменяются по твердому склонению. По твердому же склонению изменяются и существительные с основой на *-l*.

22. Окончания творительного и местного падежей единственного числа форм мужского и среднего рода прилагательных твердого склонения, а также охарактеризованных по роду местоимений в большинстве силезских говоров совпадают, например, *o starym – ze starym; o tym, našym/našim – s tym, našym/našim*.

23. Так же, как в центрально-моравских и восточно-моравских говорах, в положении именительного падежа множественного числа охарактеризованных по роду местоимений реализуется также категория одушевленности, например, *ti (c'i/čy) našy(-i) stary (-i) × ty naše stare*.

24. Характерное для собственно-чешских и моравских говоров окончание *-ma (-ama/-oma)* встречается лишь в части силезских говоров, в большей же части силезских говоров, как и в говорах чешско-польских, преобладают формы типа *břehami, horami*.

В области глагольного словоизменения следует говорить о следующих особенностях силезских говоров:

25. Форма глагола *být*, употребленная в экзистенциальном значении, а также в качестве глагола-связки, выглядит в большинстве говоров как (*já*) *sem je*, в некоторых же говорах как *jou je*.

26. В конструкциях 1 лица единственного и множественного числа прошедшего времени форма глагола *být* в большинстве говоров сохраняется, даже если лицо выражено личным местоимением.

27. У глаголов, форма императива 2-го лица единственного числа которых оканчивается на *-i/-y*, формы множественного числа оканчиваются на *-imy (-ime/-ima)*, *-itě (-ic'e/-iče)* / *-ymy, -ytě*.

28. Страдательные причастия, как и в центрально-моравских или восточно-моравских говорах, встречаются только в полных формах.

29. Остатки дееспричастия настоящего времени, как и в собственно-чешских говорах, встречаются лишь в редких адвербиализированных выражениях.

Среди прочих особенностей силезских говоров, частично выходящих за их рамки и встречающимися также и в говорах соседних, следует отметить следующие:

30. Ударение в словах с тремя и более слогами на предпоследний слог.

31. Изменение $v > f$ в положении после глухого согласного, например, *třřdy, křřčel'c'/č, řřuj*.

32. Звонкое произношение парных по звонкости / мягкости согласных перед гласными, а также некоторыми согласными в положении на конце слова и на межморфемном шве в примерах типа *chlab (chlob) aňi; nuř řechcu; g mostu; kubmy, řemlumu / kubme*, а в большинстве говоров также и в примерах *zmy / zme* при сохранении в некоторых говорах *smy / me*.

33. Частое отсутствие протетического *j* в начале слова, например, *iř/is'c'/iřč (yř), iskra, idlo (yskra, ydlo)*.

34. Отсутствие протетического *v-* перед *o-* в начале слова или части сложного слова, например, *oheň, zaopatřřy'c'/-č*.

35. Меньшее распространение окончания *-u* формы родительного падежа единственного числа твердого склонения неодушевленных существительных твердого склонения в меньшем объеме, чем в говорах Моравии и Чехии при одновременном проникновении этого окончания в склонение существительных мягкого типа склонения, например, *plaču, čaji, kuru*.

36. Использование в позиции родительного падежа множественного числа существительных мужского рода падежного окончания *-uv/-ův (-uf/-ůf)*, например, *chlapuv, dubuv, pekařuv / chlapův, dubův, pekařův*. Подобные формы оказываются омонимичными с формами именительного падежа единственного числа мужского рода притяжательных местоимений, выражающих принадлежность лицу мужского рода.

37. У одушевленных существительных мужского рода форма винительного падежа множественного совпадает с формой падежа родительного, например, *viřel sy tych synkuf, pivo pro mularřuv*.

38. У существительных типа *kuřa* окончания косвенных падежей единственного (но не множественного) числа оказываются выровненными по мягкому типу склонения, например, родительный падеж *kuřařa/-c'a/-ča*, родительный падеж *kuřařu/-c'u/-ču*. Во множественном числе мы находим ожидаемое *kuřata, kuřat, ...*.

39. Будучи употребленной в положении дательного падежа, форма местоимения *mi* часто оказывается ударной, например, *mi se zda*. Что же касается личного местоимения второго лица, а также возвратного местоимения, то в силезских говорах нередко используются их полные формы в ситуациях, когда в других чешских диалектах используются формы краткие, например, *pravi sobje*.

40. В окончаниях творительного и местного падежей твердого склонения местоимений устранены чередования согласных, например, *tym, jednym; tych; tym; tymi/tyma*.

41. При словоизменении местоимений *muj, tvuj/tfuj, svůj/sfuj* преобладают нестяженные формы, например, *mojeho/mojiho, mojemu/mojimu; moja, tvoja; moji/mojej*.

42. Различение значения одушевленности/неодушевленности формами именительного падежа мужского рода числительных *tře/třo, čtyře × tři/třu, čtyry* при том, что числительное *dva* этой категорией не охватчено даже в говорах, где исторический *á* перешел в *o*.

43. Формы инфинитива большинства глаголов (кроме глаголов с праславянской инфинитивной основой на *-k- / -g-*) оканчиваются на *-t'/c'/-č*, например *něst'/ňes'c'/ňis'c'/ňešč, volat'/c'/-č*. Инфинитивы глаголов с праславянской основой на *-k- / -g-* оканчиваются на *-c*, например, *pec/pic, moc*.

44. У глаголов, инфинитивы которых содержат сочетание *-nu-*, при образовании зловых причастий это сочетание может опускаться, например, *chytнул, ohnul, uschnul... × chytla, ohla, uschla; začnul* (|| *začal*), *užnul, utnul... × začla* (|| *začala*), *užla, utla; začnul'/c'/-č* (|| *začal*), *začnuty* (|| *začaty*).

45. Форма 2 лица единственного числа глагола *být* в функции экзистенциальной, а также в функции связки выглядит как *sy/s'i*, в составе же конструкции прошедшего времени – как *sy/s'i* || *-s/-s' (-z/-z')*, например, *dal sy mu to? || dalz mu to?...*

46. Формы императива глагола *být* выглядят как *bud'/buž'/buž, budmy...*

47. Форма 3-го лица множественного числа глагола *chtít* выглядит как *chcu (chcum)*.

48. Форма кондиционалиса 1-го лица единственного числа в случаях, если лицо выражено личным местоимением, может выглядеть как *já by dal*.

6.3. Южная (моравская) подгруппа чешских силезских (ляшских) говоров

6.3.1. Территория распространения южных (моравских) силезских (ляшских) говоров

Южную подгруппу силезских говоров образует неширокий пояс вдоль восточно-моравских говоров по линии городов Štramberk – Příbor – Frenštát pod Radhoštěm. Говоры этой подгруппы близки соседним восточно-моравским говорам по ряду признаков.

6.3.2. Наиболее характерные особенности южных (моравских) силезских (ляшских) говоров

Все или почти все говоры данной подгруппы объединены следующими особенностями:

1. Мягкие фонемы *ĭ, ě* реализуются в качестве мягких неассибилрированных звуков, например, *těcho, děďina...*, *těmny, děň*.

2. Отсутствуют мягкие свистящие, на месте исторических *s', z'* представлены твердые *s, z*, например, *nosyĭ, zyma; seno, zaĭ* ‘зять’

3. Фонема *y* представлена после твердых согласных, в том числе у из *i* после отвердевших свистящих, шипящих и *ř*, например, *byĭ, vysokyĭ, syn, mlyn, chytĭĭ, cytĭĭ, nosyĭ, zyma; ucyĭ, řyďlo, řyvot, řyřkopa... × byĭ, vyďeĭ, list...*, *tĭcho, ďyvokyĭ, řyĭ*.

4. На месте исторического *ě* везде *e*, например, *delka, dobre mleko, poleřka, řestĭ*.

5. В отличие от других силезских говоров отсутствуют рефлексы компенсаторного продления гласных в масштабах больших, чем в собственно-чешских и моравских говорах, ср., например, отсутствие рефлексов продления в примерах *drozd, řchod; kol, řlov, řhor, řjahod*. Единственное исключение – форма именительного падежа единственного числа мужского рода местоимения 3-го лица *un*, выглядящая так же, как и в иных силезских говорах.

6. В творительном падеже множественного числа всех типов склонения преобладает окончание *koncovka -mi (-ami...)*, например, *za řtarymi řhorami*.

7. В дательном падеже множественного числа существительные мужского рода оканчиваются, как правило, на *-um*, существительные

женского рода – на *-am*, среднего – на *-um* или на *-am*, например, *susedum, pekařum; horam, sukňam; stadam* || *stadum, polam*.

8. В местном падеже множественного числа существительных всех родов преобладает окончание *-ach*, в некоторых говорах также *-och*, например, *susedach, stadach, horach...* || *susedoch, stadoch, horoch*.

9. В именительном, винительном и творительном падежах единственного числа мягкого адъективного склонения мы имеем результаты выравнивания по типу *inačy cesta – inačy cestu*.

10. Формы дательного падежа (*sy*) и винительного падежа (*se*) возвратного местоимения не совпадают.

11. Формы 3-го лица множественного числа образуются с помощью окончаний *-u, -a, -aju*, например, *ňesu; prosa, umja; volaju*. Форма 3-го лица глагола *jíst* выглядит как *jeđa*, глагола *vědět* – как *vjeđa*.

6.3.3. Образцы южных (моравских) силезских (ляшских) говоров

Ze Štramberka, okr. Nový Jičín (muž, 1849)

Štramberk (německy *Strahlenberg* nebo *Stramberg*) je město na Moravě v okrese Nový Jičín poblíž Kopřivnice. Žije zde přibližně 3 500 obyvatel.

*V Lichnovje sobje vzal chudobny chasňik bohatu ropku.¹ Hrubje s nim narabjala,² eš³ se pusřila do něho a vyhaňala ho. Chlap sy najprem⁴ mysl: Co by otchodřil?⁵ A potem zase mu vyčyřala, co je jeho a cy zebere a ať tahňe. Chasňik sy doňez edem⁶ šaty a do pinklika⁷ spakoval. Davař na ňu pozor, a jak šřla, mjela ocasky⁸ viseř. Drapňe pinkel ze šatama a robu za ocasek a drap s ňu přez rameno a do dveřych se bral furt.⁹ Roba řvala, adř ju pusř, ale un ňic: Tyz mi řekla a cy vemu co je mojeho, a ty sy teř moja, toř po ce mnu.
¹ ženu ² špatně s nřm nakřadala ³ až ⁴ nejprve ⁵ proč bych odcházel ⁶ jenom ⁷ do uzřiku ⁸ copy ⁹ pryč*

(Ad. Kellner, Štramberské nářečí, s. 105)

Z Lichnova u Frenštátu, okr. Nový Jičín (žena, 1868)

Obec **Lichnov** (něm. *Lichnau*) se nachází v okrese Nový Jičín v Moravskoslezském kraji. Žije zde přibližně 1 500 obyvatel.

Jednej hospodyni bylo divne, že ji kravy nadobře¹ malo doja. Tož naludila² chlapca, aby vyhnal spješej ež³ gdy inda a daval dobry pozor. Byla mhla a aji trochu rosa, a tu chlapez uvidel, jak suseda chodi po mezy, smyče za sebu travnicu⁴ a povjeda: Na pul užytečku, na pul užytečku! Ona něvidela teho chlapca, ale chlapez ju dobre, zdelal z hlavy mjech,⁵ začal ho smykať po tych samych mistach a pravil: Na celý užyteček, na celý užyteček. Jak potom přyhnal domu, tož hospodyň hodně nadojila, a suseda už potom nechodila s travnicu po mezy, lebo se dovjedela, že ju tam videli. Byla to čarodeňica.

¹ velmi ² navedla ³ než ⁴ plachtu na nošení trávy ⁵ pytel

(F. Horečka, Nářečí na Frenštátsku, s. 72; přepsáno.)

6.4. Западная (опавская) подгруппа чешских силезских (ляшских) говоров

6.4.1. Территория распространения западных (опавских) силезских (ляшских) говоров

Западная (опавская) подгруппа занимает северо-западную часть области силезских (ляшских) говоров, заходя на территорию Польши на севере, на востоке до городов Hlučín и Klimkovice.

6.4.2. Наиболее характерные особенности западных (опавских) силезских (ляшских) говоров

В качестве основных особенностей опавских говоров следует назвать следующие:

1. Фонемы *t̃*, *d̃* в большинстве опавских говоров отсутствуют, на месте исторических *t̃*, *d̃* мы находим *č*, *ž*, например, *čycho*, *žežyna/čicho*, *žežina*; *čemny*, *žeň*. Лишь в периферийных говорах фонемы *t̃*, *d̃* представлены в фонетической реализации *c'*, *z'* и не совпадают с историческими *č*, *ž*, например, *c'icho*, *z'ež'ina*; *c'emny*, *z'eň*.

Наличие согласных *č, ž, š, ž* на месте исторических *ť, ď, s', z'* отчетливее всего выделяет опавские говоры из общей группы говоров силезских.

2. В тех же говорах, в которых исторические *ť, ď* дали *č, ž*, на месте мягких свистящих *s', z'* мы находим *š, ž*. В тех же говорах, в которых исторические *ť, ď* дали *c', z'*, мягкие свистящие *s', z'* сохранились, например, *nos'ic', z'ima; s'eno, z'ac'*.

3. Исторические твердые *s, z* в положении перед *č, ž* дали *š, ž*, а в положении перед *c', z' – s', z'*, например, *košč – koščy/košči; koščany; kos'c' – kos'c'i; kos'c'any; něšč / něs'c'; něšče/něs'c'e; ježžyč, pažžeřy / jez'z'ic', paz'z'eřy*.

При этом в положении перед исторически мягкими губными, а также перед *ň, l* твердые согласные сохраняются, например, *sňih, zle, spivač/-c'*.

4. Во всех рассматриваемых говорах гласный *y* представлен после исторически твердых согласных, а также после твердых *c (z)* и *ř*, например, *byč/byc', vysoky, syn, mlyn, chučyč/chučič/chyc'ic'; cygan, syncy; řykač/řykac'*. В большей части опавских говоров мы находим *y* также после шипящих, однако в периферийных говорах после шипящих представлен *i*, например, *učyč/učyc', šydlo, žyvot... × učič, šidlo, život*. Аналогичная ситуация наблюдается и с употреблением *i* или *y* после *č (<ť), ž (<ď), š (<s'), ž (<z')*. В тех опавских говорах, в которых сохранились *c', z'* а *s', z'*, после данных согласных представлен *i*.

5. На месте долгого *é* в опавских говорах в большинстве случаев представлен краткий *e*, однако в ряде случаев в положении после мягких и бывших мягких согласных в тех или иных говорах представлены *i* или *y*, например, *nišč, višč, učyc/uc'ic, 'utéci', pŕyňis, učyk 'utekl', (j)iž 'ježek', ježa, pohřyb, pohřeba, bešeda, bešyd*.

6. Сочетание на всей территории опавских говоров сохранено в форме как суперлатива, так императива, например, *najdelšy/-i, daj*.

7. Почти на всей территории опавских говоров произошло морфологическое выравнивание по типу *smič/-c' se – smil se; zapřyhňe – zapřyhnuč/-c'*. Лишь под Глучином мы находим формы типа *smjač se – smjal se; zapřahňe – zapřahnuč*.

8. Следы несколько более последовательного, чем в других диалектах, вторичного продления гласных, встречаются в некоторых лексикализованных примерах, например, *schud – schoda, strum – stroma, no drozd – drozda; kolo – kul, slovo – sluv, hora – hur, jahoda – jahud, no koza – koz*.

9. Окончание именительного и винительного падежей существительных и местоимений среднего рода твердого склонения проникло и в склонение мягкое, например, *srco, ložo, polo, poledňo...*, *mojo, našo, čyjo*.

10. В окончании творительного падежа множественного числа всех типов склонения преобладает окончание *-ma*, например, *za staryma horama / horoma*.

11. Краткая форма возвратного местоимения и дательного, и винительного падежа выглядит как *se*, например, *kup se to, daj se pozur*.

12. Окончания твердых, а также, в отличие от других силезских говоров, мягких типов склонения местоимений совпадает, как правило, с окончаниями твердого склонения прилагательных, например, *teho, našeho (mojeho, ňeho), temu, našemu; o tym, našym, s tym, našym*.

13. Притяжательное местоимение *jeji*, в отличие от других силезских говоров, не склоняется, например, *bez jeji bratra, o jeji tačykovi*.

6.4.3. Образцы западных (опавских) силезских (ляшских) говоров

Z Opavy-Kateřinek, okr. Opava (A: žena, 1898; B: muž, 1894; C: muž, 1892)

Kateřinky (německy *Kathrein*, polsky *Katerzynki*) jsou bývalé město, dnes evidenční část statutárního města Opava. Nacházejí se na severovýchodě Opavy a leží ve vlastním katastrálním území *Kateřinky u Opavy*.

A. *Ježyšmaryja viš, človjek teho tolig vi, a jak –*

B. *Jag ma řeč, človjek se ňespomí¹ na to. Dy² mje sakra už huba boli! Hrom do teho! Co želač?*

C. *Š čeho by če též mohla huba holeč? Čy je to řezaž dřevo? Spominaj ešče! Jak sme chožyli na Prajske!³*

A. *Jak sme chožyli do Chlebičova? Sme dycky stały venku. To_oňi dycky: Poče že herajn,⁴ ňestujče drausn!⁵*

B. *To se ňezapomňe. To už je taková doba, a_ešče pořat se po našemu.⁶ To buže pořat.*

¹ *spomi* – *spomjeć* ‘vzpomenout’ ²‘vždyť’ ³do Pruska (před I. svět. válkou) ⁴dovnitř, ⁵venku

(Zaznamenal J. Balhar)

Z Hrabyně, okr. Opava (muž, 1900)

Hrabyně (německy *Hrabin*) je obec ležící v okrese Opava. Má přibližně 1 100 obyvatel.

Oto ras¹ pan farař šli na špacyr a tu chlob hoňi svoju robu kole chalupy: Na stryku Valenčyn, co to robiče, že robje pokuj ňedače! Stryk Valenčyn stali celi opařeňi, ale ropka se utřela ocy a pravi: Pane farař, žyče svojum cestum, to je muj chlob a ja jeho roba a un može se mnum robič co chce.

¹ to jednou

(A. Lamprecht, Středoopavské nářečí, s. 109)

Z Chuchelné, okr. Opava (muž, 1878)

Chuchelná (německy *Kuchelna über Rati-bor*, polsky *Chuchelna, Kuchelna*) je obec ležící v okrese Opava. Leží v těsné blízkosti polských hranic tři kilometry od polského města Krzanowice. Má přibližně 1 200 obyvatel.

[O požáru] Nale potym přylečel ten pekař, pravił: Pane Ficner, mače išč ku Franckovi. Poče poce, bo hořy! No tuž ja vylezu navrch, skočym, a_un pravi: Pane Ficner poče, to vaše koňe. – Ony byly ve stajňi kole kraf, a_uš štyry kravy ležely mrtve. No_ale my na to ňedamy nič, my ku tym koňum, ku tym koňum my skočyli, tam to bylo_ešče, taky přydašek,¹ tam to bylo zachraňene. Tak sme to – ty koňe. Tuž un vzal svojeho. Nechčel. Ale potem ja sem vzal mojeho předy řyčum, zatkem, přeskočyl mi, a ten za ňim. Jag byl na dvoře, sám vyskočyl. Fčyl co? Fčyl my dali koňe pot šopu. Tuž bylo radošcy!

¹ přístřešek

(Zaznamenal J. Balhar)

Z Hlučina, okr. Opava (muž, 1909)

Hlučín (německy *Hultschin*, polsky *Hulczyn*, slezsky *Hulčyn*, *Hulčín*, *Hučín*) je město v okrese Opava v Moravskoslezském kraji, 10 km severozápadně od Ostravy. Má rozlohu 21,13 km² a čítá přibližně 14 tisíc obyvatel.

[O chytání ptáků] *Baj¹ v žymje, jag baj su ty hyle,² jak přýdu, teš se baj chytaju, lebo čyšky, konopník. Inšych ptakuf tu neňi. Hyle na jahřabiny, alebo ty polne ptaky, stehlicy, ty chožu na ten, na lupoň.³ To je oščy⁴ takove, jak se to utrhuje •a haže na ty kabaty! Alebo potem na ty kfječyny chožu, na ty kfítka, na ty majičky. Ale_ony se chytaju ptaky_enem na požym, inaž ňi. To se chytňe, da se ho do kletky,⁵ a da se mu tam trochu maku, lenu, šemeno se mu da, aby se chytnul žrač. Jag vižy, že by se nechytнул zrač, tak se veme_a puščy se ho, bo⁶ s takeho ptaka niž neňi. Ten ptak by zdechnul.*

¹ třeba ² hýlové ³ na lopuch ⁴ ostí, ostnaté plodenství lopuchu ⁵ do klece ⁶ neboť

(Zaznamenal J. Balhar)

Ze Studénky, okr. Nový Jičín (žena, 1893)

Studénka (německy *Stauding*) je město v Moravskoslezském kraji v okrese Nový Jičín rozkládající se po obou stranách historické moravsko-slezské zemské hranice. Žije zde přibližně 9 300 obyvatel.

Muj bratr robil ve verku¹ f Třyncu a maminka mje vypravili k němu, že mu budu vařyc a popoledňu se učič šič.² Dali mi sebu ložo,³ almaru, dyvan, a almarmku na hrnce. Tag mje vyštafirovali.³ A kufř, tam sem mjela halt prádlo_a tag ledyco. Maminka mjeli zvyk poznačič se dycky do_almary s křydu, gdy jim bjehała krava, coby⁴ to viželi_a něstračili to. Tuž zmy to naložili •a odvezli na banhof.⁵ Ja sem už byla taka slečinka, teš sem se_už o sobje myslela, tu se naraz na banhofje •almara otevřela, •a na dveřay bylo napsane velkými literami: Strakula bjehała pjedadvacateho dubňa. To více jaku sem mjela haňbu!

¹ v železárnách ² postel ³ vybavili ⁴ aby ⁵ nádraží

(Z rukopisné práce Z. Sochové)

Okrajové západoopavské nářečí ze Slavkova, okr. Opava (žena, 1897)

Slavkov (německy *Schlakau*, polsky *Slawków*) je obec ležící v okrese Opava. Má přibližně 2 100 obyvatel.

[O účtování v zemědělském družstvu] *Alebo letos chcu nám strhnuc' cosyk. Ja sem už im povjez'ela svojo, jag byla schuza. Tus_se vi! Utržyli za šŕecko dobře! Poz'ívajc'e se, třeba za mak: oňi mjeli určenu cenu, kelko maju za to utržyc'. Za mak mjeli určene štyrycet c'is'ic, a přez osymdesat c'is'iz utržyli! Pravje že na zelu pry ňevyšli. A na_ogurkay vyšli, bo bylo hrubo¹ •ogurek. Inz'e ňebylo_ogurek, a_u naz bylo •ogurek! Ojě, to lude z druhyy z'ez'in choz'ili na_ogurky_a ptali se •eli_ešče su. Vyšli dobře! Ja sem prajela: Řekñic'e mi, kery čert to bere, ty peñize! Já sem im_to tam řekla! Ty posluchaj, jag ja sem to tam mluvila, čemu² mi žaden ňenadal?*

¹ protože bylo hodně... 2 proč

(Zaznamenal J. Balhar)

Okrajové západoopavské nářečí z Hlavnice, okr. Opava (žena, 1882)

Obec **Hlavnice** se nachází v okrese Opava v Moravskoslezském kraji. Žije zde 656 obyvatel.

Gdo mjel bidu, mjel bidu! Jag baj¹ stryk, ten byl zedňikem, a to choz'ili do roboty,² do Opavy pješky cestu z'elali. A to dycky na tyz'eň! To se vzal chleba sebum_a, co pojes'c', a to dycky na cely tyz'eň. A v z'imje choz'ili do satkofského dvora. To je tu kaj³ je Sadek, to choz'ili z miry mlac'ic'. To se ešče cepama mlac'ilo fšečko na panskym. Jačmeň z miry mlac'ic' choz'ili. Mlac'ili a dostali potom odmjeřene obili, tag za to mlaceňi, bo teho pola nemjeli. V z'imje, sňeha bylo aš po krk, un choz'dil! Ale pojes'c' tam ňedostal, musel ze sebum brac' idlo. Ale rukama třyskac' tym cepem! A ňesky? Domfy⁴ to ňeporaž'u⁵ vymlac'ic', uš kombajny su! – Tag uš to skončymy. Ja už musym is'c' k temu mojemu chłopoj.

¹třeba ²do práce ³kde ⁴parní mlátičky ⁵nedokážou

(Zaznamenal J. Balhar)

Okrajové nářečí z Bránice v Polsku

Bránice (německy *Branitz*, česky *Branice*, *Bránice* původně v jednotném čísle, pod vlivem polštiny i množné číslo) je ves v jižním Polsku, v Opolském vojvodství.

[O přástkách] Za dávných časův z'efčata choz'iyu na přjetky. V z'ez'iňe byy spouky, kaj sa přadu. Do takeho spouka nalezeu jedna roba¹ y deset z'efčiet. Přadu sa každý z'oň až do dvanaste přes ceu z'imu. Uo desate v noc y přyšli často pachoucy² ku z'efčatom na zalety. Baj přyňos'li ym paskudy³ na s'linku.⁴ Potym sa s ňima přeb'ehli. Přjetky sa skončuy y marcú.⁵ To byu velká hos'c'ina. Na tu hos'c'inu posuauy hospodyňe kuobasy, buchty y masu. Roba každeho spouka navařyu kafeju y upekua kouače, a z'efčata co u ňe přadu dostauy jes'c'.

¹žena ²chlapci ³lahůdky ⁴aby měly sliny (při předení) ⁵v březnu

(P. Steuer, Branické podřečí, s. 234n.; přepsáno)

6.5. Восточная (остравская) подгруппа чешских силезских (ляшских) говоров

6.5.1. Территория распространения восточных (остравских) силезских (ляшских) говоров

Восточная (остравская) подгруппа силезских говоров тянется нешироким поясом от нескольких пограничных деревень севернее города Нли́сін (на востоке заходя на польскую территорию) почти строго на юг до словацкой границы. Несмотря на интенсивную индустриализацию и связанные с этим предпосылки исчезновения народных говоров, такие их черты, как отсутствие долгих гласных и ударение на втором от конца слова слоге, устойчиво воспроизводятся.

6.5.2. Наиболее характерные особенности восточных (остравских) силезских (ляшских) говоров

Наиболее заметными особенностями остравской подгруппы силезских говоров являются следующие:

1. Фонемы *ī, ō* реализуются обычно в качестве ассимилированных согласных *c', z'*, например, *c'icho, z'ez'ina; c'emny, z'en*.

2. Помимо твердых свистящих *s, z* а также шипящих *š, ž* в фонологической системе представлены также мягкие свистящие *s', z'*, например, *nos'ic', z'ima; s'eno, z'ac'* 'зять'.

3. Мягкие свистящие *s', z'* представлены также на месте исторических твердых свистящих *s, z* в положении перед мягкими *c', z'*, например *kos'c', kos'c'i; kos'c'any; ňis'c'/ňes'c'; jez'z'ic'; paz'z'eři/paz'z'eřy*. При этом в положении перед *ň, l*, а также перед исторически мягкими губными в большинстве остравских говоров, как и в большинстве говоров опавских, сохраняются твердые *s, z*, например, *snih, zle, spivac'*.

4. Гласный *y* на всей территории остравских говоров представлен после исторических твердых согласных (здесь он сохранился), а также после согласных отвердевших (здесь он получился из исторического *i*), например, *byc', vysoky, syn; cygan, syncy; druzy*. В некоторых силезских говорах *y* встречается также после шипящих и *ř*, например, *učyc', šydlo, žyvot, řykac'*, в большей части говоров, однако, в этих позициях преобладает *i*, например, *učic', šidlo, život, řikac'*.

5. Исторический долгий *é* в положении после твердых согласных дал, как правило, краткий *e*, после мягких и исторически мягких – *i* или *y*, например, *delka, dobre mliko; polifka, zeli, nis'c'; přiňis/přiňis, uc'ik; pohřib/pohřyb*.

6. Сочетание *aj* в большинстве говоров сохраняется, хотя в некоторых говорах вместо *aj* мы находим *oj*, а на востоке – *ej*, например, *fčerajši/fčerajšy, předaj/předoj; nejdelší/nejdelšy, dej; najspiš/nojspiš, daj/doj*.

7. Характерная для большинства чешских говоров историческая перегласовка гласного *a* (в том числе и *a < e*) в положении между мягких согласных или после мягкого согласного на конце слова в *ě* в остравских говорах не была осуществлена, например, *smjac'/smjoc' se, zapřahnuc'/zapřohnuc'*.

8. В остравских говорах мы встречаемся с результатами более последовательного, чем в других диалектах, вторичного продления гласных, например, *schud – schoda, kolo – kuľ, slovo – šluv, hora – hur, jahoda – jahud, koza – kuz; (j)iž – ježa, pohřib/pohřyb – pohřeba, lid – ledu*. В восточных остравских диалектах также *hod – hada, obroz – obraza, předoj – předaja*.

9. В творительном падеже множественного числа у всех типов склонения преобладает окончание *-mi* (*-ami...*), например, *za starými horami*.

10. Формы 3-го лица множественного числа образуются с помощью окончаний *-u, -a /-o, -aju*, например, *nesu; pros'a, leža, umja/pros'o, ležo, umjo; volaju*. Форма 3-го лица глагола *jíst* выглядит как *jez'a / jez'o*, глагола *vědět* – как *vjez'a / vjez'o*.

11. Форма 1 лица единственного числа глагола *být* в экзистенциальном значении, а также в функции связки выглядит как *(ja)jo sem/sym je*, в некоторых говорах как *joy je*, форма 2 лица единственного числа – как *(ty) si je / tyz je*, форма 1 лица множественного числа – как *(my) zmy/zme su*. Конструкции же с отрицанием выглядят как *ňeňi sem/sym..., ňeňi zmy/nesu zmy / ňezmy su* и т.п.

6.5.3. Образцы восточных (остравских) силезских (ляшских) говоров

Ze Lhotky u Ostravy, okr. Opava (muž, 1888)

Lhotka (německy Ellguth) je od 24. listopadu 1990 městským obvodem statutárního města Ostravy.

[Honění krále] ...*postavila se žertka¹ na pjekne rovne místo a fčylek c'i syncy tam šli ku tym koňum sfojím a zrychtovali se.² Na tu žertku se dala bila šnuptychla.³ Jeden chlap stal u tej žertky, ostatňi, c'i keřy teho krala chytali,*

c'i uš se pŕypravili ku tym koňum, nas'edli se, pravda, a šŕecko koňe musely byc' v jednej řaž'e. Byli to enem selscy syncy a jejich kameraž'i, keřy umjeli jez'ž'ic'. – *Potem se rapytalo⁴ ku tej žertce •a kery tu šnuptychlu chyc'it, uřynať s ňu do Odry namoćic'.* *A tuš to byl potem ten král.*

¹ tyč, menší žerd' ² připravili se ³ kapesník ⁴ jelo tryskem ⁵ uháněl
(Zaznamenal B. Šrámek)

Z Kozlovic, okr. Frýdek-Místek (žena, 1868)

Kozlovice (německy *Potzmannsdorf*) jsou obec v Moravskoslezském kraji, asi 7 km severovýchodně od Frenštátu pod Radhoštěm a 15 km jihozápadně od Frýdku-Místku v údolí řeky Ondřejnice. Žije zde přibližně 3 100 obyvatel.

A mje vám vz'alo – take boleňi, dostala sem take boleňi, takove revma do hlavy, že se mi zdalo, ze mi vam oko vylupi. To sem naříkala, to mi pravjel, ac' řeknu sestřičce. Přinesla mi jakusy tabletku, tož mi to povolilo. – Ja sem pravjela: Oh blahoslaveny zrak, gdo ešče vidí, aby se jeho šetřil. Ja_idu po cestě •potka mje znamy lebo ten a pravi: Vitam vas tetínko lebo tetuško, ten chlapec. Ja ho nepoznam, ja nevím, ňemožu. Gdyš přiđe ke mje_a se mnu mluvi, alebo tam poslucham, tož ja tež ňeslyšim dobře. – Toš take je to, tag je to se mnu. Ja sem slyšela, slychavala dobře, ale uš to šŕecko vypovjeda. Poďifte se, ja se ňemožu ňihda pot krkem zapjať, na to ňevidím – a uhmatať ňeuhmatam. – Jak človjeg nevidí_a_ešče hmatu ňema, tož už je to s ňim –

(Zaznamenal J. Balhar; z knihy „Dějiny českého jazyka ve Slezsku a na Ostravsku“, s. 76)

Z Paskova, okr. Frýdek-Místek (muž, 1891)

Město **Paskov** (německy *Paskau*) se nachází v okrese Frýdek-Místek v Moravskoslezském kraji. Žije zde přibližně 3 800 obyvatel.

[O krádeži] *Tu pŕysol večir jeden mladeňec, až' ho pŕenocuju. Šikovny mladeňec tu bul, pjekňe oblečeny. – A zmy nezamykali •aňi do s'ňne, aňi do*

maštale, aňi na huru.¹ *A_un viz'ul, jak sem vet koňe do maštale •a vyšol sem s'iňu ven. Potem zmy šli spac'. Rano zmy mjeli dostac' po c'etce peňize f s'i-rotči kas'e. Brater bul fteda ešče na vojňe... a ñehec'ul iz'z' do Místka po vojensky. Chc'ul se oblic modre šaty. Byla u naz Bertyna •a ta mjela ty modre galaty² najš'c'. Hledala v izbje f šifonerač³ a f šifonerač na huře... Ňigz'i ty nemohla najš'c'. Tak sem i pravjuł: Ty ñeviz'iš, a šol sem hledač' som. Hledom v izbje – ñic, vylezu na huru, pojivom se do_almary, a tu sem poznol, že ten šikovný nocležňik naz oblik.⁴*

¹ na půdu ² kalhoty ³ ve skřiních ⁴ okradl (expr.)

(Zaznamenal D. Šlosar; přejato z cit. knihy, s. 76n.)

Hornoostravické nářečí z Bruzovic, okr. Frýdek-Místek (žena, 1888)

Obec **Brumovice** (německy *Braunsdorf*, polsky *Brumowice*) leží v okrese Opava. Má přibližně 1 500 obyvatel.

[O vichřici] *Suseda moja mjela novu stodolu •a tak tu stodolu skruc'ilo, klamry,¹ celu stodolu smetlo. To bylo! My sme se aňi ñenadali, •a tu se poz'ivum, fšeko, ta hruška ležela! Joy mjela take velke jabluňe na zahraz'e, fšeko s kořinami ven! Hus'i my mjeli, tak se kulaty f tym blac'e! Toňik přives furu do stodoly, tak ta furu byla hned zhuru kopytym. Kola navrchu, a voda tak tu furu celu zavodňila! To vom šlo vody, vody! My mjeli na s'iňi po kostky² vody. To ñebylo g vypovjez'i! Karosek, tam jeden, byl f polu. Teho to chytlo f polu. Ty kuňe pry tag řechtały! Tag un po pesky³ šel po zemi •a otp-rohnuł iy ot te fury. To bylo s'ila! Mjes'iz_my se ñespatatali s teho!*

¹ svorníky ² po kotníky ³ jako pes, po čtyřech

(Zaznamenal J. Balhar)

Hornoostravické nářečí z Janovic, okr. Frýdek-Místek (žena, 1905)

Obec **Janovice** (německy *Janowitz*) se nachází v okrese Frýdek-Místek v Moravskoslezském kraji. Žije zde přibližně 2 000 obyvatel.

Naša stařenka – Veroňika Šnytova num roz vykládali – roz že tež přišli do kostela – o pul'nočy. Že němohli spac', tak šli kole kostela, přišli, otevřeli dveři a – bo tam slyšeli jakes'i sp'ívaňi. A tam sp'ívalo cosi, šli bližě, zas tam uviz'eli ty neboščíky, f' p'rvňi tafce že sez'eli tac'inek, maminka, kresniček s kresničku, a ty c'etky jakesi, á modlilí se a sp'ívali, a uňi s'e s'edli do zadňi tafky na chv'ílečku... a fci!... ta jedna se obroc'ila ta křesnička a pravila: Verunko uc'ekej domu bo buž'e s' tebu zle! No tak jo sem se – tag una se zebrała a uc'eкала domu a celo se křasta aš přišla domu.

¹ kmotr s kmotřičkou

(M. Romportl, Zvuková stránka souvislé řeči v nářečích na Těšínsku, s. 101; přepsáno, zachováno však vyznačení přízvuku a fakultativního dloužení samohlásek)

Hornostravické nářečí z Pražma, okr. Frýdek-Místek (muž, 1873)

Obec **Pražmo** (německy *Praschmo*) se nachází v okrese Frýdek-Místek v Moravskoslezském kraji. Žije zde 892 obyvatel.

Byl sem na vojně a mjeli zmy koňa a tyn kuň jeden – byl už u mje mňevice¹ osymnazd rokuf ten kuň, tož už byl starši – no i syneg vyvet tam – u Moryca na tyn most, tam kejs'i² něbylo take izda, tam byl kopeček na tym. – Tam vyves tu furu a převroc'il s'e. – Něžije. No_ a – brater s ňim – ešče žije, Jozef – jez'zil s tym kuňim, a tak se zebroł stamotel,³ s teho mostu, a lec'i tu – ona tu kopała, oto tu na tyy zahunach – a lec'i ot kostela tu k ňi, a mama se myslela: Bohužel, co s'e tež stalo! Isto tata je umřety! Volo uš popředy na něho co s'e stalo, a un pravi: Švagrovo zle je, zle je! Ona s'e zlakla, ze jo už něžiju. A tag i povjez'el: Kuň zdech. – No chvala bohu! – že to nevystovil že joj je umřety.

¹ přibližně, asi ² kdysi ³ odtamtud

(Zaznamenal J. Balhar)

Zaniklé okrajové nářečí z Baborowa v Polsku

Baborov (polsky *Baborów*, německy *Bauerwitz*) je město v jižním Polsku v Opolském vojvodství. V prosinci 2019 čítalo 2 920 obyvatel.

Staži luž'e mynovali i z'is'¹ mynujum hulice v Baborov'e trochu inakši. Hulica ku Dz'elovu mynovala se Drahy. I ješče teraz žunzum:² idu na Drahy, myškau³ na Drahad. Hulica ku Ščitum mynovala se Berno. To myno jest i z'is' zname. Pyrvaj⁴ m'el tam každi velku zehradu. F tiy zehradach rošlo moz hrušek. Zato⁵ myjs'lum ňekeži, iž⁶ ta hulica dostala svoje myno od ňymeckeho Birne. Ale to ňe jest pravda. Z rinku⁷ ku žice³ šta malau hulička. Tam luž'e m'eli moc kozuf. I to mynovala se Kojz'au hulička.

¹ dnes ² říkají ³ bydlí ⁴ dřív ⁵ proto "že ⁷ z náměstí ⁸ k řece

(F. Steuer, *Narzecze Baborowskie*, s. 38; přepsáno)

7. СМЕШАННЫЕ ЧЕШСКО-ПОЛЬСКИЕ ГОВОРЫ

7.1. Территория распространения смешанных чешско-польских говоров

На карте Я. Белича обозначенные серым цветом смешанные чешско-польские говоры расположены к востоку от выделенных аквамарином силезских говоров. Полоса западных периферийных говоров, протянувшаяся вдоль почти всей граница смешанных чешско-польских говоров с силезскими, обозначена как 16a, сектор говоров вокруг города Jablunkov – как 16b, сектор вокруг города Bohumín – как 16c [Belič 1972].

Речь идет о смешанных чешско-польских говорах на территории исторического Тешинского княжества, формально существовавшего с 1281 по 1918 год (сначала как суверенное государство, с 1653 года – как наследственное владение австрийского дома Габсбургов).

7.2. Смешанные чешско-польские говоры в их отношении к иным чешским говорам

Среди основных отличий смешанных чешско-польских говоров в области фонетики можно отметить следующие:

1. На всей территории данных говоров представлены пара $l - l$, мягкие губные p', b', m', f', v' в их противопоставленности соотносительным твердым губным, мягкие свистящие s', z' или их рефлексы в их противопоставленности твердым s, z , фонемы $ʒ, ʒ̣$. С другой стороны, отсутствуют слогообразующие $l̥, l̄, ṛ, r̄$, а в части говоров – также и фонемы $ṭ, ḍ$ (даже в фонетической реализации c', g').

2. Гласные только краткие, в большинстве говоров это i, y, e, a, o, u , u + носовые y, u или же их рефлексы.

3. Фонемы $ṭ, ḍ$ реализуются в виде ассимилированных звуков c', z' , и их употребительность, как и употребительность h , в целом такая же, как в силезских говорах. Кроме того, c', z' встречаются в положении перед рефлексами исторического $ṛ'$, например, $c'yrp'ec', z'eržec'$. В части говоров звуки c', z' совпали с $č, ž$, например, $čyrp'eč, žeržeč$.

4. Пара $l - l$ в принципе представлена в той же степени, что и в говорах силезских и восточно-моравских, при этом на северо-западной части региона l артикулируется кончиком языка, на юго-востоке реализуется, как правило, как $ɫ$.

5. Мягкие губные встречаются в большем количестве, чем в силезских и восточно-моравских говорах, так как их мы находим также перед $e < ɔ$, а также перед рефлексами исторических $ḷ, ṛ'$, например, $p'eřina, m'anovac'; ov'es; v'ilk, m'yrva$.

6. В отличие от силезских говоров, мягкие свистящие s', z' мы находим также перед историческим e и его рефлексами, а иногда и перед рефлексами исторического $ṛ'$, например, $s'edlok, z'eli, z'ym 'země'; s'yrp$.

7. Поскольку на территории данных говоров не было перехода $g > h$, то и фонема g представлены в значительно большем количестве случаев, чем в иных чешских говорах, например, $glova, noga$. Тем не менее, фонема h также представлена – в заимствованных из литературного чешского языка либо из других чешских говоров, например, $hoz'ic' \times choz'ic'$.

8. Фонема $ʒ$ встречается не только в случаях, обусловленных морфологической аналогией, как в силезских говорах, но и на месте праславянского сочетания $*dj/dj̣$, а также на месте праславянского $*g'$, например, $sižu, m'eza, jyz 'ешы!'; na nože, p'iňúnze$.

9. Фонема $ʒ̣$, как в большинстве чешских диалектов, представлена в основном в составе сочетания $žẓ̌$, однако на части территории, подобно опавским говорам, на месте исторического $ḍ$, например, $žeržeč$.

10. На месте исторического слогообразующего нетвердого $ḷ$ в положении после губных перед твердыми альвеолярными согласными мы находим $eł$, в остальных случаях – $'il$, например, $pelny, velna; v'ilk, v'ilchka$.

На месте слогаобразующего твердого l_s , а также слогаобразующего нетвердого l_t в положении после иных, нежели губные, согласных, мы можем найти *lu, ul, ol/úl, u*, например, *dlug, stup; žulč, čolno/čúlno 'člun', mív'ic/mútvic'*.

Конечный *-l* причастных форм в положении после согласного не сохранился, например, *ňús 'nesl', v'úd 'vedl', spod || spadnul*.

11. На месте исторического r_s , а также r'_s в положении перед твердыми альвеолярными согласными мы находим *ar*, в случае с бывшей долготой гласного – *or*, на месте исторического r'_s в ином положении – *'yr/'ir, 'yř, иногда 'er, er*, например, *c'yrňi 'trni', v'yřba/v'yřba, ščyrb'ina, z'eržec', serce...*

12. Хотя во многих случаях *y* (это касается как изначально короткого, так и бывшего долгого) исторически восходит к *i (i)* в положении после твердого или отвердевшего согласного, *i* и *y* почти на всей территории функционируют в качестве самостоятельных фонем, так как в ряде случаев мы находим *y* в положении после мягких согласных, например, *p'yc 'péci', b'yda, stav'yňi, z'ym, jyž, zlož'uj* и т.п. При этом в положении после *k', g'*, а на части территории также после *ch' (h')* вместо исторического *y* представлен *i*, например, *k'ivac', dlug'i, much'i, c'ich'i*.

13. Исторический *u* (в том числе краткий *u*, возникший из долгого *ú*) сохранился в положении и после твердых, и после мягких согласных. На месте исторического короткого носового φ представлен носовой φ , на месте исторически долгого носового $\bar{\varphi}$ – носовой $\acute{\varphi}$ или же его рефлекс, например, *dymb, rynka; gúš'ur, ňesúm*.

14. Исторический краткий *e* (в том числе $e < \acute{e}$) на всех территории в большинстве случаев сохранился, однако в положении перед носовыми согласными он перешел в *y* или *i*, а в положении перед твердыми альвеолярными $e > 'o$, а $\acute{e} > 'a$, например, *(j)ešče, třeba/třeja (třa), ňymy (ňimy), jymu/ňymu, paňynka; c'otka, s'ostra; ňev'asta, m'asto*.

На месте исторического долгого \acute{e} , а также долгого \acute{e} (в том числе возникших в результате вторичного продления кратких *e* или \acute{e}) в большинстве случаев мы находим *y* или *i*, однако в положении перед твердыми альвеолярными на месте \acute{e} представлен \acute{u} (*u*), а на месте \acute{e} – $'o$, например, *dobre mlyko, v'ys'c', ňys'c', jyž – ježa, g'ych, s'p'yvac' × lúd – lodu; přiňús 'přinesl'; p'osek, ob'od – ob'ada*.

15. Исторический краткий *o* на всей территории с большинством случаев сохранился, однако в положении перед носовыми согласными он перешел в \acute{u} (*u*), например, *kop'ec, noga, kupovac' (-č) × hŕnym, chrŕmu*. На месте исторического долгого \acute{o} представлен, как правило, \acute{u} (*u*) например, *kůň, hrůza, rŕs'c' (|| ros'c'), schůd, drůzd – schoda, drozda*. Результаты данного чередования представлены, в отличие от иных чеш-

ских говоров, также в рефлексах праславянских сочетаний **tort*, **tolt*, например, *broda*, *głos*, *vrúna*, *plúmyň*, *krútk'i*, *plútno*.

16. Исторический краткий *a* сохранился и после твердых, и после мягких согласных, на месте исторического долгого *á* (в том числе из долгого *á*, получившегося из краткого *a* в результате вторичного продления) в большинстве случаев представлен *o*, однако в положении перед носовыми согласными мы находим *ú* (*u*), например, *blozyn*, *kabot*; *s'm'oc' s'e*, *gřoc'*; *inšo cesta*; *god*, *obroz – gada*, *obraza*; *múm* 'mám' – *moš* 'máš'; *pún – pana*.

Сочетание *aj* в составе форм превосходной степени и императива в большинстве случаев сохраняется, например, *nejlepšy / nejlepši, dej, dočkej*.

В случаях типа *ležec' – leželi – ležol – ležala* речь идет о результатах не обычной для многих других чешских говоров перегласовки 'a^(s) > 'e^(s), а морфологического выравнивания по образцу *lec'ec' – lec'eli*.

На месте позднего праславянского краткого *ę* в большинстве случаев мы находим *y*, на месте долгого *ę' – ũ* с палатализацией предшествующего согласного либо их рефлексы, например, *c'ysk'i*, *c'elym*; *m'es'únc*, *p'iňúnze*.

17. В примерах типа *groch*, *bloto*; *nam'i*, *vam'i*; *byc'*, *dac'*, *chcec'* исторические краткие согласные сохранились так же, как они сохранились в подобных случаях в силезских, восточно-моравских и центрально-моравских диалектах. На случаи исторического вторичного продления кратких гласных указывают примеры типа *břyg/břig*, *drúzd*, *god* × *břega*, *drozda*, *gada*.

18. Изменению *sh-* > *zh-* в некоторых чешских диалектах в смешанных чешско-польских диалектах соответствует изменение *sg-* > *zg-*. Сочетания *šč*, *žž* сохраняются.

19. Соотношение между твердым и мягким типами склонения в смешанных чешско-польских говорах в целом такое же, что и в говорах силезских.

20. Имена существительные типа *gos'c'*, *kořyň*, *lok'ec'*, *kolňa*, *p'ekarňa*, *Maruša*, *Łaž'a* относятся к мягким типам склонения. По образцу твердых типов склонения изменяются существительные с основой на *-s*, *-z* (как в большинстве силезских говоров), а также существительные с основой на *-l* (как в большинстве силезских и восточно-моравских говоров).

21. Так же, как и в большинстве силезских говоров, выровнены окончания местного и творительного падежей единственного числа мужского и среднего рода прилагательных, а также родовых местоимений.

22. В позиции именительного падежа множественного числа существительные мужского рода и родовые местоимения различают одушевленность / неодушевленность.

23. В положении творительного падежа множественного числа во всех словоизменительных парадигмах используется окончание *-m'i* (*-am'i*), например, *břegam'i, gûram'i*.

24. При образовании прошедшего времени для выражения 1 лица единственного числа используются конструкции типа *jo nos'il* или *joy nos'il*, для выражения 1 лица множественного числа – конструкции типа *tu nos'ili* или *тууту nos'ili*.

25. У глаголов, форма императива 2 лица единственного числа которых оканчивается на *-i(j)* или *-y(j)*, формы 1 лица и 2 лица множественного числа оканчиваются на *-i(j)ту* и на *-i(j)c'e* соответственно, например, *zavřij – zařijту – zavřijc'e*.

26. Страдательное причастие представлено только в адъективной форме, например, *je tu um'ecûne, bez'e podojûne*.

27. От деепричастия настоящего времени представлены лишь отдельные адвербиализованные единицы, например, *ňechsyncy*.

28. Ударение падает на предпоследний слог в слове, при этом возможно некоторое продление ударного гласного, а также повышение тона.

7.3. Образцы смешанных чешско-польских говоров

Z Nového Bohumína-Šunychlu, okr. Karviná (žena, 1784)

Osada **Šunychl** (německy *Schönichel*, polsky *Szonychel*, slezsky *Šunychel*) je část města Bohumína. Šunychl se nachází v okrese Karviná v Moravskoslezském kraji.

[O dožínkách] Žňivůfka s'e to nazyvalo. To my tu baji¹ s tego dvora,² to my šli tam do Bogum'ina m'asta. To tam je gospoda, Kozlov'ec s'e to nazyvalo, to tam nejv'ynce to s'e oprav'alo.³ To my tu šli ze Šunychla tam do m'asta na ta žňivůfka, nů! — Nů tůž⁴ muzyka grala_a, c'i žňivňicy tam byli. Tam žodyn niž nedostoł, yny⁵ ta muzyka byla. A baji, jak s'e dob'yzol,⁶ tůš s'e v'iñec kup'yl dlo folvaltera,⁷ dlo adyjũnka, pacholkũm, uũto,⁸ co s'e jim na maštal⁹ pov'es'yl. I tůš to bylo takovne.

¹ ba i, také ² z velkostatku (kde byli zaměstnání) ³ odbývalo ⁴ tak, tedy ⁵ jenom ⁶ nabízel, prodával ⁷ pro dozorce ⁸ tedy ⁹ stáj

(Zaznamenal E. Lotko)

Z Petrovic-Prstné, okr. Karviná (žena, 1898)

Obec Petrovice u Karviné

(polsky *Piotrowice koło Karwiny* německy *Petowitz bei Freistadt*) se nachází v okrese Karviná v Moravskoslezském kraji. Leží severně od města Karviné, na východě a severu hraničí s Polskem. Žije zde přibližně 4 900 obyvatel.

Jagech se po drug'i vydala, m'eškali my¹ f tak'i dřev'ůnce² male. A prišoł též do nas tak'i stary pacholek, co se strąskoł v nogym.³ Ležoł ve stodole, boy nimata v izb'e placu.⁴ A potymey mu mŭv'ila_až iz'e⁵ do doktora s tũn nogũm, bo go to bolalo, a ũn s'e strašne boł dochtorũf, i tag ñech'ol is'c', i ob'es'il s'e m'i f te stodole. Tagech s'e strašne boła potym f te stodole. Ale vyy'yz'li go. Drab'inech spolyła,⁶ co s'e na ñi pov'es'il, i zapũmũnalaŋ na to.

¹ bydleli jsme ² dřevěné chaloupce ³ uhořel do nohy ⁴ místa ⁵ aby šel, ať jde ⁶ žebřík jsem spálila

(Zaznamenal E. Lotko.)

Z Albrechtic, okr. Karviná (muž, 1879)

Obec **Albrechtice** (polsky *Olbrachcice*, německy *Albersdorf*) se nachází v okrese Karviná v Moravskoslezském kraji. Žije zde přibližně 3 800 obyvatel.

Jo ješče jag byl synkym małym, choz'ił do ha'vyrñe,¹ to choz'ił z Ol'bráč'ic až na Gabrijele, to je Mŭr.² To je dv'e goz'iny cesty! Auto'busũf ñe'było, by'cygli³ ñe'było. P'ešo furt, stũmpaŋ až tam, čy dešć

padol čy ňi. Teraz s'ez'ne do auto|busa, jesto uchrů|ňůny od |dežža, ale ftedy⁴ ňi! Nebylo kům p'ěli, s'e ňepře|vlekt, jak'i šol zmo čůny, ták'i nádot.⁵ I potym dał byl f tym vyngtu.⁶ A zas' do dům tag zma|zaňy, potym s'e vz'yno — do škopku v'ody, abo na l'avor. Tu s'e umyli...

¹ na šachtu ² důl Gabriela (nyní Mír) ³ jízdních kol ⁴ tehdy ⁵ dolů (musel f'arat) ⁶ uhlí

(M. Romportl, Zvuková stránka souv. řeči v nářečích na Těšínsku, s 96; přepsáno, zachováno však vyznačení přízvuku i fakultativního dlužení přízvucných samohlásek)

Z Ropice u Čes. Těšina, okr. Frýdek-Místek (muž, 1880)

Ropice (polsky *Ropica*, německy *Ropitz*) je obec, která se nachází v okrese Frýdek-Místek v Moravskoslezském kraji. Žije zde přibližně 1 700 obyvatel.

Fojtym¹ byu Jůnek Lazar, s'edlog v Rop'icy. Tamech choz'iu, každy štv'erz' roku s takům vůškům ks'ůžečkům² dofke³ puac'ic'. Puac'iliymy dofk'i ryjňsk'i os'ymz'esunt dva grejcary. To byua dofka jyny s pala a chaupy. Te drugům dofke vyb'yrou rehtůr⁴ a nazyvaua s'e konškrypcyja. A te dofke chozili tatulek puac'ic', bo s'e z rehtorym dobře znali a zašli se potym z rehtorym do gospody na maryjaša. — Rehtůr byu fusaty a ot kuřyňo m'ou fusy zuute. — Jageymy vyv'ydli jak'i guupstvo, tag naz b'iu takovym metrovym lyskofcym. A na k'im tyn lyskov'ec pouůmou, to zas' mus'ou na drug'i z'yň přiňys'c' tak'i lyskov'ez novy. Byu to dobry rehtůr podle mojigo rozumu, doz'z' naučy.

¹ starostou ² úzkou knížečkou ³ dávkou, daň, ⁴ učitel

(A. Kellner, Východolašská nářečí II, s. 110n.)

Z Nýdku, okr. Frýdek-Místek (muž, 1859)

Obec **Nýdek** (polsky *Nydek*, německy *Niedek*) se nachází v okrese Frýdek-Místek v Moravskoslezském kraji. Žije zde přibližně 2 100 obyvatel.

[Plavení dříví] ... *tužechmy m'eli v lasach robote. Tamy vožovali¹ dŕyvo z groňi² na potok – a daleko byu^o třeba choz'ic' do vyrchu po to dŕyvo. Potę to puav'ili: byuy tak'i stavy, zastav'ili vodę, potę to ve v'os'ňe³ pus'c'ili, nacybali⁴ dŕyva do potokůf a potę tę. vodę pus'c'ili i to dŕyvo ta voda s tych stavůf ňusya. A chyop'i m'eli tak'i uoseng'i,⁵ tak'i žgouy⁶ železna na koŕcu a ta žertka byu^a dřev'anno, tak to poc'iskali¹ za tų vodę, co by s'e to ňezastav'iuo.*

¹ vozívali ² ze strání ³ na jaře ⁴ naházeli (?) ⁵ bidla ⁶ bodce ⁷ postrkovali
(A. Kellner, Východolašská nářečí II, s. 112)

Z Písku u Jablunkova, okr. Frýdek-Místek (žena, 1907)

Obec **Písek** (polsky *Piosek*, německy *Piosek*) se nachází v okrese Frýdek-Místek v Moravskoslezském kraji. Žije zde přibližně 1 900 obyvatel.

K'ejši¹ my muůcyvovali² cepam'i a to še muůcyvovalo nejv'yncej f p'ynčoro,³ jag juš tam jedyn drug'imu teš šeu, p'umogou. A muůčilimy, jag ňelza byu^o starčič⁴ přet kopaňim, to muůčilimy v žim'e. A jag nejbarži⁵ marzuo, to še nejlepši muůciyo, bo byu^o gumno⁶ t'arde, bo nebyu^o gumno dřev'anne f stodole, jak to pov'adajům klep'isko či sklep'isko, – byu^o gliňanne. Tak, jag byu^o – jag byu^o mrús, tak to byu^o t'arde, to še to dobře muůciyo, co⁷ še to dobře vydŕiuo. Nů to še nejv'yncej přez zimym muůcyvovalo...

¹ kdysi ² mlátivávali ³ v pětici (patero) ⁴ stačit, stihnout ⁵ nejvíc ⁶ mlat, podlaha na mlatě ⁷ že, protože

(Zaznamenal E. Lotko)

Západní okrajové nářečí z Petřvaldu, okr. Karviná (žena, 1892)

Město **Petřvald** (polsky *Pietwald*, německy *Peterswald*) se nachází v okrese Karviná v Moravskoslezském kraji. Obec, v níž žije přibližně 7 400 obyvatel, leží v české části historického Těšínského Slezska.

Dz'is'o¹ se c'i mi s'ňilo, žech štoła s tebum, Liduš, na zogroz'e – esli to bylo rano_abo² v'ečur c'i_ůž nevim... ynym v'im že slunko bylo jaks'i tag

nizko, a tak c'icho bylo, a naros c'i iz'e ot k'erchova star'y a pov'ado: Co tu stojc'e, skovejc'e se, bo teras⁴ polecum. A jo_ech se chc'ala spytac⁸ co, a tu c'i ot vychodu lec'eli m'ala takum hzule, ale takum hruze, a tys' pov'adala: Hunym do sklepa! A jo c'i naroz m'ala nogi tak c'yn'ski, a ni se ruši_m'ejsca.⁷

¹ dnes ² nebo ³ od hřbitova ⁴ ted' ⁵ zeptat ⁶ tolik ⁷ pohnout z místa

(Z rukopisné práce Z. Kovalčíka)

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Белич Я., Гавранек Б., Едличка А., Травничек Ф. К вопросу об «обиходно-разговорном» чешском языке и его отношении к литературному чешскому языку // Вопросы языкознания, 1961, № 1. С. 44-51.
- Бельчиков Ю. А. Просторечие // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 402.
- Васильева В.Ф., Широкова А.Г. Чешский язык в новом тысячелетии (общая характеристика языковой ситуации и динамических инноваций) // Славянский вестник. Вып. 1. М., 2003. С. 46-69.
- Веверкова К. Земский патриотизм педагога и священника немецкой национальности Антона Кромгольца (1790-1869) в водовороте революционного 1848 года: размышления над церковно-юридическими аспектами сосуществования чехов и немцев в Чехии // Права держава. Вып. 14. Одесса: Астропринт, 2012. С. 12-18.
- Виноградов В.В. Избранные труды. М.: Наука, 1980. 360 с.
- Губачек Я. О традиции изучения сленга в чешском языке // Вопросы языкознания. 1980. №2. С. 127-135.
- Длуги Д.А., Раевский Б.Г., Буравцева Н.Р. Чешско-русский. Русско-чешский словарь: около 40 000 слов и словосочетаний. М.: АСТ, 2007. 731 с.
- Дуличенко А.Д. Литературная ляхтина Ондры Лысогорского в контексте западнославянских языков и в связи с литературными микроязыками современной Славии // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М.: Наука, 1993. С. 151-161.
- Изотов А.И. Система причастных форм в современном чешском литературном языке в сопоставлении с русским (формообразование, семантика, функционирование): Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1991. 21 с.
- Изотов А.И. Чешские атрибутивные причастия на фоне русских. М.: Филологический факультет МГУ, 1993. 100 с.
- Изотов А.И. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским. Врпо: L. Marek, 2005. 274 с.
- Изотов А.И. Чешский национальный корпус и аналитический императив: опыт корпусного анализа малоупотребительных и маргинальных языковых единиц // Вестник Оренбургского государственного университета. 2007. № 2. С. 4-11.
- Изотов А. И. Императивность как прагмалингвистический феномен: На материале чешского языка. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008. (а)
- Изотов А.И. Литературный чешский язык и обиходно-разговорное койне // Язык, сознание, коммуникация. Вып 36. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 64-69. (b)
- Изотов А.И. О новом «Большом чешско-русском словаре» // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (литературоведческий и лингвистический аспекты). Кострома, 2008. С. 492-503. (с)
- Изотов А. И. Опыт корпусного анализа чешских директивных и директивно-коммисивных перформативных глаголов // Вестник Российского

- университета дружбы народов. Серия Лингвистика. 2012. № 3. С. 99-107. (a)
- Изотов А.И. Новый чешско-русский словарь: около 100 000 слов и выражений. - М.: Дрофа, 2012. 1023 с. (b)
- Изотов А. И. Обиходно-разговорный чешский язык – химера или реальность // Альманах современной науки и образования. 2013. № 12 (79). С. 69-72. (a)
- Изотов А. И. Корпусная революция: от «искусства» к «науке» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 4-1. С. 68-71. (b)
- Изотов А. И. Чешское обиходно-разговорное койне vs русское просторечье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. 2013. № 1. С. 52-60. (c)
- Изотов А. И. К проблеме построения учебного словаря субстандартного языка // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 2 (14). С. 82-88. (a)
- Изотов А. И. Опыт корпусного анализа чешской обиходно-разговорной лексики в сопоставительном плане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. 2014. № 1. С. 67-76. (b)
- Изотов А.И. Эскиз частотного словаря ядра обиходно-разговорной чешской лексики // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 48. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 5-25. (c)
- Изотов А.И. Диалект в чешском художественном тексте // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2015. №3(15). С. 115-126.
- Изотов А.И. К вопросу об общенациональном субстандарте в чешском и русском языковых пространствах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 2-2. С. 131-134.
- Изотов А.И. [реп. на:] J. Hoffmannová, J. Homoláč, E. Chvalovská, L. Jilková, P. Kaderka, P. Mareš, K. Mrázková. Stylistika mluvené a psané češtiny. Praha: Academia, 2016. 528 s. // Славяноведение. 2018. № 3. С. 119-120. (a)
- Изотов А.И. Чешский язык: учебное пособие по развитию устной речи в двух частях: часть 1: тексты и упражнения. М.: МАКС Пресс, 2018. 176 с. (b)
- Изотов А.И. [реп.:] V.Skalička. Opavština pro samouky. Štěbořice: Matica slezská, 2017. 192 s // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2019. №3. С. 203-209.
- Кондрашов Н.А. Славянские языки: Учеб. пособие для студентов филол. спец. пед. ин-тов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1986. 239 с.
- Кёстер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нестандарт // Русистика [Берлин]. 1993. № 2. С. 15-31.
- Кудинова Т. А. «Общий жаргон» в системе субстандarta // Информационный гуманитарный портал Знание. Понимание. Умение. 2010. № 5.
- Кудрявцева Л. А. Живая речь – язык СМИ – общелитературный язык: аспекты взаимодействия // Актуальные проблемы вербальной коммуни-

- кации: Язык и общество. Сб. научн. тр. / Под общей ред. Л.А. Кудрявцевой. Киев, 2004. С. 61-65.
- Липгарт А.А. Основы лингвопоэтики. М.: Диалог-МГУ, 1999. 165 с.
- Липгарт А.А., Хуринов В.В. Функциональные стили современного английского языка: Наука и журналистика. М.: Книжный Дом «Либроком», 2013. 208 с.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
- Лифанов К.В. Диалектология словацкого языка. Москва: Инфра-М, 2012. 86 с.
- Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 285 с.
- Лукашанец А. Сацыяльная стратыфікацыя беларускай мовы // Язык и социум: материалы VIII Международной научной конференции. В 2 ч. Ч. 1. Минск: РИВШ, 2009. С. 36-40.
- Мареш П. Стиль и разновидности языка // Стилистика сегодня и завтра. Материалы конференции. Часть II. М.: Факультет журналистики МГУ, 2014. С. 206-210.
- Меркурьева В.Б. О разграничении диалекта и обиходно-разговорного языка // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. Т. 5. № 2. С. 124-130.
- Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. М.: Аспект Пресс, 2000. 207 с.
- Мокиенко В.М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. Берлин, 1994, № 1/2. С. 50-73.
- Нахтигал Р. Славянские языки / Под ред. и с предисловием С.Б. Бернштейна. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. 340 с.
- Нешименко Г.П. Языковая ситуация в славянских странах: Опыт описания. Анализ концепций. М.: Наука, 2003. 279 с.
- Плунгян В.А. Зачем мы делаем Национальный корпус русского языка? // Отечественные записки. М., 2005, № 2. С. 296-308.
- Руденко М.Ю. Исследование арго, жаргона и сленга: вопросы терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. №5(59): в 3-х ч. Ч. 3. С. 127-134.
- Сталл П. Обиходно-разговорный чешский язык // Вопросы языкознания, 1960, № 2. С. 11-20
- Скорвид С.С. Чешский язык // Языки мира: Славянские языки. М.: Academia, 2005. С. 234-274.
- Скорвид С.С., Третьякова И.В. «Тут жил Кирилл, а там – Мефодий...», или чехи под Новороссийском // Язык, сознание, коммуникация. Вып.38. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 40-54.
- Степанов Г.В. Национальный язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка. 2-е изд. / Под ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2006. 696 с.

- Суслова А.С. Семантические особенности медицинского просторечья // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. № 3-2. С. 488-496.
- Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М.: Наука, 1988. 240 с.
- Чешский язык: Учебник для I и II курсов / А.Г. Широкова, П. Адамец, Й. Влчек, Е.Р. Роговская. 2-е изд. испр. и доп. М.: Высшая школа, 1988. 544 с.
- Широкова А.Г. Чешский язык. М.: Изд-во лит-ры на ин. языках, 1961. 351 с.
- Ausführliches Lehrgebäude der böhmischen Sprache zur gründlichen Erlernung derselben für Deutsche, zur vollkommenen Kenntnis für Böhmen / Von Joseph Dobrowsky. Prag, 1809.
- Bachmann L. K vývoji slovní zásoby lidového jazyka // Naše řeč. 1959. č. 3-4. S. 83-91.
- Bachmannová J. Tradiční dialekt a mluva mládeže na Železnobrodsku // Český jazyk na přelomu tisíciletí / Ed. Fr. Daneš, J. Bachmannová, S. Čmejrková, M. Krčmová. Praha: Academia, 1997. S. 183-192.
- Balhar J. Formování městské mluvy v Opavě // Naše řeč. 1974. č. 1. S. 13-18.
- Balhar J. et al. Český jazykový atlas. 1. Praha 1992. S. 39-43. (Второе [электронное] издание 2012).
- Bartoš F. Dialektologie moravská I. Brno, 1886.
- Bartoš F. Dialektologie moravská II. Brno, 1895.
- Bečka J. V. Úvod do české stylistiky. Praha, 1948.
- Bečka J. V. Odstavce // Naše řeč. 1964. S. 65-74.
- Beliavski M. Čeština uncensored. Praha: Powerprint, 2015. 216 с.
- Bělič J. Hláskosloví obce Nechvalína u Kyjova. Praha, 1947.
- Bělič J. Dolská nářečí na Moravě. Praha, 1954.
- Bělič J. K otázce pomezních nářečí // Slovo a Slovesnost. 1955. č. 3. S. 129-139.
- Bělič J. Vznik hovorové češtiny a její poměr k češtině spisovné // Československé přednášky pro IV. Mezinárodní sjezd slavistů v Moskvě. Praha : NČAV, 1958. S. 59-71.
- Bělič J. Bojujme za upevňování a šíření hovorové češtiny // Český jazyk a literatura. 1959. S. 433-441.
- Bělič J. Celonárodní slovní zásoba ne plně spisovná a nespisovná // Slovo a Slovesnost, 1964. S. 11-24.
- Bělič J. Nástin české dialektologie. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1972. 464 с. + mapy.
- Bělič J. K jazykové příslušnosti nářečí na Těšínsku // Naše řeč. 1975. č. 5. S. 206-210.
- Bělič J., Havránek B., Jedlička A., Trávníček F. K otázce obecné češtiny a jejího poměru k češtině spisovné // Slovo a Slovesnost. 1961. č. 2. S. 98-106.
- Bělič J., Havránek B., Jedlička A. Problematika obecné češtiny a jejího poměru k jazyku spisovnému // Slovo a Slovesnost. 1962. č. 2. S. 108-125.
- Bělič J., Křístek V. Moravskoslovenská nářečí. Olomouc, 1954.
- Bermel N. O tzv. české diglosii v současném světě // Slovo a Slovesnost. 2010. № 1. S. 5-30.

- Brabec O. Významový slovník běžnějších odborných pojmů, slangových výrazů a zkratk z oblasti provozu ČST v Praze. Praha, 1978.
- Crânjală D. Rumunské vlivy v Karpatech se zvláštním zřetelem k moravskému Valašsku. Praha, 1938.
- Cvejnová J. Česky, prosím II. Učebnice češtiny pro cizince. Praha: Karolinum, 2012.
- Cvrček V. et al. Mluvnice současné češtiny 1/ Jak se píše a jak se mluví / V. Cvrček, V. Kodýlek, M. Kopřivová, D. Kovářiková, P. Sgall, M. Šulc, J. Táborský, J. Volín, M. Waclawičová. Praha: Karolinum, 2010. 354 s.
- Český jazyk na přelomu tisíciletí / Ed. Fr. Daneš, J. Bachmannová, S. Čmejrková, M. Krčmová. Praha: Academia, 1997. 292 s.
- Čeština: Řeč a jazyk / Eds. M. Čechová. Praha: ISV Nakladatelství, 1996. 380 s.
- Čuřín F. Historický vývoj označování rodiny a rodinné příslušnosti v českých nářečích. Praha, 1964.
- Čuřín F. Studie z historické dialektologie a toponomastiky Čech. Praha, 1967.
- Čuřín F. Kapitoly z dějin Českých nářečí a místních a pomístních jmen. Praha, 1970.
- Čuřín F. Staré svědectví o východočeském nářečí // Naše řeč. 1974. č. 3. S. 162-163.
- Daneš Fr. Pojem „spisovného jazyka“ v dnešních společenských podmínkách // Dynamika současné češtiny z hlediska lingvistické teorie a školské praxe. Praha: PFUK, 1988. S. 21-28.
- Dejmek B. Neslabičné u v běžně mluveném jazyce Přelouče // Naše řeč. 1970. č. 1. S. 32-36.
- Dejna K. Polsko-laskie pogranicze językowe na terenie Polski II. Łódź, 1951.
- Dejna K. Polsko-laskie pogranicze językowe na terenie Polski. II. Łódź, 1953.
- Dusilová K. Slang ve školním prostředí – porovnání ZŠ a SŠ: BP. Praha: PF UK, 2018. 183 s.
- Encyklopedický slovník češtiny / Eds. Karlík P., Nekula M., Pleskalová. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2002. 604 s.
- Ferguson Ch. Diglossia // Language and Social Structures / Ed. Giglioli P.P. London : Penguin, 1972. P. 232-251.
- Florilegium in honorem Alexandri Isačenko: Ad iubulaeum centenarium oblatum / Eds. A. Eliáš, L. Matejko. Bratislava, 2011. 131 s.
- Hacknutá čeština: Neortodoxní slovník dnešní mateřtiny / M. Kavka, M. Škrabal, M. Lišková, H. Zadražil, R. Nekula, L. Papřoková, P. Tomeš, P. Kukul, A. Charvátová, J. Marvan. M. Losekoot. Příbram: Jan Melvil Publishing, 2018. 272 s.
- Hála B. K popisu pražské výslovnosti. Praha, 1923.
- Haller J. Popis a rozbor lidové mluvy v pěti podřipských obcích. Praha, 1932.
- Hausenblas K. K pojetí „současného jazyka“ // Slovo a Slovesnost 29, 1968. S. 348-354.
- Hausenblas O. K tzv. pronikání obecné češtiny do spisovného jazyka // Slovo a Slovesnost 54, 1993. S. 97-106.
- Havránek B. Úkoly spisovného jazyka a jeho kultura // Spisovná čeština a jazyková kultura / Eds. B. Havránek, M. Weingart. Praha: Melantrich, 1932. S. 32-84.

- Havránek B. Nářečí česká // Čs. vlastivěda III. Praha, 1934.
- Havránek B. K historické dialektologii // Slovo a Slovesnost. 1955. S. 5-30, 153-158.
- Havránek B. Studie o spisovném jazyce. Praha: Nakladatelství Akademie věd, 1963. (a)
- Havránek B. Na závěr dvouleté diskuse o obecné a hovorové češtině // Slovo a Slovesnost. 1963. č. 4. S. 254-261. (b)
- Havránek B. Retrospektivní pohled na jazykovou kulturu // Naše řeč. 1976. č. 5. S. 225-227.
- Havránek B., Jedlička A. Česká mluvnice. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1981. 592 s.
- Hodura Q. Nářečí litomyšlské. Litomyšl, 1904.
- Hoffmannová J. et al. Stylistika mluvené a psané češtiny / J. Hoffmannová, J. Homoláč, E. Chvalovská, L. Jílková, P. Kaderka, P. Mareš, K. Mrázková. Praha: Academia, 2016. 512 s.
- Horečka F. Nářečí na Frenštátsku. Frenštát, 1941.
- Hošek I. Nářečí českomoravské I. Podřečí polnické. Praha, 1900.
- Hošek I. Nářečí českomoravské II. Podřečí polnické. Praha, 1905.
- Hrbáček J. Hovorová čeština // Přednášky z XXXIV. a XXXV. běhu letní školy slovanských studií. Praha : FFUK, 1995. S. 53-61.
- Hrdlička M. Kapitoly o češtině jako cizím jazyce. Plzeň: Západočeská univerzita v Plzni, 2010. 248 s.
- Hruška J.F. Dialektický slovník chodský. Praha, 1907.
- Hubáček J. K dnešnímu stavu studentského slangu // Naše řeč. 1965. № 2. S. 86-90.
- Hubáček J. Železničářský slang. Praha, 1974.
- Hubáček J. O českých slanzích. Ostrava, 1979.
- Hubáček J. Malý slovník českých slangů. Ostrava: Profil, 1988. 189 s.
- Chloupek J. Nářečí ve filmu o slovácké vesnici // Naše řeč. 1955. № 7-8. S. 217-221.
- Chloupek J. Tvary třetí osoby mn. č. přít. času ve východomoravských nářečích // Naše řeč. 1963. č. 2. S. 65-70.
- Chloupek J. Aspekty dialektu. Brno, 1971.
- Ivić P. Zusammenfassung der Ergebnisse des Internationalen Symposiums 'Zur Theorie des Dialekts' // J. Göschel et al. (eds.) Dialekt und Dialektologie. Beihefte N.F. Nr. 26 der Zeitschrift für Mundartforschung. Wiesbaden, Franz Steiner, 1980. S. 366-383.
- Jančák P. Některé místní znaky v středočeských nářečích // Naše řeč. 1962. č. 5. S. 151-162.
- Jančák P. K jazykovému zeměpisu Čech. Některé případy západočeského krácení v koncovkách // Naše řeč. 1970. č. 1. S. 129-137.
- Jančák P. Čeština v Ivanově Sele v Jugoslávii // Slovo a Slovesnost. 1971. č. 3. S. 241-257.
- Jančák P. Frekvence hlavních hláskoslovných znaků v mluvě pražské mládeže // Naše řeč. 1974. č. 4. S. 191-199.

- Jančák P. Běžná mluva v Praze a její nářeční zázemí // Český jazyk na přelomu tisíciletí / Ed. Fr. Daneš, J. Bachmannová, S. Čmejrková, M. Krčmová. Praha: Academia, 1997. S. 200-211. (a)
- Jančák P. Mluva v severozápadočeském pohraničí // Český jazyk na přelomu tisíciletí / Ed. Fr. Daneš, J. Bachmannová, S. Čmejrková, M. Krčmová. Praha: Academia, 1997. S. 239-249. (b)
- Jančáková J. Jihozápadočeské nářeční prvky na jihovýchodním Příbramsku // Naše řeč. 1966. č. 3. S. 139-146.
- Jančáková J. Vydrovo „tit'ácké“ nářečí po 50 letech // Naše řeč. 1970. č. 4-5. S. 243-250.
- Jančáková J. Frekvence základních obecně českých hláskoslovných jevů v nářečních projevech // Naše řeč. 1974. č. 4. S. 183-190.
- Jančáková J. Nářečí středočeské obce Dobrovíz u Prahy // Český jazyk na přelomu tisíciletí / Ed. Fr. Daneš, J. Bachmannová, S. Čmejrková, M. Krčmová. Praha: Academia, 1997. S. 174-182.
- Janečková M. Vývoj nářečních jevů v jihočeském regionu // Český jazyk na přelomu tisíciletí / Ed. Fr. Daneš, J. Bachmannová, S. Čmejrková, M. Krčmová. Praha: Academia, 1997. S. 193-199.
- Jedlička A. K pojetí a vymezení knižnosti // Slovo a Slovesnost, 1973. S. 92-97.
- Jedlička A. Problematika variantnosti normy spisovného jazyka // Slovo a Slovesnost, 1977. S. 35-42.
- Jedlička A. Příspěvek ke vztahu sociolingvistiky a funkční stylistiky // Slovo a Slovesnost, 1977. S. 324-328.
- Jedlička A. K problematice jazykové situace // Slovo a Slovesnost, 1978. S. 300-303.
- Jedlička A. Typy norem jazykové komunikace // Slovo a Slovesnost, 1982. S. 272-281.
- Jelínek M. K poměru mezi hovorovou češtinou a spisovným jazykem // Slovo a Slovesnost. 1963. č. 1. S. 47-54.
- Kašík A: Popis a rozbor nářečí středobečevského. Praha, 1908.
- Kellner A. Štramberské nářečí. Brno, 1939.
- Kellner A. Východolašská nářečí I. Brno, 1946.
- Kellner A. Východolašská nářečí II. Brno, 1949.
- Kellner A. Úvod do dialektologie. Praha, 1954.
- Klímeš L. Poštovní slang v Plzni // Sborník Pedagogické fakulty v Plzni, Jazyk a literatura 11. Praha, 1973.
- Klímeš L. Slang plzeňských pekařů // Sborník Pedagogické fakulty v Plzni, Jazyk a literatura 12. Praha, 1976.
- Kloferová S. Mluva v severomoravském pohraničí // Český jazyk na přelomu tisíciletí / Ed. Fr. Daneš, J. Bachmannová, S. Čmejrková, M. Krčmová. Praha: Academia, 1997. S. 250-255.
- Kolaja M. Nářečí na Kyjovsku a Ždánsku. Kyjov, 1934.
- Kopečný F. Nářečí úřic a okolí. Praha, 1957.
- Kopečný F. K rozsahu přehlásky a – ě v nářečích hanáckých // Naše řeč. 1953. č. 7-8. S. 219.
- Kopečný F. Já myslel – tys myslel // Slovo a Slovesnost. 1963. č. 1. S. 26-28.
- Kotík A. Řeč lidu na Novopacku a Hořicku. Nová Paka, 1912.

- Krčmová M. Protetické v v brněnské městské mluvě // Naše řeč. 1974. č. 5. S. 243-248.
- Krčmová M. Jazyk mládeže na Moravě // Naše řeč. 1977. č. 3. S. 113-118.
- Krčmová M. Mluva dítěte v dnešní moravské jazykové situaci // Český jazyk na přelomu tisíciletí / Ed. Fr. Daneš, J. Bachmannová, S. Čmejková, M. Krčmová. Praha: Academia, 1997. S. 219-224. (a)
- Krčmová M. Proměny brněnské městské mluvy // Český jazyk na přelomu tisíciletí / Ed. Fr. Daneš, J. Bachmannová, S. Čmejková, M. Krčmová. Praha: Academia, 1997. S. 225-230. (b)
- Křístek V. Ostravská hornická mluva. Praha, 1956.
- Kubín J.Š. Lidomluva Čechů kladských. Praha, 1913.
- Kubín J.Š. Lidové povídky z českého Podkrkonoší. Praha, 1922.
- Lamprecht A. Středoopavské nářečí. Praha, 1953.
- Lamprecht A. K otázce lašských nářečí // Slovo a Slovesnost. 1955. č. 3. S. 140-145.
- Lamprecht A. Vývoj hláskového systému českého jazyka se zvláštním zřetelem k nářečím na Moravě a ve Slezsku // Slovo a Slovesnost. 1956. č. 2. S. 65-77.
- Lamprecht A. Ztráta měkkosti souhlásek a její odraz v našich nářečích // Naše řeč. 1962. č. 5. S. 147-150.
- Lamprecht A. Slovník středoopavského nářečí. Ostrava, 1963.
- Loriš J. Rozbor podřečí horhoostavského ve Slezsku. Praha, 1899.
- Malina I. Slovník nářečí mistříckého. Praha, 1946.
- Marvan J. Jazyk, jeho český případ. Prvních tisíc let: 800-1800. Praha: Nakladatelství Karolinum, 2015. 456 s.
- Mazlová V. Výslovnost na Zábřežsku. Praha, 1949.
- Michálková V. K polovětným konstrukcím v nářečí // Naše řeč. 1963. č. 3. S. 136-144.
- Michálková V. K interferenci jazykových útvarů v současnosti // Slovo a Slovesnost, 1968. S. 369-379.
- Michálková V. Studie o východomoravské nářeční větě. Praha, 1971.
- Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / Eds. Čmejková S., Hoffmannová J. Praha : Academia, 2011.
- Molnárová H. Spisovná čeština a nespisovné útvary českého jazyka // Slovník nespisovné češtiny / Hl. ed. J. Hugo. 3. vyd. Praha: Maxdorf, 2009. S. 10-17.
- Nekvapil J. Krajovalá diferenciacie jedného slangu // Naše řeč. 1977. č. 5. S. 237-242.
- Němcová B. Národopisné a cestopisné obrázky z Čech. Praha, 1951.
- Neruda J. Pražské obrázky. Praha, 1954.
- Nitsch K. Dialekty polskie Śląska. Kraków, 1939.
- Nitsch K. Dialekty języka polskiego. Wrocław-Kraków, 1957.
- Noha M. K výslovnosti souhláskových skupin v češtině // Slovo a Slovesnost. 1956. č. 2. S. 78-88.
- Nováček O. Brněnská plotna. Brno, 1929.
- Nový encyklopedický slovník češtiny / Eds. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2016. 2180 s. [два тома с продол-

- жающей нумерацией] см. <https://www.czechency.org/> (Обращение 23.01.2020)
- Obrátil K. J. Čítanka Dr. Edv. Beneše. Brno: O. Sobek, 1936.
- Olesch R. Die slavischen Dialekte Oberschlesiens. Berlin, 1937.
- Ouředník P. Šmírbuch jazyka českého. Slovník nekonvenční češtiny 1945-1989. Praha: Volvox Globator, 2016. 536 s.
- Petr J. Studium národních spisovných jazyků a jazyková kultura // Naše řeč. 1966. č. 1. S. 33-38.
- Petr J. Preface // Jungmann J. Slovník česko-německý. D. 1. Praha, 1989. S. 5-38.
- Polívka J. Povídky lidu opavského a hanáckého. Praha, 1916.
- Pravidla pro vědecký přepis dialektických zápisů českých a slovenských. Praha, 1951.
- Příruční mluvnice češtiny / eds. P. Karlík, M. Nekula, Z. Rusínová. Vydání 2. Praha: Nakladatelství Lidové Noviny, 1996. 800 s.
- Puchmajer A. J. Románi Čib, das ist: Grammatik und Wörterbuch der Zigeuner Sprache, nebst einigen Fabeln in derselben: Dazu als Anhang die Hantýrka oder čechische Diebessprach. Prag, 1821. 88 s.
- Racková M. K nářečnímu rozrůznění a tvoření slov // Naše řeč. 1962. č. 5. S. 163-170.
- Rejzek J. K formální adaptaci anglicismů // Naše řeč, 1993. S. 26-31.
- Rippl E. Zum Wortschatz des tschechischen Rotwelsch. Prag, 1926.
- Romportl M. Zvuková stránka souvislé řeči v nářečích na Těšínsku. Ostrava, 1958.
- Roudný M. Mluvený jazyk v pojetí Martina Hattaly v jeho Brusu // Slovo a Slovesnost. 1976. č. 1. S. 62.
- Sádlíková M. a kol. Velký česko-ruský slovník / Большой чешско-русский словарь. Voznice: LEDA, 2005.
- Sekera J. Česká mluva myslivecká. Praha: Státní zemědělské nakladatelství, 1972. 165 s.
- Siatkowski J. Dialekt czeski okolic Kudowy I, II. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1962.
- Siatkowski J. Bezpředložková spojení v nářečí kladských Čechů // Naše řeč. 1974. č. 4. S. 200-207.
- Sgall P. Znovu o obecné češtině // Slovo a Slovesnost. 1962. č. 1. S. 37-45.
- Sgall P. K diskusi o spisovné a obecné češtině // Slovo a Slovesnost. 1963. č. 4. S. 244-253.
- Sgall P. K některým otázkám naší jazykové kultury // Slovo a Slovesnost 42, 1981. S. 299-306.
- Sgall P. Chceme spisovnou češtinu ochuzovat a činit nemluvnou? (Na okraj jedné recenze) // Slovo a Slovesnost 51, 1990. S. 60-63
- Sgall P., Hronek J. Čeština bez příkras. Praha: H&H, 1992. 182 s.
- Sgall P., Trnková A. K metodám zkoumání běžně mluvené češtiny // Naše řeč. 1963. č. 1. S. 28-34.
- Skalička V. Opavština pro samouky. Štěbořice: Matica slezská, 2017. 192 s.
- Skulina J. O šíření nářečních znaků českých na hanácké území // Slovo a Slovesnost. 1953. č. 3. S. 186-194.
- Skulina J. Severní pomezí moravskoslovenských nářečí. Praha, 1964.

- Skulina J. O šíření obecné hanáčtiny // Naše řeč. 1966. č. 2. S. 88-93.
- Slavica mediaevalia in memoriam Francisci Venceslai Mareš / Johannes Reinhart (Hrsg.). Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien, 2006. 147 s.
- Slownjk česko-německý Josefa Jungmanna. Praha, 1835-1839.s
- Slovník nespisovné češtiny / Hl. ed. J. Hugo. 3. vyd. Praha: Maxdorf, 2009. 500 s.
- Sochová Z. K nářečí ve filmu // Naše řeč. 1953. č. 9-10. S. 276-281.
- Spisovná čeština a jazyková kultura: Sborník z olomoucké konference 23. 27.8.1993. Praha, 1995. 192 s.
- Steuer F. Narzecze Baborowskie. Kraków, 1937.
- Stieber J. Geneza gwar laskich. Kraków, 1934.
- Stich A. O hovorové češtině a jiných věcech v prešovském jazykovědném sborníku // Naše řeč. 1976. č. 5. S. 260-264.
- Stylistika současné češtiny / M. Čechová, J. Chloupek, M. Krčmová, E. Minářová. Praha: ISV Nakladatelství, 1997. 282 s.
- Stylistika mluvené a psané češtiny / J. Hoffmannová, J. Homoláč, E. Chvalovská, L. Jilková, P. Kaderka, P. Mareš, K. Mrázková. Praha: Academia, 2016. 528 s.
- Svěrák F. Boskovické nářečí. Brno, 1941.
- Svěrák F. Starší a mladší vrstva nářečí svatobořického // Slovo a Slovesnost. 1950. č. 3-4. S. 152-159.
- Svěrák F. Karlovické nářečí. Praha, 1957.
- Svěrák F. Nářečí na Břeclavsku a v dolním Pomoraví. Brno, 1966.
- Šipková M. Jak se adaptují nářeční mluvčí na mluvu Prostějova // Český jazyk na přelomu tisíciletí / Ed. Fr. Daneš, J. Bachmannová, S. Čmejrková, M. Krčmová. Praha: Academia, 1997. S. 212-218.
- Špalíček dobrých českých vtipů. II. Brno: Levné knihy KMa, 2006. 518 s.
- Šrámek R. Jak se proměňují slezská nářečí // Český jazyk na přelomu tisíciletí / Ed. Fr. Daneš, J. Bachmannová, S. Čmejrková, M. Krčmová. Praha: Academia, 1997. S. 231-238
- Štícha Fr. K pojetí spisovnosti // Spisovná čeština a jazyková kultura / Eds. J. Jančáková, M. Komárek, O. Uličný. Praha: FFUK, 1995. S. 57-60.
- Stříbrný T. Einfluss des Deutschen auf die Hultschiner Mundart. Brünn: FF MU, 2010. 76 s.
- Šuk J. Několik slangových slovníků. Praha: Inverze, 1993. 142 s.
- Šembera A.V. Základové dialektologie československé. Wien, 1864.
- Špatný Fr. Mluva myslivecká. Praha: Nákladem spisovatelovým, 1876. 73 s. <https://kramerius.uzei.cz/search/i.jsp?pid=uuid:9b058475-c0e2-11e5-9556-001999480be2>
- Švehlová-Dvončová J. Dvě stati A. G. Širokovové o češtině // Slovo a Slovesnost. 1956. № 4. S. 226-230.
- Téma B. Mluva hutníků na Bohumínsku a Karvínsku. Praha, 1958.
- Téma B. Mluva studentů východního Těšínska. Praha, 1966.
- Torberg F. Anhang : Als noch geböhmakelt wurde // Torberg F. Die Tante Jolesch und die Erben der Tante Jolesch (Doppelband). München: Verlag Langen Müller, 2008. S. 615-620.

- Trávníček Fr. O českém jazyce. Praha, 1924.
- Trávníček Fr. Moravská nářečí. Praha, 1926.
- Treimer K. Das tschechische Totwelsch. Heidelberg, 1937.
- Trost P. Strídání kódů // Slovo a Slovesnost. 1976. č. 1. S. 1-3.
- Uličný O. K teorii mluveného jazyka // K diferenciaci spisovného jazyka / Ed. D. Davidová. Ostrava: FFOU, 1994. S. 19-25.
- Utěšený S. O dnešním stavu hranice typu kaše//kaša v přechodné oblasti českých nářečí jihovýchodních // Naše řeč. 1953. č. 3-4. S. 91-96.
- Utěšený S. Lidový jazyk v Stroupežnického „Našich furiantech“ // Naše řeč. 1954. № 3-6. S. 115-123.
- Utěšený S. Poznámky k dnešní situaci české historické dialektologie // Slovo a Slovesnost. 1955. č. 3. S. 146-152.
- Utěšený S. Nářečí přechodného pasu česko-moravského. Praha, 1960.
- Utěšený S. Novinky z podještědského nářečí // Naše řeč. 1965. č. 2. S. 80-85.
- Utěšený S. Dialektologie v učebnici o vývoji jazyka // Naše řeč. 1966. č. 2. S. 102-104.
- Utěšený S. K jazykovému vývoji v pohraničí českých zemí // Slovo a Slovesnost. 1970. č. 1. S. 44-57.
- Utěšený S. Několik slovníkových a slovtvorných inovací v mluvě severomoravské mládeže (Příspěvek k studiu jazykové situace v pohraničí českých zemí) // Naše řeč. 1974. č. 1. S. 8-12.
- Utěšený S. K rozrůznění českého národního jazyka (Metodologické a terminologické poznámky) // Slovo a Slovesnost, 1980. S. 7-16.
- Utěšený S., Voráč J. Základní izoglosy severovýchodočeské nářeční oblasti // Slovo a Slovesnost. 1973. č. 2. S. 138-145.
- Vážný V. K otázce jazykového atlasu zemí českých // Slovo a Slovesnost. 1955. č. 3. S. 159-172.
- Voráč J. Česká nářečí jihozápadní I. Praha, 1955.
- Voráč J. Jihočeská změna zdvojených zubnic a sykavek // Naše řeč. 1962. č. 5. S. 137-146.
- Voráč J. Západočeské nářeční tvary typu chlapom, kravom a lidom (Věnováno prof. Vl. Šmilaurovi k 70. narozeninám) // Naše řeč. 1965. č. 5. S. 271-275.
- Voráč J. O nářečí ve Strážově na Šumavě // Naše řeč. 1974. č. 1. S. 5-7.
- Voráč J., Mazlová V. O dnešním stavu nářečí na bývalém menšinovém ostrůvku stříbrském // Naše řeč. 1950. č. 1-2. S. 13-18.
- Vydra B. Popis a rozbor nářečí hornoblanického. Praha, 1923.
- Zaręba A. Śląskie teksty gwarowe. Kraków, 1961.

Izotov, A.I.

Czech dialectology: Textbook. – Moscow: MAKS Press, 2022. – 184 p.

ISBN 978-5-317-06858-5

<https://doi.org/10.29003/m3011.978-5-317-06858-5>

The book presents the course of Czech dialectology, as it was taught for many generations of students at Moscow State University by the founder of the national school of Czech studies Professor A.G. Shirokova. The course takes into account the Czech tradition of the active use of vernacular and dialect not only in informal everyday communication, but also in drama, fiction and cinema.

Intended for students of Czech studies of universities of the level C1 in the Czech language.

Keywords: Czech studies, Czech dialectology, Czech vernacular, idiom, dialect, koine.

Учебное издание

ИЗОТОВ Андрей Иванович

ЧЕШСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

Учебное пособие

Издательство «МАКС Пресс»

Главный редактор: *Е.М. Бугачева*

Обложка: *А.В. Кононова*

Форзац – карта из Bělíč J. Nástin české dialektologie. Praha: SPN, 1972.

Отпечатано с готового оригинал-макета

Подписано в печать 28.09.2022 г.

Формат 60x90 1/16. Усл.печ.л. 11,5.

Тираж 500 (1-50) экз. Заказ 129.

Издательство ООО «МАКС Пресс».

Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,

2-й учебный корпус, 527 к.

Тел.8(495) 939-3890/91. Тел./Факс 8(495) 939-3891.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
115201, г. Москва, ул. Котляковская, д.3, стр. 13.

Изотов Андрей Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Более 250 публикаций, в том числе:

Изотов А.И. Чешская стилистика. М.: МАКС Пресс, 2020. 164 с. [http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/ceska_stylistika.pdf]

Изотов А.И. Чешский язык с улыбкой: учебное пособие. М.: МАКС Пресс, 2019. 416 с. [<http://www.philol.msu.ru/~slavphil/stud/smile.html>]

Изотов А.И. Лексикология чешского языка. М.: МАКС Пресс, 2017. 264 с. [http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/ceska_lexikologie.pdf]

Изотов А.И. Теоретическая фонетика чешского языка. – М.: МАКС Пресс, 2017. – 224 с. [http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/ceska_fonetika.pdf]

Изотов А.И. Императивность как прагмалингвистический феномен: На материале чешского языка. М.: URSS, 2016. 256 с.

Изотов А.И. Самоучитель чешского языка. Уровни А1-А2. М.: Филоматис, 2016. 424 с.

Изотов А.И. Чешско-русский и русско-чешский учебный словарь: около 40 000 слов и выражений. 3-е изд. испр. и доп. М.: Филоматис, 2014. 832 с.

Изотов А.И. Церковнославянский язык. М.: Филоматис, 2014. 296 с.

Изотов А.И. Новый чешско-русский словарь: около 100 000 слов и выражений. М.: Дрофа, 2012. 1024 с.

Изотов А.И. Старославянский язык в сравнительно-историческом освещении: Учебное пособие. М.: Издательство «Азбуковник», 2010. – 200 с. [http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/staroslav_komp.pdf]

Izotov A. American Cultural Literacy Phenomena in the Mirror of Czech National Corpus: Literature, Mythology, Folklore. Moscow: Azbukovnik, 2010. 200 p. [<http://www.philol.msu.ru/~slavphil/staff/izotov/american.pdf>]

Изотов А.И. Старославянский и церковнославянский языки: Грамматика, упражнения, тексты: Учебное пособие для средних и высших учебных заведений. М.: ИОСО РАО, 2001. 240 с. [http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/stsl_csl_web.pdf]

Изотов А.И. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским. Brno: L. Marek, 2005. 274 с. [<http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/imper.pdf>]

Изотов А.И. Чешские атрибутивные причастия на фоне русских. М.: Филологический факультет МГУ, 1993. 100 с. [<http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/participia.pdf>]

Изотов А.И. Старославянский и церковнославянский языки в средней школе. М.: Интелси, 1992. 144 с. [http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/izotov_starosl.pdf]

Изотов А.И. Русско-чешский разговорник. М.: Филология, 1997. 296 с. [переиздания в 1999 г. в издательстве “Филология”, в 2000 г. в издательстве “Каскад Ком”; переработанные издания в 2004, 2007, 2008 и 2009 годах в издательстве “Русский язык – Медиа”]